

Редакционный совет:

Н. С. БОНДАРЬ
В. А. СИВИЦКИЙ
Н. В. СТРУННИКОВА
О. С. ХОХРЯКОВА (председатель)

Главный редактор —
Н. В. Струнникова
Адрес редакции: 190000, Санкт-Петербург,
Сенатская площадь, дом 1
Телефон: 404-32-51

Номер подготовили:
И. В. Андреева
И. А. Бойцов
М. В. Бухаркина
Е. С. Евстратова
И. А. Михайлова
Н. А. Сергеева
Н. Ю. Сильваненко
Е. В. Скалон

Художник А. Б. Бобров

Сдано в набор 29.06.2016.
Подписано в печать 15.07.2016.
Формат 70 × 108^{1/16}. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. .
Тир. экз. Зак.

Издательство «Спарк».
117630, г. Москва,
Старокалужское ш., д. 22

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука»
РАН, ОП «Производственно-издательский
комбинат «ВИНИТИ»-«Наука», 140014,
Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский
пр-т, д. 403. Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97,
974-69-76.

Издательство «Спарк»

© Вестник Конституционного Суда РФ, 2016
Официальное издание

В НОМЕРЕ

Постановление по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. С. Лымарь

от 25 февраля 2016 года № 6-П 3

Постановление по делу о проверке конституционности части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой гражданина М. Л. Ростовцева

от 10 марта 2016 года № 7-П 14

Постановление по делу о проверке конституционности пункта «а» части первой статьи 16¹ Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Чеботарского

от 29 марта 2016 года № 8-П 25

Постановление по делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «СГИВ»

от 30 марта 2016 года № 9-П 36

Постановление по делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 169, частей 4 и 7 статьи 170 и части 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы

от 12 апреля 2016 года № 10-П 48

Постановление по делу о проверке конституционности статей 32, 34² и 217 Налогового кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 3 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации (России) и подпункта 5.1.1 Положения о Федеральной налоговой службе в связи с запросом Ленинградского окружного военного суда

от 13 апреля 2016 года № 11-П 75

4'2016

Определение по жалобе гражданина Давыдова Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 29.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

от 9 февраля 2016 года № 214-О 83

Определение по запросу Московского областного суда о проверке конституционности пункта 2 части третьей статьи 30 и статьи 389²⁰ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

от 10 февраля 2016 года № 215-О 89

Определение по жалобе регионального отделения политической партии «Республиканская партия России – Партия народной свободы» в Новосибирской области на нарушение конституционных прав и свобод подпунктом «в» пункта 6⁴ статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»

от 10 февраля 2016 года № 216-О 94

Определение по запросу Ленинск-Кузнецкого городского суда Кемеровской области о проверке конституционности частей 3 и 4 статьи 36 Федерального закона «О страховых пенсиях»

от 10 февраля 2016 года № 217-О 98

Определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Матросовой Татьяны Акимовны и Рассказовой Людмилы Анатольевны на нарушение их конституционных прав положением пункта 6 статьи 181⁴ Гражданского кодекса Российской Федерации

от 9 февраля 2016 года № 220-О 103

Определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Аксентьевой Светланы Аркадьевны на нарушение ее конституционных прав статьями 42, 131 и 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

от 9 февраля 2016 года № 222-О 108

Определение по запросу Курганского областного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

от 10 февраля 2016 года № 226-О 114

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

25 февраля
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 6-П

по делу о проверке конституционности
пункта 1 части третьей статьи 31
Уголовно-процессуального кодекса
Российской Федерации в связи с
жалобой гражданки А. С. Лымарь

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

с участием полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А. И. Александрова, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. В. Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки А. С. Лымарь. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявительницей законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю. М. Данилова, объяснения представителей стороны, принявшей и подписавшей оспариваемый акт, выступления приглашенных в заседание полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. Ю. Барщевского, а также представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – М. А. Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т. А. Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно пункту 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 года № 130-ФЗ с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 8 марта 2015 года № 47-ФЗ, верховному суду республики, краевому или областному суду, суду города федерального значения, суду автономной области, суду автономного округа, окружному (флотскому) военному суду подсудны, в частности, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью второй статьи 105, частью пятой статьи 131, частью пятой статьи 132, частью шестой статьи 134, частью четвертой статьи 210, частью пятой статьи 228¹, частью четвертой статьи 229¹, статьей 277, частью третьей статьи 281, статьями 295, 317 и 357

УК Российской Федерации, за исключением уголовных дел, по которым в соответствии с положениями Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь.

1.1. Конституционность пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации оспаривает гражданка А. С. Лымарь, обвиняемая в совершении преступления, предусмотренного пунктом «в» части второй статьи 105 УК Российской Федерации (убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека).

Постановлением судьи Брединского районного суда Челябинской области от 7 августа 2015 года А. С. Лымарь было отказано в удовлетворении ходатайства о рассмотрении ее уголовного дела судом с участием присяжных заседателей в порядке пункта 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, согласно которому уголовные дела о преступлениях, указанных в пункте 1 части третьей статьи 31 данного Кодекса (за исключением некоторых из них), по ходатайству обвиняемого рассматриваются судьей федерального суда общей юрисдикции и коллегией из двенадцати присяжных заседателей. Сославшись на то, что часть третья статьи 31 УПК Российской Федерации относит уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, к подсудности областных и равных им по уровню судов лишь при наличии возможности назначения обвиняемому наказания в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, которые в силу части второй статьи 57 и части второй статьи 59 УК Российской Федерации А. С. Лымарь, как лицу женского пола, назначены быть не могут, судья рассмотрел ее уголовное дело единолично.

Нарушение положениями пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации своих прав, гарантированных статьями 17 (часть 1), 18 и 19 Конституции Российской Федерации, А. С. Лымарь усматривает в том, что во взаимосвязи с другими положениями данного Кодекса они не позволяют лицам женского пола, обвиняемым в совершении преступления по части второй статьи 105 УК Российской Федерации, воспользоваться — в отличие от лиц мужского пола не моложе восемнадцати лет и не старше шестидесяти пяти лет — правом ходатайствовать о рассмотрении своего уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, что, по ее мнению, противоречит конституционному принципу равенства перед законом и судом, гарантируемого всем независимо от пола, расы, национальности и других обстоятельств.

1.2. Как следует из положений Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих предписания статьи 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации проверяет по жалобе гражданина на нарушение конституционных прав и свобод конституционность законоположений, примененных в его деле, рассмотрение которого завершено в суде, и принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению заявителем, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе (статьи 36, 74, 96 и 97); если же по предмету обращения, заявленному в жалобе гражданина, Конституционным Судом Российской Федерации

ранее было вынесено постановление, сохраняющее свою силу, он отказывается в принятии такой жалобы к рассмотрению (пункт 3 статьи 43).

В Постановлении от 20 мая 2014 года № 16-П Конституционный Суд Российской Федерации дал оценку пункту 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации (в редакции, введенной Федеральным законом от 23 июля 2013 года № 217-ФЗ) с точки зрения конституционности его положений как не предполагающих в системе действующего правового регулирования возможности рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, по которым в соответствии с положениями Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, если в таких преступлениях обвиняются лица, не достигшие ко времени их совершения восемнадцатилетнего возраста, причем независимо от их пола. Применительно же к случаям, когда лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, является именно женщина, пункт 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации ранее не оспаривался и, соответственно, не являлся предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, в связи с чем сохраняющее свою силу Постановление от 20 мая 2014 года № 16-П не может служить препятствием для принятия к производству жалобы гражданки А. С. Лымарь.

Таким образом, положения пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку – с учетом части второй статьи 57 и части второй статьи 59 УК Российской Федерации, согласно которым женщинам пожизненное лишение свободы или смертная казнь не назначаются, – этими положениями исключается предусмотренная пунктом 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации возможность рассмотрения по ходатайству обвиняемого судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или другого равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела о преступлении, предусмотренном частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, применительно к случаям, когда в совершении такого преступления обвиняется женщина.

2. Право каждого на судебную защиту его прав и свобод, как основное неотчуждаемое право человека, признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (статья 17, часть 1; статья 46, часть 1, Конституции Российской Федерации). Одной из основополагающих гарантий права на судебную защиту и его неперменной составляющей является закрепленное статьей 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Право на законный суд, по смыслу статей 20 (часть 2), 47 (часть 2) и 123 (часть 4) Конституции Российской Федерации, включает и право обвиняемого в совершении преступления на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в предусмотренных федеральным законом случаях. Регулирование данного права, как следует из указанных статей Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 71 (пункты «в», «г», «о»), 118 (часть 3) и 128 (часть 3), является дискрецией федерального законодателя, уполномоченного определять, в каких, помимо закрепленного в статье 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации, случаях суд с участием присяжных заседателей может выступать в качестве законного суда по тем уголовным делам, которые отнесены к соответствующей категории федеральным законом.

Исходя из этого и учитывая, что в России сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого — с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, — уже длительное время действует запрет на назначение смертной казни, которое статья 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации напрямую связывает с предоставлением обвиняемым в особо тяжких преступлениях против жизни права на суд с участием присяжных заседателей, и происходит необратимый процесс, направленный на ее отмену (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П и Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р), рассмотрение уголовных дел судом с участием присяжных заседателей не является непереносимым условием реализации обвиняемым права на судебную защиту как основного и неотчуждаемого права, гарантируемого Конституцией Российской Федерации.

Соответственно, определение федеральным законом подсудности уголовных дел, в том числе подлежащих рассмотрению судом с участием присяжных заседателей, равно как и изменение ранее установленной подсудности не могут рассматриваться как ограничивающие доступ к правосудию и затрагивающие само существо права на законный суд. Вместе с тем — принимая во внимание, что в силу статей 20 (часть 2), 32 (часть 5), 47 (часть 2) и 123 (часть 4) Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 19 апреля 2010 года № 8-П и от 20 мая 2014 года № 16-П) судопроизводство с участием присяжных заседателей как конституционно одобряемый способ участия граждан в отправлении правосудия, в ходе которого не профессиональный судья, а коллегия присяжных самостоятельно принимает решение по вопросу о виновности подсудимого, имеет особую конституционно-правовую значимость, — федеральный законодатель не вправе, учитывая требования статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, допускать произвольный и необоснованный отказ от этой формы судопроизводства при рассмотрении дел по тем конкретным составам преступлений, где она уже предусмотрена.

Таким образом, дискреция федерального законодателя в регулировании правоотношений, определяющих реализацию права на доступ к правосудию и права на законный суд, не является абсолютной и не освобождает его от обязанности при конкретизации предписаний статей 17 (части 1 и 3), 19 (части 1 и 2), 21, 46 (часть 1), 47 (часть 2), 55 (часть 3) и 123 (часть 4) Конституции Российской Федерации, в том числе относительно суда с участием присяжных заседателей как законного состава суда по уголовным делам применительно к определенным категориям преступлений, действовать правомерным образом, т. е. исходя из необходимости обоснованной и объективно оправданной дифференциации процессуальных форм судебной защиты при сохранении баланса конституционных ценностей и соблюдении принципа правовой определенности, не допуская несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина и при безусловном обеспечении гарантированных Конституцией Российской Федерации равенства всех перед законом и судом и равноправия.

Именно конституционный принцип равенства, носящий универсальный характер, оказывает, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений и выступает конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретае-

мых на основании закона; соблюдение данного принципа, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (постановления от 16 июня 2006 года № 7-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 16 июля 2007 года № 12-П, от 25 марта 2008 года № 6-П, от 26 февраля 2010 года № 4-П и др.).

Положения статьи 19 Конституции Российской Федерации, закрепляющие равенство всех перед законом и судом независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (части 1 и 2) и наделяющие мужчину и женщину равными правами и свободами и равными возможностями для их реализации (часть 3), в полной мере соотносятся с положениями международно-правовых актов.

Так, Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин (принята Генеральной Ассамблеей ООН 7 ноября 1967 года) признает дискриминацию в отношении женщин, приводящую к отрицанию или ограничению их равноправия с мужчинами, несправедливостью в своей основе и преступлением против человеческого достоинства (статья 1) и призывает к отмене всех положений уголовного законодательства, носящих дискриминационный характер в отношении женщин (статья 7). Понятие «дискриминация» в отношении женщин означает, согласно действующей для Российской Федерации Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 года, любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области (статья 1); государства – участники Конвенции обязуются установить юридическую защиту прав женщин на равной основе с мужчинами и обеспечить с помощью компетентных национальных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин против любого акта дискриминации (статья 2).

При этом не может рассматриваться как нарушающее закрепленный статьей 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации принцип равенства всех перед законом и судом и не согласующееся с международно-правовыми обязательствами Российской Федерации установление запрета на назначение наказания в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни лицам определенных категорий, обусловленного вытекающей из принципов справедливости и гуманизма необходимостью учета в уголовном законе социальных, возрастных и физиологических особенностей таких лиц в целях более полного и эффективного решения задач, которые стоят перед уголовным наказанием в демократическом правовом государстве. Такой запрет, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, не препятствует назначению иным категориям лиц справедливого наказания, соответствующего общественной опасности совершенного ими преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, не ущемляет их права и, следовательно, не является дискриминационным по отношению к этим лицам (определения от 21 октября 2008 года № 638-О-О, от 23 июня 2009 года № 898-О-О, от 19 октября 2010 года № 1382-О-О, от 18 октября 2012 года № 1925-О, от 24 сентября 2013 года № 1428-О и др.).

3. В порядке реализации своих дискреционных полномочий, вытекающих из статьи 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации, федеральный законодатель отнес к предметной подсудности, предусмотренной пунктом 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации для верховного суда республики, краевого, областного и других равных им по уровню судов, уполномоченных в установленных федеральным законом случаях рассматривать уголовные дела в составе судьи федерального суда общей юрисдикции и коллегии из двенадцати присяжных заседателей, уголовные дела об особо тяжких преступлениях, за которые соответствующими статьями Особенной части УК Российской Федерации предусматривается смертная казнь в качестве исключительной меры наказания и — в качестве альтернативного либо самостоятельного наказания — пожизненное лишение свободы, определив тем самым суд, правомочный не только рассматривать уголовные дела об этих преступлениях, но и назначать наиболее строгую меру наказания из всех в настоящее время реально возможных для данных видов преступлений.

Одновременно, принимая во внимание положения Общей части УК Российской Федерации, согласно которым наказания в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы не назначаются женщинам, лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста (часть вторая статьи 57 и часть вторая статьи 59), а также в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (часть четвертая статьи 62) и за приготовление к преступлению и покушение на преступление (часть четвертая статьи 66), федеральный законодатель исключил из подсудности верховного суда республики, краевого, областного и других равных им по уровню судов и тем самым — в системе действующего правового регулирования — из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовные дела о совершенных этими лицами преступлениях, предусмотренных частью второй статьи 105, частью четвертой статьи 210, частью пятой статьи 228¹, частью четвертой статьи 229¹, статьями 277, 295, 317 и 357 УК Российской Федерации, применительно к которым санкциями соответствующих статей его Особенной части предусматриваются названные виды наказания. Следовательно, из подсудности суда с участием присяжных заседателей выведены уголовные дела о таких преступлениях, совершенных как женщинами, лицами в возрасте до восемнадцати лет, мужчинами, достигшими шестидесятипятилетнего возраста, так и мужчинами любого возраста в случае заключения ими досудебного соглашения о сотрудничестве или совершения неоконченного преступления.

Кроме того, не подлежат рассмотрению судом с участием присяжных заседателей и относящиеся к подсудности верховного суда республики, краевого, областного и других равных им по уровню судов уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью пятой статьи 131, частью пятой статьи 132, частью шестой статьи 134, частью первой статьи 212, статьями 275, 276, 278, 279 и 281 УК Российской Федерации, — независимо от самих по себе половозрастных характеристик субъектов этих преступлений. Вместе с тем уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью третьей статьи 126, статьей 209, частями первой — третьей статьи 211, статьями 227, 353–356 и 358, частями первой и второй статьи 359 и статьей 360 УК Российской Федерации, по ходатайству обвиняемых — также независимо от их половозрастных характеристик — могут быть рассмотрены судом с участием присяжных заседателей (пункт 2 части второй статьи 30 и пункт 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации).

Вместе с тем избранный федеральным законодателем подход к определению категорий уголовных дел, которые могут быть рассмотрены судом с участием присяжных заседателей, в целом не основанный на учете самих по себе половозрастных характеристик обвиняемого, выдерживается не всегда применительно к отдельным составам преступлений, предусматривающим в виде санкции смертную казнь или пожизненное лишение свободы. В частности, по прямому предписанию пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации в их системной связи с соответствующими положениями уголовного закона уголовное дело об убийстве при отягчающих обстоятельствах, совершенном женщиной, как не относящееся к подсудности верховного суда республики, краевого, областного и других равных им по уровню судов, ни при каких условиях не может быть рассмотрено судом в составе судьи такого суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей в отличие от уголовного дела о таком же преступлении, в совершении которого обвиняется мужчина: подсудность этого дела судам данного уровня — при отсутствии оснований, исключающих назначение наказания в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы, — определяется независимо от воли обвиняемого, но при предоставлении ему возможности выбора состава суда (коллегия из трех судей или судья и коллегия из двенадцати присяжных заседателей).

Таким образом, в сложившейся системе уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования имеет место дифференциация подсудности уголовных дел определенной категории в зависимости от возможности назначения наиболее строгого вида наказания (каковым в рамках действующего в России конституционно-правового режима неприменения смертной казни является пожизненное лишение свободы). Сама по себе такая дифференциация допустима, поскольку используется федеральным законодателем с целью реализации принципов гуманизма и справедливости в сфере соответствующих правоотношений. Однако, чтобы достичь этой цели, федеральный законодатель обязан соблюдать принцип юридического равенства, закрепленный в том числе статьями 17 (часть 3), 19 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, который гарантирует мужчинам и женщинам равные возможности для осуществления права на судебную защиту и, следовательно, права на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей, — иное, а именно решение вопроса о предоставлении обвиняемым возможности рассмотрения их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей в зависимости от гендерного фактора (только женщинам или только мужчинам) приводило бы к нарушению конституционных гарантий права на судебную защиту.

4. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, должна, в частности, отвечать требованиям Конституции Российской Федерации, вытекающим из универсального принципа юридического равенства, в силу которого такие различия допустимы, если они объективно оправданны, обоснованны и преследуют конституционно значимые цели, а для достижения этих целей используются соразмерные правовые средства (постановления от 9 июля 2009 года № 12-П, от 22 октября 2009 года № 15-П, от 27 ноября 2009 года № 18-П, от 3 февраля 2010 года № 3-П, от 20 апреля 2010 года № 9-П, от 28 мая 2010 года № 12-П и др.).

Исходя из приведенной правовой позиции, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 19 апреля 2010 года № 8-П пришел к следующим выводам: изъятие из подсудности суда с участием присяжных

заседателей уголовных дел о преступлениях, связанных с террористической деятельностью, обусловлено тем, что такая деятельность направлена на создание реальной угрозы для жизни и здоровья как населения, так и участников уголовного судопроизводства и может оказывать серьезное негативное психологическое воздействие и отрицательно влиять в том числе на способность входящих в состав суда лиц к принятию адекватных решений, чем в современных условиях предопределяется правомочие именно профессиональных судей делать вывод о виновности или невиновности подсудимых на основе исследования фактических обстоятельств и оценки собранных доказательств. Соответственно, отнесение уголовных дел о терроризме и связанных с ним преступлениях — независимо от того, мужчины или женщины обвиняются в их совершении, — к подсудности суда в составе коллегии из трех профессиональных судей само по себе не является нарушением конституционного права на судебную защиту.

В Постановлении от 20 мая 2014 года № 16-П Конституционный Суд Российской Федерации установил, по каким основаниям в уголовных делах в отношении несовершеннолетних — также независимо от их половой принадлежности — отступление от такой процессуальной формы, как суд с участием присяжных заседателей, допустимо и не может рассматриваться как ухудшающее их положение с точки зрения обеспечения конституционных гарантий судебной защиты: специфика разрешения вопросов, связанных с определением виновности несовершеннолетних в совершении уголовно наказуемых деяний, требует осуществления судебного разбирательства в их отношении с соблюдением требований, направленных на тщательное исследование всех данных о личности несовершеннолетнего, сопряженное с ограничением гласности, обеспечением конфиденциальности судебного процесса и основных процессуальных гарантий на всех этапах судебного разбирательства, что не может быть в полной мере обеспечено при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей, предполагающем исследование данных о личности подсудимого лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления (часть восьмая статьи 335 УПК Российской Федерации).

Что касается возможности рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, в совершении которых обвиняются женщины, то отсутствие у них в ряде случаев такой возможности, обусловленное в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК Российской Федерации, предписаниями пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации, не имеет под собой каких-либо конституционно-правовых оснований и — притом что мужчины в аналогичных случаях права заявить соответствующее ходатайство не лишены — приводит к дискриминации лиц женского пола при реализации ими права на судебную защиту.

Так, в частности, в силу части второй статьи 325 УПК Российской Федерации уголовное дело, в котором участвуют несколько подсудимых, рассматривается судом с участием присяжных заседателей в отношении всех подсудимых, если хотя бы один из них заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом в данном составе при отсутствии возражений со стороны остальных подсудимых; если один или несколько подсудимых отказываются от суда с участием присяжных заседателей, суд решает вопрос о выделении уголовного дела в отношении этих подсудимых в отдельное производство; при этом судом должно быть установлено, что выделение уголовного дела в отдельное производство не будет препятствовать всесторонности и объективности разрешения уголовного дела, выделенного в отдель-

ное производство, и уголовного дела, рассматриваемого судом с участием присяжных заседателей; при невозможности выделения уголовного дела в отдельное производство уголовное дело в целом рассматривается судом с участием присяжных заседателей. Названные законоположения корреспондируют правилам пункта 1 части пятой статьи 217 УПК Российской Федерации, в силу которых если один или несколько обвиняемых отказываются от суда с участием присяжных заседателей, то следователь решает вопрос о выделении уголовных дел в отношении этих обвиняемых в отдельное производство; при невозможности выделения уголовного дела в отдельное производство уголовное дело в целом рассматривается судом с участием присяжных заседателей.

Приведенные нормативные предписания исходят, таким образом, из приоритета права обвиняемого на суд с участием присяжных заседателей в предусмотренных федеральным законом случаях, как непосредственно закрепленного в Конституции Российской Федерации (статья 47, часть 2), которое не может быть парализовано волеизъявлением других обвиняемых по тому же делу, желающих реализовать предоставленное им актом меньшей юридической силы — Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации право заявить ходатайство о рассмотрении их дела коллегией из трех профессиональных судей (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 года № 8-П).

Соответственно, если мужчина, обвиняемый в совершении в соучастии с женщиной преступления, отнесенного к подсудности суда с участием присяжных заседателей, заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом в данном составе, при отсутствии возражений со стороны подсудимой женщины и (или) при невозможности выделения в отношении нее уголовного дела в отдельное производство уголовное дело в целом рассматривается судом с участием присяжных заседателей; если же мужчина не настаивает на рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей, то, по смыслу пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации в системной связи с частью второй его статьи 325, вопрос не может быть решен в пользу суда с участием присяжных заседателей, даже если о рассмотрении уголовного дела таким составом суда ходатайствует женщина.

Кроме того, уголовные дела о преступлениях, по которым согласно положениям Общей части УК Российской Федерации в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, хотя они предусмотрены в качестве санкции соответствующей статьей Особенной части данного Кодекса, если в таких преступлениях обвиняются женщины, подлежат рассмотрению в районном суде, мужчины же в такой ситуации имеют право выбора между судом с участием присяжных заседателей, судом в составе судьи федерального суда общей юрисдикции или коллегии из трех судей федерального суда общей юрисдикции, причем их уголовные дела любым из этих составов рассматриваются в верховном суде республики, краевом, областном или другом равном им по уровню суде.

Тем самым вытекающая из пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с положениями Общей части УК Российской Федерации дифференциация подсудности уголовных дел не отвечает принципу юридического равенства, ограничивает женщин в реализации права на законный суд и в конечном счете — в праве на равную с мужчинами судебную защиту прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации.

5. Таким образом, пункт 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации, как исключаящий в системе действующего правового регули-

рования, в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК Российской Федерации, возможность рассмотрения судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или другого равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела по обвинению женщины в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, — притом что уголовное дело по обвинению мужчины в совершении такого преступления при тех же условиях может быть рассмотрено судом в данном составе — не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (части 1 и 3), 19, 47, 55 (часть 3) и 123 (часть 4). Кроме того, при этом неправомерно ограничивается право граждан Российской Федерации на участие в отправлении правосудия в качестве присяжных заседателей, что ведет к нарушению статьи 32 (часть 5) Конституции Российской Федерации.

Федеральному законодателю надлежит — исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сохраняющих свою силу, — внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

В целях соблюдения баланса конституционно значимых интересов, недопустимости нарушения прав и свобод других лиц при осуществлении прав и свобод человека и гражданина (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации), в силу требований правовой определенности и обеспечения стабильности правоотношений в интересах субъектов права, а также учитывая принцип неизменности состава суда (статья 242 УПК Российской Федерации), Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», считает необходимым определить следующий порядок исполнения настоящего Постановления:

уголовные дела по обвинению женщин в совершении преступлений, предусмотренных частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, если судебные заседания по этим уголовным делам не назначены на момент вступления настоящего Постановления в силу, подлежат рассмотрению верховным судом республики, краевым, областным или другим равным им по уровню судом, а по ходатайству обвиняемых — судом в составе судьи такого суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей, притом что уголовное дело по обвинению мужчины в совершении такого преступления при тех же условиях может быть рассмотрено судом в данном составе; если на указанный момент судебные заседания по уголовным делам уже назначены к рассмотрению, подсудность и состав суда изменению (за исключением уголовного дела гражданки А. С. Лымарь) не подлежат, в том числе в рамках и по результатам рассмотрения уголовного дела в апелляционном, кассационном и надзорном порядке.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (части 1 и 3), 19, 47, 55 (часть 3) и 123 (часть 4), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федера-

ции, частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК Российской Федерации, ими исключается возможность рассмотрения судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или другого равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела по обвинению женщины в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, при том что уголовное дело по обвинению мужчины в совершении такого преступления при тех же условиях может быть рассмотрено судом в данном составе.

2. Федеральному законодателю надлежит — исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, — внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации изменения, обеспечивающие женщинам реализацию права на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей, как это право определено Конституцией Российской Федерации, на основе принципов юридического равенства и равноправия и без какой бы то ни было дискриминации.

3. Правоприменительные решения, принятые по уголовному делу гражданки Лымарь Алены Сергеевны, подлежат пересмотру с учетом настоящего Постановления.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**10 марта
2016 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 7-П

по делу о проверке конституционности части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой гражданина М. Л. Ростовцева

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина М. Л. Ростовцева. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Г. А. Гаджиева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Заявитель по настоящему делу гражданин М. Л. Ростовцев оспаривает конституционность следующих положений Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»:

части 1 статьи 21, согласно которой исполнительные листы, выдаваемые на основании судебных актов, за исключением исполнительных листов, указанных в частях 2, 4 и 7 данной статьи, могут быть предъявлены к исполнению в течение трех лет со дня вступления судебного акта в законную силу;

части 2 статьи 22, согласно которой после перерыва течение срока предъявления исполнительного документа к исполнению возобновляется; время, истекшее до прерывания срока, в новый срок не засчитывается;

части 4 статьи 46, согласно которой возвращение взыскателю исполнительного документа не является препятствием для повторного предъявления исполнительного документа к исполнению в пределах срока, установленного статьей 21 данного Федерального закона.

1.1. Решением Новомосковского городского суда Тульской области от 15 сентября 2010 года было обращено взыскание на принадлежащее М. Л. Ростовцеву и заложенное им имущество. 17 января 2011 года взыска-

тель — ОАО «Сбербанк России» (в настоящее время ПАО Сбербанк) предъявил исполнительный лист к исполнению в службу судебных приставов, но затем отозвал его, в связи с чем 8 июля 2011 года судебным приставом-исполнителем было вынесено постановление об окончании исполнительного производства, а 18 июля 2011 года — постановления об отзыве арестованного имущества с реализации. 20 февраля 2013 года исполнительное производство было возбуждено вновь в связи с повторным предъявлением исполнительного листа к исполнению в службу судебных приставов, однако после его повторного отзыва взыскателем судебный пристав-исполнитель постановлением от 3 апреля 2014 года окончил исполнительное производство и отозвал арестованное имущество с реализации. В связи с очередным предъявлением исполнительного листа к исполнению судебный пристав-исполнитель постановлением от 3 декабря 2014 года вновь возбудил исполнительное производство.

Полагая, что взыскателем был пропущен установленный законом трехлетний срок для предъявления исполнительного документа к исполнению, М. Л. Ростовцев обратился с заявлением о признании постановления судебного пристава-исполнителя от 3 декабря 2014 года незаконным в Центральный районный суд города Тулы, который решением от 21 января 2015 года в удовлетворении заявленного требования отказал со ссылкой на положения статей 21, 22 и 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве». Решение суда первой инстанции оставлено без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Тульского областного суда от 7 мая 2015 года. Определением судьи Тульского областного суда от 26 июня 2015 года в передаче кассационной жалобы М. Л. Ростовцева на указанные судебные постановления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отказано.

1.2. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации по жалобе гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод проверяет конституционность законоположений, примененных в деле заявителя, рассмотрение которого завершено в суде, и принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

По мнению гражданина М. Л. Ростовцева, оспариваемые им законоположения противоречат статьям 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, поскольку — в нарушение баланса интересов сторон в исполнительном производстве — допускают бессрочное и ничем не ограниченное право взыскателя предъявлять исполнительный документ в службу судебных приставов для принудительного исполнения и по своему усмотрению отзываться от исполнения, что влечет окончание исполнительного производства и позволяет взыскателю в будущем снова инициировать принудительное исполнение того же исполнительного документа.

Соответственно, положения части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку эти положения в их взаимосвязи служат основанием для исчисления срока предъявления исполнительного документа к исполнению, прерванного предъявлением исполнительного доку-

мента к исполнению, после возвращения исполнительного документа взыскателю на основании его заявления.

2. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (статья 46, часть 1). Право каждого человека на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом, провозглашено Всеобщей декларацией прав человека (статья 8), а Международный пакт о гражданских и политических правах обязывает государства обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективные средства правовой защиты (статья 2).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт своевременно не исполняется; исполнение судебного решения, по смыслу статьи 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, следует рассматривать как элемент судебной защиты, что обязывает федерального законодателя при выборе в пределах своей конституционной дискреции того или иного механизма исполнительного производства осуществлять непротиворечивое регулирование отношений в этой сфере, создавать для них стабильную правовую основу и не ставить под сомнение конституционный принцип исполнимости судебного решения (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2002 года № 1-П, от 14 мая 2003 года № 8-П, от 14 июля 2005 года № 8-П, от 12 июля 2007 года № 10-П, от 26 февраля 2010 года № 4-П, от 14 мая 2012 года № 11-П и др.).

Приведенная правовая позиция согласуется с интерпретацией пункта 1 статьи 6 «Право на справедливое судебное разбирательство» Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека, полагающим, что исполнение решения, вынесенного любым судом, должно рассматриваться как неотъемлемая часть «суда» в смысле данной статьи и что право каждого на судебную защиту стало бы иллюзорным, если бы правовая система государства допускала, чтобы окончательное, обязательное судебное решение оставалось недействующим к ущербу одной из сторон (постановления от 19 марта 1997 года по делу «Хорнсби (*Hornsby*) против Греции», от 7 мая 2002 года по делу «Бурдов против России», от 27 мая 2004 года по делу «Метаксас (*Metaxas*) против Греции», от 29 марта 2006 года по делу «Мостаччуоло (*Mostacciuolo*) против Италии (№ 2)», от 15 февраля 2007 года по делу «Райлян против России» и др.).

Вместе с тем, согласно Конституции Российской Федерации, осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (статья 17, часть 3); права и свободы человека и гражданина, включая закрепленное ее статьей 35 (часть 1) право частной собственности, охраняемое законом, могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3).

Поскольку, таким образом, осуществление прав и свобод человека и гражданина имеет в качестве своего объективного предела воспрепятствование реализации прав и свобод других лиц, причинение вреда их конституционно гарантированным интересам, федеральный законодатель, принимая необходимые меры по надлежащему обеспечению исполнения судебных решений как элемента судебной защиты и созданию условий, гарантирующих равную судебную защиту прав кредитора (взыскателя) и должника (ответчика), должен исходить из того, что возникающие колли-

зии их законных интересов во всяком случае не могут преодолеваться путем предоставления защиты одним правам в нарушение других, равноценных по своему конституционному значению, — в таких случаях права и законные интересы этих участников гражданского оборота должны получать соразмерную (пропорциональную) защиту на основе баланса конституционных ценностей.

Применительно к нормативно-правовому регулированию разрешения судом коллизий интересов взыскателей и должников это означает, в частности, что установленные федеральным законодателем сроки предъявления исполнительных документов к исполнению должны отвечать интересам защиты конституционных прав взыскателя, однако они не могут затрагивать основное содержание конституционных прав должника, существо которых ни при каких обстоятельствах не должно быть утрачено (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 года № 11-П).

3. Исходя из необходимости обеспечения взыскателю права на полное и скорейшее удовлетворение его требований, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что взыскатель в исполнительном производстве, которое является частью судебного разбирательства в широком смысле и включает в себя не только процессуальную деятельность суда, но и процессуальную деятельность федеральных органов исполнительной власти — службы судебных приставов, имеет право на получение помощи в исполнении судебных решений со стороны государства, выражающейся в применении мер принуждения к должнику (постановления от 12 июля 2007 года № 10-П и от 14 мая 2012 года № 11-П).

Принудительное исполнение требований, содержащихся в исполнительных документах, регулируется специальным законодательством, в том числе Федеральным законом «Об исполнительном производстве», относящим к задачам исполнительного производства правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях исполнение иных документов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, а также в целях обеспечения исполнения обязательств по международным договорам Российской Федерации (статья 2).

Согласно названному Федеральному закону исполнительное производство осуществляется на принципах законности, своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения, уважения чести и достоинства гражданина, неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи, соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения (статья 4).

3.1. Определяя условия и порядок возбуждения, приостановления, прекращения и окончания исполнительного производства, Федеральный закон «Об исполнительном производстве» предусматривает, в частности, что возбужденное исполнительное производство может быть окончено судебным приставом-исполнителем в связи с фактическим исполнением требований, содержащихся в исполнительном документе, а также в случаях возвращения взыскателю исполнительного документа (пункты 1 и 3 части 1 статьи 47), необходимость которого, как следует из части 1 его статьи 46, обуславливается обстоятельствами, имеющими отношение как к должнику, так и к взыскателю.

К числу первых относятся случаи, перечисленные в пунктах 2–4 части 1 данной статьи, а именно: невозможность исполнить обязывающий должника совершить определенные действия (воздержаться от совершения опре-

деленных действий) исполнительный документ, возможность исполнения которого не утрачена; невозможность установить местонахождение должника, его имущества либо получить сведения о наличии принадлежащих ему денежных средств и иных ценностей, находящихся на счетах, во вкладах или на хранении в банках или иных кредитных организациях, за исключением случаев, когда данным Федеральным законом предусмотрен розыск должника или его имущества; отсутствие у должника имущества, на которое может быть обращено взыскание, притом что все принятые судебным приставом-исполнителем допустимые законом меры по отысканию его имущества оказались безрезультатными. К числу вторых пункты 1, 5 и 6 части 1 той же статьи относят подачу взыскателем судебному приставу-исполнителю заявления о возвращении ему исполнительного документа, отказ взыскателя оставить за собой имущество должника, не реализованное в принудительном порядке при исполнении исполнительного документа, и создание взыскателем препятствий исполнению исполнительного документа.

При наличии любого из указанных оснований судебный пристав-исполнитель обязан в соответствии с частью 3 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» вынести постановление об окончании исполнительного производства и о возвращении взыскателю исполнительного документа, что в силу части 4 той же статьи не является препятствием для повторного предъявления исполнительного документа к исполнению в пределах срока, установленного статьей 21 данного Федерального закона: в отношении исполнительных листов, выдаваемых судом на основании судебных актов, такой срок, по общему правилу, составляет три года со дня вступления судебного акта в законную силу (часть 1).

За пределами трехлетнего срока, предназначенного для конкретного процессуального действия – предъявления взыскателем выданного ему судом исполнительного листа к исполнению, исполнительное производство согласно пункту 3 части 1 статьи 31 Федерального закона «Об исполнительном производстве» не может быть возбуждено и взыскатель лишается возможности принудительно исполнить решение суда. Вместе с тем согласно названному Федеральному закону срок предъявления исполнительного документа к исполнению прерывается предъявлением исполнительного документа должником (часть 1 статьи 22), но после перерыва его течение возобновляется, причем время, истекшее до прерывания срока, в новый срок не засчитывается (часть 2 статьи 22) – в отличие от приостановления неистекшего срока, течение которого приостанавливается одновременно с исполнительным производством, а со дня его возобновления продолжается (статья 19).

В то же время часть 3 статьи 22 Федерального закона «Об исполнительном производстве» предусматривает, что в случае возвращения исполнительного документа взыскателю в связи с невозможностью его исполнения срок предъявления исполнительного документа к исполнению исчисляется со дня возвращения исполнительного документа взыскателю. При этом законодательство об исполнительном производстве не раскрывает, что подразумевается под невозможностью исполнения исполнительного документа, однако поскольку ни одно из перечисленных в части 1 статьи 46 названного Федерального закона оснований возвращения исполнительного документа, включая заявление взыскателя, не дает судебному приставу-исполнителю права далее продолжать исполнительное производство, то в этом смысле все они делают такое исполнение невозможным.

В любом случае предъявление исполнительного документа к исполнению после того, как ранее предъявленный исполнительный документ был

возвращен взыскателю по какому-либо из предусмотренных частью 1 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» оснований, влечет перерыв срока предъявления исполнительного документа к исполнению, вследствие чего его течение начинается заново.

3.2. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что материально-правовой природой субъективных прав, подлежащих судебной защите, обусловлено диспозитивное начало гражданского судопроизводства; диспозитивность означает, что процессуальные отношения возникают, изменяются и прекращаются, главным образом, по инициативе непосредственных участников спора, которые имеют возможность с помощью суда распоряжаться процессуальными правами и спорным материальным правом, а принцип диспозитивности в совокупности с другими принципами гражданского судопроизводства, в том числе закрепленными Конституцией Российской Федерации равенством всех перед законом и судом, состязательностью и равноправием сторон, выражают цели правосудия по гражданским делам, прежде всего конституционную цель защиты прав и свобод человека и гражданина (постановления от 14 февраля 2002 года № 4-П, от 16 июля 2004 года № 15-П, от 30 ноября 2012 года № 29-П и др.).

Принцип диспозитивности, по общему правилу, распространяется и на процессуальные отношения, связанные с принудительным исполнением судебных актов, принятых в рамках гражданского судопроизводства. Это означает, что стороны исполнительного производства – взыскатель и должник самостоятельно определяют, воспользоваться или нет правами, предоставленными им статьей 50 Федерального закона «Об исполнительном производстве», в том числе правом знакомиться с материалами исполнительного производства, заявлять ходатайства, отводы, заключать мировое соглашение и т. д.

Вместе с тем в силу специфики своего правового положения в рамках исполнительного производства взыскатель как лицо, требующее принудительного исполнения вынесенного в его пользу судебного акта, наделен рядом специальных процессуальных прав, включая право на предъявление исполнительного документа к исполнению и право требовать возвращения ему исполнительного документа, по которому взыскание не производилось или произведено частично. Исходя из того что осуществление этих прав – в силу указанных принципов гражданского судопроизводства – не может быть ограничено при условии соблюдения установленного законодательством об исполнительном производстве порядка, Федеральный закон «Об исполнительном производстве» предоставляет взыскателю право неоднократного предъявления к исполнению исполнительного документа после его возвращения, а также право неоднократного отзыва исполнительного документа после возбуждения исполнительного производства, не требуя при этом от взыскателя указания мотивов своего решения, от которых юридическая судьба совершаемого процессуального действия не зависит.

Поскольку в каждом случае предъявления исполнительного документа к исполнению после возвращения исполнительного документа взыскателю срок его предъявления к исполнению прерывается, такие действия взыскателя в течение неограниченного времени могут привести к тому, что исполнительное производство не будет окончено исполнением содержащегося в исполнительном документе требования, а должник – при наличии вынесенного в отношении него неисполненного судебного акта – должен бесконечно пребывать под угрозой применения к нему и принадлежащему ему имуществу исполнительных действий и мер принудительного исполнения.

В случаях, когда возвращение исполнительного документа взыскателю после возбуждения исполнительного производства вызвано обстоятельством

ми, имеющими отношение к должнику, законодательное регулирование исполнительного производства в части сроков предъявления исполнительных документов к исполнению не может рассматриваться как нарушение конституционного баланса интересов взыскателя и должника в исполнительном производстве, поскольку иное позволяло бы должнику препятствовать его осуществлению, с тем чтобы вследствие истечения срока предъявления исполнительного документа к исполнению избавиться от возможности быть принужденным службой судебных приставов к исполнению вынесенного в отношении него судебного акта, а взыскателя лишало бы средств борьбы с неправомерным поведением должника и тем самым препятствовало бы надлежащему исполнению судебного акта.

Если же возвращение исполнительного документа взыскателю после возбуждения исполнительного производства произведено по заявлению самого взыскателя, тем более не обусловленному действиями должника, то неоднократное использование им права на подачу заявления о возвращении исполнительного документа может приводить к неограниченному по продолжительности принудительному исполнению содержащегося в исполнительном документе требования и, как следствие, к чрезмерно длительному с точки зрения конституционно-правовых предписаний пребыванию должника в состоянии неопределенности относительно своего правового положения. При этом должник, стремящийся выполнить взятые им на себя обязательства, лишается возможности удовлетворить требования взыскателя за счет имущества, на которое может быть обращено взыскание, в том числе за счет заложенного имущества, а взыскатель может использовать предоставленное ему право для того, чтобы неоднократно перекладывать экономические риски, связанные с возможными трудностями реализации имущества, на которое может быть обращено взыскание, или с неблагоприятной ценовой конъюнктурой, на должника, который не только лишен возможности самостоятельно им распорядиться, но и продолжает нести бремя содержания этого имущества до обращения на него взыскания.

3.3. В соответствии с частью 3 статьи 78 Федерального закона «Об исполнительном производстве» заложенное имущество реализуется в порядке, установленном Гражданским кодексом Российской Федерации, Федеральным законом от 16 июля 1998 года № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», данным Федеральным законом, а также другими федеральными законами, предусматривающими особенности обращения взыскания на отдельные виды заложенного имущества.

Определяя порядок реализации заложенного недвижимого имущества с публичных торгов, включая правовые последствия объявления публичных торгов несостоявшимися, Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» предусматривает в статье 58, что организатор публичных торгов объявляет их несостоявшимися в случаях, когда на публичные торги явилось менее двух покупателей (подпункт 1 пункта 1), когда на публичных торгах не сделана надбавка против начальной продажной цены заложенного имущества (подпункт 2 пункта 1) или лицо, выигравшее публичные торги, не внесло покупную цену в установленный срок (подпункт 3 пункта 1); при этом публичные торги должны быть объявлены несостоявшимися не позднее чем на следующий день после того, как имело место какое-либо из указанных обстоятельств (абзац пятый пункта 1); в течение 10 дней после объявления публичных торгов несостоявшимися залогодержатель вправе по соглашению с залогодателем приобрести заложенное имущество по его начальной продажной цене на публичных торгах и зачесть в счет покупной цены свои требования, обеспеченные ипотекой этого имущества (пункт 2); если такое соглашение не состоялось, не позднее чем через месяц после

первых публичных торгов проводятся повторные публичные торги; начальная продажная цена заложенного имущества на повторных публичных торгах, если они вызваны причинами, указанными в подпунктах 1 и 2 пункта 1 данной статьи, снижается на 15 процентов (пункт 3); в случае объявления повторных публичных торгов несостоявшимися по причинам, указанным в пункте 1 той же статьи, у залогодержателя появляется право приобрести (оставить за собой) заложенное имущество по цене не более чем на 25 процентов ниже его начальной продажной цены на первых публичных торгах (за исключением земельных участков, указанных в пункте 1 статьи 62¹ данного Федерального закона) и зачесть в счет покупной цены свои требования, обеспеченные ипотекой имущества (пункт 4).

Аналогичные нормы содержатся в Гражданском кодексе Российской Федерации, в частности в его статье 350² применительно к проведению торгов при реализации заложенного имущества, не относящегося к недвижимым вещам.

В основе логики такого правового регулирования лежит учет объективных закономерностей рыночной экономики, предполагающих необходимость последовательного снижения цены заложенного имущества в случае, если его не удастся реализовать на публичных торгах. Это означает, что суммы, вырученной от реализации заложенного имущества, может быть недостаточно для удовлетворения в полном объеме требований взыскателя по обеспеченному залогом обязательству. В таком случае, по общему правилу пункта 3 статьи 334 ГК Российской Федерации, для погашения требования залогодержатель вправе удовлетворить свое требование в непогашенной части за счет иного имущества должника. Если же взыскатель в течение месяца после объявления повторных публичных торгов несостоявшимися не оставит заложенное имущество за собой, что влечет прекращение договора залога (пункт 6 статьи 350² ГК Российской Федерации, пункт 5 статьи 58 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)»), то он может получить удовлетворение обязательства, обеспеченного залогом, в общем порядке, хотя и без преимущества перед требованиями любых других взыскателей.

Таким образом, при обращении взыскания на имущество, являющееся предметом залога, взыскатели несут риски, связанные с изменением рыночной стоимости этого имущества и возможностью его реализации, что может побуждать их в надежде на улучшение ситуации на рынке к подаче, причем неоднократно, заявления о возвращении исполнительного документа. Негативные последствия затягивания течения срока предъявления исполнительного документа к исполнению испытывают и должники. Это обязывает федерального законодателя при регулировании сроков исполнительного производства распределять сопутствующие возможным рискам обременения таким образом, чтобы, не нарушая баланс их прав и законных интересов и при безусловном соблюдении принципа преимущественной защиты интересов взыскателя, учитывался также принцип правовой справедливости, который, хотя и предполагает определенное смещение соответствующих обременений в сторону должника, тем не менее не допускает, чтобы они были переложены на него полностью.

3.4. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 мая 2012 года № 11-П, федеральный законодатель призван обеспечивать правовую определенность, стабильность и предсказуемость в сфере гражданского оборота, поддерживая как можно более высокий уровень взаимного доверия между субъектами экономической деятельности и создавая все необходимые условия для эффективной защиты гарантиро-

ванного статьей 35 Конституции Российской Федерации права собственности и иных имущественных прав.

Исходя из этого установленный законом срок предъявления исполнительного листа к исполнению позволяет заинтересованным лицам — взыскателю и должнику избежать неопределенности в вопросе о том, в течение какого времени заложенное имущество, на которое судебным актом было обращено взыскание, будет находиться под угрозой совершения в отношении него мер принудительного исполнения, и, ориентируясь на этот срок, соответствующим образом планировать свое поведение в отношении этого имущества, руководствуясь принципом солидаризма, т. е. действуя добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию (пункт 3 статьи 307 ГК Российской Федерации).

Между тем допускаемая взаимосвязанными положениями статей 21, 22 и 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» возможность неоднократного прерывания течения срока предъявления исполнительного документа к исполнению, вследствие чего этот срок всякий раз начинает течь заново, посредством свободного волеизъявления взыскателя на отзыв исполнительного документа из службы судебных приставов ведет к неопределенному по длительности фактическому выведению имущества должника из сферы гражданского оборота и ограничению его права собственности на это имущество. В результате при реализации заложенного имущества, равно как и любого имущества, на которое может быть обращено взыскание, риски, обусловленные изменением его рыночной стоимости вследствие затягивания исполнительного производства взыскателем путем неоднократного предъявления исполнительного документа к исполнению, вопреки принципу правовой справедливости в большей степени ложатся на должника, тем более в случаях, когда он в целях исполнения обязательства, не имея денежных средств для этого, не препятствует обращению взыскания на какое-либо свое имущество, либо если он не может распорядиться своим имуществом, в том числе для исполнения обязательства, в связи с тем, что на это имущество наложен арест либо оно находится под залогом. Подобное законодательное регулирование не может рассматриваться как обеспечивающее стабильность и предсказуемость гражданского оборота и — в нарушение конституционного баланса интересов взыскателя и должника в исполнительном производстве — приводит к существенному ущемлению права собственности должника, препятствует его эффективной судебной защите.

4. Таким образом, взаимосвязанные положения части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве», как позволяющие — при неоднократном прерывании срока предъявления исполнительного документа к исполнению предъявлением исполнительного документа к исполнению с последующим возвращением взыскателю на основании его заявления — всякий раз исчислять течение этого срока заново с момента возвращения исполнительного документа по данному основанию взыскателю и продлевать его тем самым на неопределенно длительное время, не соответствующую Конституции Российской Федерации, ее статьям 35 (часть 2), 46 (часть 1) и 55 (часть 3).

Федеральному законодателю надлежит — в силу требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, — внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, направленные на урегулирование порядка прерыва срока предъявления исполнитель-

ного документа к исполнению, если ранее предъявленный к исполнению тот же самый исполнительный документ был возвращен взыскателю по его заявлению.

Впредь до внесения в действующее правовое регулирование необходимых изменений, вытекающих из настоящего Постановления, при предъявлении взыскателем исполнительного документа к исполнению должностные лица службы судебных приставов, а также суды, разрешая вопрос о наличии оснований для возбуждения или отказа в возбуждении исполнительного производства, в частности о соблюдении срока предъявления исполнительного документа к исполнению, в случае, если представленный исполнительный документ ранее уже предъявлялся к исполнению, но затем исполнительное производство по нему было окончено в связи с заявлением взыскателя, при исчислении этого срока обязаны вычитать из установленной законом общей продолжительности срока предъявления исполнительных документов к исполнению периоды, в течение которых исполнительное производство по данному исполнительному документу осуществлялось, начиная с его возбуждения и заканчивая его окончанием в связи с возвращением взыскателю исполнительного документа по его заявлению.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 35 (часть 2), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), положения части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в той мере, в какой эти положения в их взаимосвязи позволяют – при неоднократном прерывании срока предъявления исполнительного документа к исполнению предъявлением исполнительного документа к исполнению с последующим возвращением взыскателю на основании его заявления – всякий раз исчислять течение этого срока заново с момента возвращения исполнительного документа по данному основанию взыскателю и продлевать его тем самым на неопределенно длительное время.

2. Федеральному законодателю надлежит – в силу требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, направленные на урегулирование порядка прерывания срока предъявления исполнительного документа к исполнению, если ранее предъявленный к исполнению тот же самый исполнительный документ был возвращен взыскателю по его заявлению.

3. Впредь до внесения в действующее правовое регулирование необходимых изменений, вытекающих из настоящего Постановления, при предъявлении взыскателем исполнительного документа к исполнению должностные лица службы судебных приставов, а также суды, разрешая вопрос о наличии оснований для возбуждения или отказа в возбуждении исполнительного производства, в частности о соблюдении срока предъявления исполнительного документа к исполнению, в случае, если представленный исполнительный документ ранее уже предъявлялся к исполнению, но затем исполнительное производство по нему было окончено в связи с заявлением взыскателя, при исчислении этого срока обязаны вычитать из установленной законом общей продолжительности срока предъявления исполнительных документов к исполнению периоды, в течение которых исполнитель-

ное производство по данному исполнительному документу осуществлялось, начиная с его возбуждения и заканчивая его окончанием в связи с возвращением взыскателю исполнительного документа по его заявлению.

4. Судебные постановления, вынесенные в отношении гражданина Ростовцева Михаила Львовича, основанные на взаимосвязанных положениях части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в той мере, в какой они признаны настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру с учетом пункта 3 резолютивной части настоящего Постановления, если для этого нет иных препятствий.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

29 марта
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 8-П

по делу о проверке конституционности
пункта «а» части первой статьи 16¹
Положения о службе в органах
внутренних дел Российской Федерации
в связи с жалобой гражданина
В. В. Чеботарского

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта «а» части первой статьи 16¹ Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина В. В. Чеботарского. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем нормативное положение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С. П. Маврина, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Пункт «а» части первой статьи 16¹ Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (утверждено Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 года № 4202-1 «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» и распространяется на сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы впредь до принятия федерального закона о службе в уголовно-исполнительной системе) предусматривает, что сотрудник органов внутренних дел может находиться в распоряжении органов внутренних дел при нахождении за штатом в случае ликвидации или реорганизации органа внутренних дел (подразделения), сокращения численности или штата сотрудников органа внутренних дел (подразделения).

1.1. Конституционность приведенного нормативного положения оспаривает гражданин В. В. Чеботарский, с февраля 2008 года проходивший службу в Управлении федерального казенного учреждения «Управление по обеспечению деятельности оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний» по Астраханской области в должности начальника отдела режимного обеспечения и транспорта. В соответствии с прика-

зами начальника данного федерального казенного учреждения от 29 апреля 2014 года и от 14 мая 2014 года в указанном территориальном подразделении были сокращены две должности оперуполномоченных отдела режимного обеспечения и транспорта, а личный состав отдела, включая В. В. Чеботарского, зачислен в распоряжение федерального казенного учреждения «Управление по обеспечению деятельности оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний» с 1 мая 2014 года.

С 5 мая 2014 года по 22 июня 2014 года В. В. Чеботарскому был предоставлен очередной ежегодный отпуск, в период которого он заболел и с 4 июня 2014 года по 18 июня 2014 года находился на стационарном лечении. 8 июля 2014 года, после выхода из отпуска, заявитель был ознакомлен с приказом от 14 мая 2014 года и одновременно получил уведомление об увольнении из органов уголовно-исполнительной системы.

Приказом временно исполняющего обязанности начальника Управления федерального казенного учреждения «Управление по обеспечению деятельности оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний» по Астраханской области от 22 сентября 2014 года, изданным на основании приказа начальника данного учреждения от 5 сентября 2014 года, В. В. Чеботарский был уволен из органов уголовно-исполнительной системы по пункту «е» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (сокращение штатов), при этом приказом начальника учреждения от 31 июля 2014 года на ранее занимаемую заявителем должность было назначено другое лицо.

Решением Астраханского областного суда от 10 октября 2014 года, оставленным без изменения апелляционным определением Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2015 года, В. В. Чеботарскому было отказано в удовлетворении исковых требований о признании приказов о сокращении должностей, выведении за штат, зачислении в распоряжение федерального казенного учреждения «Управление по обеспечению деятельности оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний» и увольнении со службы незаконными, а также о восстановлении на службе, взыскании денежного довольствия за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда и возмещении судебных расходов.

Указав на отсутствие нарушений процедуры увольнения заявителя, суды со ссылкой в том числе на пункт «а» части первой статьи 16¹ Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации пришли к выводу о том, что выведение всех сотрудников отдела режимного обеспечения и транспорта за штат и их зачисление в распоряжение федерального казенного учреждения «Управление по обеспечению деятельности оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний» было обусловлено в данном случае необходимостью наиболее эффективного выполнения возложенных на учреждение задач; в силу этого и учитывая необходимость перераспределения функций сотрудников, занимавших сокращаемые должности, между другими сотрудниками подразделения и соответствующее изменение их должностных обязанностей, у руководителя названного учреждения не возникла обязанность вновь назначить В. В. Чеботарского на ранее занимаемую должность.

В надзорном порядке дело В. В. Чеботарского не рассматривалось – его надзорная жалоба в Президиум Верховного Суда Российской Федерации была возвращена без рассмотрения по существу в связи с пропуском установленного законом срока обжалования судебных постановлений в порядке надзора.

1.2. Как следует из статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкре-

тизирующих предписания статьи 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации проверяет по жалобе гражданина на нарушение конституционных прав и свобод конституционность нормативных положений, примененных в его деле, рассмотрение которого завершено в суде, и принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению заявителем, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Несоответствие пункта «а» части первой статьи 16¹ Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 37 (части 3 и 4) и 55 (часть 3), В. В. Чеботарский усматривает в том, что данное нормативное положение — по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, — допускает выведение за штат, зачисление в распоряжение учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и последующее увольнение по сокращению штатов тех сотрудников, чьи должности фактически не сокращаются, и тем самым ставит их в неравное положение с лицами, проходящими службу в органах внутренних дел и относящимися к той же категории — «сотрудники правоохранительных органов», притом что для них Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» устанавливает более четкое правовое регулирование, предполагающее возможность зачисления в распоряжение федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения при проведении организационно-штатных мероприятий и увольнения со службы в связи с сокращением должности лишь тех сотрудников, чьи должности действительно подлежат сокращению (пункт 1 части 10 статьи 36 и пункт 11 части 2 статьи 82).

Таким образом, принимая во внимание, что конституционность пункта «а» части первой статьи 16¹ Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации оспаривается В. В. Чеботарским в связи с его увольнением из учреждения уголовно-исполнительной системы, надлежащая конституционно-правовая оценка данного нормативного положения не может быть дана вне его взаимосвязи с иными правовыми нормами, регламентирующими порядок зачисления сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в распоряжение учреждения или органа, в котором осуществляется служба, при выведении за штат и последующее увольнение их по сокращению штатов.

Соответственно, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является нормативное предписание, содержащееся в пункте «а» части первой статьи 16¹ Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, в той мере, в какой оно в системе действующего правового регулирования служит основанием для решения вопроса о зачислении в распоряжение учреждения или органа уголовно-исполнительной системы сотрудника данного учреждения или органа в связи с его выведением за штат при сокращении численности или штата и о последующем увольнении этого лица по сокращению штатов, притом что замещаемая им должность в рамках данных организационно-штатных мероприятий не подлежит сокращению.

2. Согласно Конституции Российской Федерации труд свободен; каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (статья 37, часть 1); граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе (статья 32, часть 4).

В силу названных конституционных положений во взаимосвязи с конкретизирующими их нормами федерального законодательства государственная служба, поступая на которую гражданин реализует указанные конституционные права, представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий Российской Федерации и ее субъектов, государственных органов и лиц, замещающих государственные должности (пункт 1 статьи 1 Федерального закона от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»). Специфика такой профессиональной деятельности предопределяет право федерального законодателя вводить особые правила поступления на государственную службу, ее прохождения и прекращения служебных отношений, в том числе с учетом задач, принципов организации и функционирования того или иного вида государственной службы. Однако, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, в том числе применительно к различным видам государственной службы, при осуществлении соответствующего правового регулирования федеральный законодатель обязан обеспечивать баланс между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами, соблюдая вытекающие из Конституции Российской Федерации принципы справедливости, равенства и соразмерности, а вводимые им нормы должны отвечать критериям определенности, ясности, недвусмысленности и согласованности с системой действующего правового регулирования (постановления от 15 июля 1999 года № 11-П, от 27 мая 2003 года № 9-П, от 27 мая 2008 года № 8-П, от 30 июня 2011 года № 14-П, от 21 марта 2013 года № 6-П, от 18 июля 2013 года № 19-П и от 11 ноября 2014 года № 29-П).

Вместе с тем правовое регулирование отношений, связанных с прохождением государственной службы, с учетом публичного характера профессиональной служебной деятельности и необходимости ее непрерывного осуществления должно быть направлено на достижение определенной стабильности служебных отношений, в том числе на установление гарантий от произвольного увольнения лиц, замещающих должности государственной службы. Это предполагает не только возможность увольнения государственного служащего исключительно по основаниям, предусмотренным законом, но и использование правовых механизмов увольнения в строгом соответствии с их предназначением и обстоятельствами, которые являются предпосылкой для их применения.

В частности, на необходимость соответствия избранного основания увольнения тем фактическим обстоятельствам, которые послужили его причиной, ранее уже указывал Конституционный Суд Российской Федерации, отмечая при этом, что такое соответствие обусловлено требованием правовой определенности, выступающей одним из основных признаков верховенства права, и согласуется также с общим принципом реализации правовых норм, предполагающим, в частности, возможность применения правовой нормы только при условии, что имеющие место фактические обстоятельства соответствуют сформулированному законодателем содержанию нормы (Определение от 9 декабря 2014 года № 2749-О).

3. Система государственной службы включает в себя государственную гражданскую службу, военную службу и государственную службу иных ви-

дов (пункт 1 статьи 2 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации»).

К иным видам государственной службы относится служба в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, предполагающая выполнение обязанностей по охране правопорядка. Исходя из этого нормативные правовые акты, составляющие правовую основу деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, устанавливают специальные правила прохождения указанной службы с учетом стоящих перед уголовно-исполнительной системой задач, специфики соответствующей служебной деятельности, направленной в том числе на обеспечение надлежащего исполнения уголовных наказаний и закрепленного законом порядка их отбывания, охраны прав и свобод осужденных, а также на осуществление содержания под стражей лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, подсудимых, их охраны и конвоирования (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 октября 2013 года № 21-П).

3.1. Согласно статье 5 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» в его первоначальной редакции уголовно-исполнительная система включала в себя учреждения, исполняющие наказания, а также территориальные и центральные органы управления уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Указом Президента Российской Федерации от 8 октября 1997 года № 1100 «О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации» было предписано осуществить передачу уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации. При этом в данном Указе предусматривалось, что такое реформирование производится в целях совершенствования системы исполнения уголовных наказаний Российской Федерации, в соответствии с рекомендациями Комитета Министров Совета Европы о единых европейских пенитенциарных правилах (преамбула), а порядок и условия прохождения службы, а также организация деятельности работников уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, перешедших либо вновь принятых на работу (службу) в уголовно-исполнительную систему Министерства юстиции Российской Федерации, регламентируются Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, Законом Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации, соответствующими федеральными законами и правилами внутреннего распорядка учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания (пункт 4).

Федеральным законом от 21 июля 1998 года № 117-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы» в ряд федеральных законов были внесены изменения, связанные с передачей уголовно-исполнительной системы в ведение Министерства юстиции Российской Федерации, а его статьей 21 подтверждено распространение действия Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации на сотрудников органов внутренних дел, переходящих на службу в учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, а также на лиц, вновь поступающих на службу в указанные учреждения и органы, впредь до принятия федерального закона о службе в уголовно-исполнительной системе.

Указом Президента Российской Федерации от 28 июля 1998 года № 904 «О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации», изданным в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 1998 года № 117-ФЗ и Указом Президента Российской Федерации от 8 октября 1997 года № 1100, уголовно-исполнительная система Министерства внутренних дел Российской Федерации с входящими в ее состав по состоянию на 1 августа 1998 года центральными и территориальными органами, учреждениями, предприятиями, организациями и имуществом, используемым ею в своей деятельности, с 1 сентября 1998 года была передана в ведение Министерства юстиции Российской Федерации.

В соответствии с Законом Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» в его действующей редакции уголовно-исполнительная система включает в себя учреждения, исполняющие наказания, территориальные органы уголовно-исполнительной системы и подведомственную Министерству юстиции Российской Федерации Федеральную службу исполнения наказаний, осуществляющую правоприменительные и контрольно-надзорные функции в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных (часть первая статьи 5); порядок и условия прохождения службы сотрудниками уголовно-исполнительной системы регламентируются названным Законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также нормативными правовыми актами Федеральной службы исполнения наказаний (часть третья статьи 24).

Таким образом, Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, применение которого к правоотношениям по прохождению государственной службы в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания, при реформировании уголовно-исполнительной системы рассматривалось как временная мера, продолжает — в силу того что специальный федеральный закон, учитывающий специфику прохождения службы в таких учреждениях и органах, до сих пор не принят — и в настоящее время распространяться на сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

3.2. По общему правилу, прохождение службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы осуществляется на должностях рядового и начальствующего состава. Вместе с тем, как следует из части десятой статьи 16 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, одним из случаев прохождения службы не на должностях рядового и начальствующего состава является нахождение сотрудника в распоряжении соответствующих учреждений и органов (пункт «а»).

Исчерпывающий перечень оснований зачисления сотрудника в распоряжение органов, в которых осуществляется служба, предельные сроки его нахождения в данном состоянии, а также гарантии, предоставляемые ему на соответствующий период, установлены статьей 16¹ Положения. В частности, в силу пункта «а» ее части первой сотрудник может быть зачислен в распоряжение соответствующего органа при выведении его за штат в связи с сокращением численности или штата сотрудников данного органа (подразделения); в указанном случае срок нахождения сотрудника в распоряжении органов, в которых осуществляется служба, не может превышать двух месяцев (пункт «а» части второй), при этом в данный срок не засчитываются периоды его освобождения от исполнения служебных обязанностей по болезни или в связи с пребыванием в очередном ежегодном и (или) дополнительном отпусках за текущий год (часть третья); сам же период нахождения сотрудника в распоряжении таких органов засчитывается в стаж соответствующей службы, в том числе для назначения пенсии и процентных

надбавок за выслугу лет, а также в срок выслуги в специальном звании (часть седьмая).

Кроме того, в период нахождения в распоряжении органов, в которых осуществляется служба, сотруднику сохраняется денежное довольствие, а также могут выплачиваться иные установленные законодательством выплаты с учетом фактического объема выполняемых им служебных обязанностей (часть 23 статьи 2 Федерального закона от 30 декабря 2012 года № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», части восьмая и девятая статьи 16¹ Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации).

Порядок и условия зачисления сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в распоряжение указанных учреждений и органов в связи с выведением за штат при сокращении численности или штата детализированы Инструкцией о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (утверждена приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 6 июня 2005 года № 76), пункт 8.6 которой предусматривает, что зачисление сотрудника в распоряжение учреждений и органов уголовно-исполнительной системы при проведении организационно-штатных мероприятий (в том числе при сокращении численности или штата сотрудников указанных учреждений и органов) предполагает освобождение его от занимаемой должности для решения вопроса о дальнейшем прохождении им службы либо увольнении; основанием для издания приказа о зачислении сотрудника в распоряжение учреждений и органов уголовно-исполнительной системы являются постановление Правительства Российской Федерации, приказ Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний или ее территориального органа о ликвидации конкретного учреждения или органа уголовно-исполнительной системы либо о проведении организационно-штатного мероприятия в соответствующем учреждении или органе; при сокращении штата учреждения или органа уголовно-исполнительной системы высвобождающиеся сотрудники могут зачисляться в распоряжение этого либо иного учреждения или органа уголовно-исполнительной системы по согласованию с его начальником при наличии вакантных должностей; в аналогичном порядке в распоряжение учреждений и органов уголовно-исполнительной системы зачисляются сотрудники и при расформировании (ликвидации) отдельных структурных подразделений соответствующих учреждений или органов либо сокращении отдельных должностей; сотрудник, зачисленный в распоряжение учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, сдает дела по сокращенной должности в установленном порядке и исполняет приказы, распоряжения или отдельные служебные поручения непосредственных начальников до принятия решения по вопросу о его назначении на другую должность либо об увольнении со службы; до увольнения с таким сотрудником проводится собеседование, в ходе которого ему должны быть предложены штатные вакантные должности при их наличии в данном либо ином учреждении или органе уголовно-исполнительной системы, обязанности по которым он может выполнять с учетом его квалификации и ранее занимаемой должности; основанием же для прекращения нахождения сотрудника в распоряжении учреждения или органа уголовно-исполнительной системы является приказ Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, иного учреждения или органа уголовно-исполнительной системы о назначении сотрудника на другую должность, его переводе на службу в другое учреждение или орган уголовно-исполнительной системы либо увольнении

со службы; по окончании срока нахождения в распоряжении учреждения или органа уголовно-исполнительной системы сотрудник подлежит увольнению со службы по пункту «е» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (сокращение штатов) или по иным основаниям, предусмотренным указанной статьей.

4. Само по себе сокращение численности или штата в государственных органах в большинстве случаев обусловлено объективными потребностями организации государственной службы. В силу этого мероприятия по сокращению должностей государственной службы в конкретном государственном органе, связанные в том числе с его реорганизацией либо изменением структуры и проводимые с целью оптимизации численности и состава государственных служащих, упорядочения распределения нагрузки на них, улучшения работы данного государственного органа, являясь основной предпосылкой прекращения служебного контракта с государственным служащим по соответствующему основанию, должны быть, в конечном итоге, направлены на совершенствование организации и прохождения государственной службы в таком государственном органе и как следствие этого — на повышение эффективности его функционирования как неотъемлемой части механизма реализации публичных функций государства. При этом осуществление такого рода организационно-штатных мероприятий всегда должно сопровождаться соблюдением установленной законом процедуры их проведения, а высвобождаемым государственным служащим должны предоставляться гарантии, обеспечивающие справедливость и обоснованность их увольнения, а также защиту от произвольного прекращения служебного контракта.

Вместе с тем сами нормы, которые регулируют отношения, связанные с проведением сокращения численности или штата в сфере государственной службы, могут, причем весьма существенно, отличаться по своему содержанию от норм, регламентирующих аналогичные отношения в сфере наемного труда.

4.1. Предусмотренное пунктом «а» части первой статьи 16¹ Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и не имеющее аналогов в трудовом законодательстве зачисление сотрудника учреждения или органа уголовно-исполнительной системы в распоряжение соответствующего учреждения или органа в связи с выведением данного лица за штат при сокращении численности или штата предполагает временное (на период нахождения в распоряжении) сохранение служебных отношений с таким сотрудником — притом что в силу специфики данного вида государственной службы может возникнуть необходимость максимально оперативного (в том числе до увольнения замещающего сокращаемую должность сотрудника) изменения штатного расписания путем исключения из него подлежащей сокращению должности.

Само по себе выведение за штат сотрудника учреждения или органа уголовно-исполнительной системы представляет собой меру временного характера, которая может быть применена к данному лицу лишь в связи с объективной, обусловленной проведением организационно-штатных мероприятий невозможностью продолжения им службы на прежней должности и лишь на период, необходимый для принятия решения по вопросу о дальнейшем прохождении этим сотрудником службы в том же (но на иной должности) или другом учреждении или органе либо о его увольнении со службы.

С учетом этого зачисление сотрудника учреждения или органа уголовно-исполнительной системы в распоряжение соответствующего учреждения или органа в связи с выведением данного лица за штат в рамках организационно-штатных мероприятий можно рассматривать в качестве особой гарантии, которая позволяет, с одной стороны, предоставить сотруднику возможность продолжить служебные отношения, а с другой стороны — дать такому сотруднику время адаптироваться к изменениям, вызванным со-

крашением замещаемой им должности, в том числе путем поиска альтернативных видов занятости.

Следовательно, как выведение за штат учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, вызванное сокращением должностей при проведении организационно-штатных мероприятий, так и зачисление на этом основании в распоряжение соответствующего учреждения или органа допустимы только в отношении тех сотрудников, должности которых в рамках данных мероприятий подлежат сокращению.

Данный вывод подтверждается и приведенными нормами Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, которые – во взаимосвязи с пунктом «а» части первой статьи 16¹ названного Положения – устанавливают правовой механизм зачисления сотрудников системы исполнения наказаний в распоряжение указанных учреждений и органов в связи с выведением за штат при сокращении численности или штата.

Выведение же за штат и зачисление в распоряжение учреждения или органа уголовно-исполнительной системы тех сотрудников, должности которых не сокращаются, не может рассматриваться как согласующееся с целевым назначением данных организационно-распорядительных действий, а потому – в условиях правового и социального государства, основанного на принципах верховенства права и справедливости (статья 1, часть 1; статья 7, часть 1, Конституции Российской Федерации), – не должно признаваться допустимым. При этом изменение объема служебных обязанностей или полномочий по конкретной должности, если она в рамках данных организационно-штатных мероприятий не подлежит сокращению, также не может служить достаточным основанием для выведения за штат и зачисления в распоряжение замещающего такую должность сотрудника.

4.2. Зачисление сотрудника учреждения или органа уголовно-исполнительной системы в распоряжение соответствующего учреждения либо органа в связи с выведением данного лица за штат при сокращении численности или штата не предполагает безусловного увольнения со службы, поскольку позволяет уполномоченному должностному лицу в течение установленного срока нахождения сотрудника в распоряжении учреждения или органа уголовно-исполнительной системы решить вопрос о дальнейшем прохождении им службы в том же (на иной должности) либо другом учреждении или органе уголовно-исполнительной системы. Увольнение же со службы по основанию, предусмотренному пунктом «е» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, в данном случае представляет собой крайнюю меру, применяемую при невозможности продолжения служебных отношений с таким сотрудником в связи с сокращением занимаемой им должности и отсутствием в том же либо другом учреждении или органе уголовно-исполнительной системы штатных вакантных должностей, обязанности по которым он мог бы выполнять с учетом его квалификации и ранее занимаемой должности, либо отказом данного лица от предложенных вакантных должностей.

Такое правовое регулирование, учитывая необходимость проведения организационно-штатных мероприятий в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, направленных, как правило, на повышение эффективности их деятельности, согласуется с принципами организации и функционирования данного вида государственной службы и не может рассматриваться как противоречащее конституционным нормам о праве на равный доступ к государственной службе и праве свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (статья 32, часть 4; статья 37, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Кроме того, принимая во внимание предоставление зачисленным в распоряжение учреждений и органов уголовно-исполнительной системы сотрудникам дополнительных гарантий (в том числе материального обеспечения) на период пребывания их в указанном состоянии, а при наличии вакантных должностей в соответствующем либо ином учреждении или органе уголовно-исполнительной системы – возможности продолжить служебные отношения, установленный Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации во взаимосвязи с Инструкцией о порядке его применения в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы правовой механизм зачисления сотрудников системы исполнения наказаний в распоряжение указанных учреждений и органов в связи с выведением за штат при сокращении численности или штата направлен на соблюдение баланса частных интересов этих сотрудников и публичных интересов, реализуемых в данном случае учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы.

4.3. Вместе с тем содержащееся в пункте «а» части первой статьи 16¹ Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации нормативное предписание, являющееся элементом указанного правового механизма, не допускает возможности его произвольного применения, поскольку предполагает, что принятию решения о зачислении сотрудника в распоряжение учреждения или органа уголовно-исполнительной системы в связи с его выведением за штат при сокращении численности или штата предшествует издание уполномоченным государственным органом распорядительного акта о проведении организационно-штатных мероприятий в соответствующем учреждении или органе уголовно-исполнительной системы.

При этом, принимая во внимание, что выведение за штат учреждения или органа уголовно-исполнительной системы при сокращении численности или штата, а равно зачисление на этом основании в распоряжение соответствующего учреждения или органа исходя из целевого назначения данных организационно-распорядительных действий допустимы только в отношении лиц, замещающих подлежащие сокращению должности, названное нормативное положение во взаимосвязи с пунктом «е» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации не может служить основанием для освобождения от занимаемой должности и последующего увольнения со службы по сокращению штатов тех сотрудников указанного учреждения или органа (его структурных подразделений), должности которых не подлежат сокращению.

Иное истолкование пункта «а» части первой статьи 16¹ Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации не только расходилось бы с его аутентичным смыслом, но и способствовало бы злоупотреблению правом со стороны руководителей учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, использующих сокращение численности или штата для освобождения от занимаемой должности с целью последующего увольнения со службы любых сотрудников этих учреждений и органов (их структурных подразделений), включая лиц, замещающих должности, не подлежащие сокращению в рамках соответствующих организационно-штатных мероприятий, создавало бы возможность их произвольного (не связанного с сокращением численности или штата) увольнения, т. е. приводило бы к не согласующемуся с конституционно значимыми целями, закрепленными в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, ограничению прав таких лиц, гарантированным им ее статьями 32 (часть 4) и 37 (часть 1).

5. Таким образом, пункт «а» части первой статьи 16¹ Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он не

предполагает возможность произвольного зачисления в распоряжение учреждения или органа уголовно-исполнительной системы в связи с выведением за штат при сокращении численности или штата сотрудников данного учреждения или органа (его структурных подразделений) и последующего увольнения по сокращению штатов тех лиц, должности которых в рамках соответствующих организационно-штатных мероприятий не подлежат сокращению.

Это, однако, не исключает возможность конкретизации федеральным законодателем в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий по регулированию отношений, связанных с прохождением службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, правового механизма зачисления их сотрудников в распоряжение соответствующих учреждений или органов в связи с выведением за штат при сокращении численности или штата. В частности, учитывая схожесть публично-правового статуса лиц, проходящих службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и сотрудников органов внутренних дел, обусловленную сходством поставленных перед ними задач, связанных с реализацией конституционно значимых функций, для этого может быть использован подход, примененный в Федеральном законе «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», положения которого допускают зачисление в распоряжение федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения в рамках проведения организационно-штатных мероприятий и последующее увольнение по сокращению штатов лишь тех сотрудников, должности которых подлежат сокращению (пункт 1 части 10 статьи 36 и пункт 11 части 2 статьи 82).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт «а» части первой статьи 16¹ Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он не предполагает возможность произвольного зачисления в распоряжение учреждения или органа уголовно-исполнительной системы в связи с выведением за штат при сокращении численности или штата сотрудников данного учреждения или органа (его структурных подразделений) и последующего увольнения по сокращению штатов тех лиц, должности которых в рамках соответствующих организационно-штатных мероприятий не подлежат сокращению.

2. Правоприменительные решения по делу гражданина Чеботарского Валентина Викторовича, основанные на пункте «а» части первой статьи 16¹ Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

30 марта
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 9-П

по делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «СГИВ»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба ООО «СГИВ». Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А. Н. Кокотова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно пункту 5 статьи 20 Федерального закона от 22 ноября 1995 года № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» в течение двух месяцев с момента аннулирования лицензии на осуществление деятельности по производству, хранению и поставке этилового спирта либо алкогольной и спиртосодержащей продукции или прекращения действия соответствующей лицензии, за исключением лицензии на розничную продажу алкогольной продукции, лицензиат имеет право на хранение остатков этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, на возврат их поставщику, на поставку остатков алкогольной и спиртосодержащей продукции иной име-

ющей лицензию на закупку, хранение и поставки алкогольной и спиртосодержащей продукции организации, которые осуществляются под контролем лицензирующего органа, за исключением случаев, если такая продукция подлежит изъятию в соответствии с пунктом 1 статьи 25 данного Федерального закона.

1.1. Оспаривающее конституционность названного законоположения ООО «СГИВ» имело лицензии на осуществление деятельности по производству, хранению и поставке произведенных этилового спирта и спиртосодержащей продукции сроком действия до 31 октября 2012 года. В выдаче новых лицензий на осуществление той же деятельности заявителю было отказано в связи с выявленными нарушениями требований к соискателю лицензии.

16 июля 2013 года Межрегиональное управление Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка по Северо-Кавказскому федеральному округу возбудило в отношении ООО «СГИВ» дело об административном правонарушении, выразившемся в хранении без соответствующей лицензии произведенной им спиртосодержащей продукции (коньячного дистиллята). В рамках проведенного административного расследования на обнаруженный в помещениях ООО «СГИВ» коньячный дистиллят 18 июля 2013 года был наложен арест и тогда же составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном частью 4 статьи 14.17 КоАП Российской Федерации (в настоящее время — часть 3 той же статьи в редакции Федерального закона от 21 декабря 2013 года № 365-ФЗ).

Арбитражный суд Республики Дагестан решением от 18 октября 2013 года (оставлено без изменения постановлением Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 декабря 2013 года) отказал в привлечении ООО «СГИВ» к административной ответственности и снял арест с коньячного дистиллята, находившегося с 18 июля 2013 года на ответственном хранении его директора. При этом суд первой инстанции посчитал, что общество приняло все зависящие от него меры по соблюдению правил и норм производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и что реальная возможность реализовать остатки коньячного дистиллята в установленные законом сроки, с тем чтобы не допустить их безлицензионного хранения, у него отсутствовала.

Рассмотрев кассационную жалобу Межрегионального управления Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка по Северо-Кавказскому федеральному округу, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа пришел к выводу, что принятие ООО «СГИВ» мер для продления срока действия соответствующей лицензии и для реализации остатков коньячного дистиллята не свидетельствует о законности их хранения по истечении двух месяцев с момента прекращения ее действия, и постановлением от 10 сентября 2014 года оставил судебные акты, принятые арбитражными судами первой и апелляционной инстанций, без изменения в части отказа в привлечении ООО «СГИВ» к административной ответственности, в остальной же части их отменил и направил дело в отмененной части на новое рассмотрение в Арбитражный суд Республики Дагестан.

Решением Арбитражного суда Республики Дагестан от 19 ноября 2014 года возвращенный ООО «СГИВ» коньячный дистиллят после снятия с него ареста был передан Межрегиональному управлению Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка по Северо-Кавказскому федеральному округу для решения вопроса о его переработке или уничтожении в установленном для продукции, находящейся в незаконном обороте, порядке. Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд постановлением от 16 февраля 2015 года оставил данный судебный акт без изменения. При этом он

отказал ООО «СГИВ» в удовлетворении ходатайства о приостановлении производства по делу и об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». Постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18 мая 2015 года указанные судебные акты оставлены без изменения, а жалоба ООО «СГИВ» — без удовлетворения. Законность и обоснованность данных судебных актов подтверждена Верховным Судом Российской Федерации (постановление от 26 октября 2015 года).

1.2. В соответствии со статьями 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобе объединения граждан конституционность законоположений, примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

По мнению ООО «СГИВ», оспариваемое им законоположение в части установления двухмесячного срока с момента прекращения действия ранее выданных организации лицензий на осуществление деятельности по производству, хранению и поставке этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, в рамках которого организация обязана реализовать оставшуюся у нее продукцию, не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 8, 17, 34, 35 и 55, поскольку — при отсутствии в правовом регулировании возможности продления данного срока, по истечении которого остатки законно произведенной продукции безвозмездно изымаются для переработки или уничтожения, — не позволяет организации получить за нее оплату, соразмерную затратам на ее производство. При этом, как следует из представленных заявителем материалов, спорная правовая ситуация в его деле связана с коньячным дистиллятом, т. е. с винодельческой продукцией (пункт 23 статьи 2 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»), имеющей длительный цикл производства, включая стадию выдержки (хранения в специальной производственной таре до достижения свойств дистиллятов, определенных техническими документами организации), который был начат в период действия соответствующей лицензии и остался незавершенным по истечении двух месяцев, предусмотренных оспариваемой нормой для реализации ее остатков.

Таким образом, пункт 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку содержащееся в нем положение, ограничивая двумя месяцами срок, который с момента прекращения действия лицензии на осуществление деятельности по производству, хранению и поставке этилового спирта

либо алкогольной и спиртосодержащей продукции дается юридическому лицу для реализации имеющихся у него остатков такой продукции, позволяет признавать их находящимися в незаконном обороте, а потому подлежащими изъятию и уничтожению — применительно к винодельческой продукции, выдержка которой на момент истечения двух месяцев, предусмотренных данным положением, не достигает срока, необходимого для завершения ее производства согласно требованиям технологического процесса, притом что само производство было начато в период действия соответствующей лицензии.

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя в России единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности, а также признание и защиту равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности (статья 8), относит к числу прав и свобод человека и гражданина, признание, соблюдение и защита которых является обязанностью государства (статья 2), право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34, часть 1), а также право частной собственности, которое, согласно ее статье 35, охраняется законом (часть 1), включает в себя право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (часть 2), притом что никто не может быть лишен своего имущества иначе, как по решению суда, а принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения (часть 3).

Как следует из приведенных положений Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 17, 18, 45 (часть 1) и 74 (часть 1), в России должны создаваться максимально благоприятные условия для функционирования экономической системы в целом, что предполагает необходимость стимулирования свободной рыночной экономики, основанной на принципах самоорганизации хозяйственной деятельности предпринимателей как ее основных субъектов, и принятия государством специальных мер, направленных на защиту их прав и законных интересов и тем самым — на достижение конституционной цели оптимизации государственного регулирования экономических отношений (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2008 года № 10-П, от 24 июня 2009 года № 11-П и др.).

В государстве, выстраивающем экономические связи на рыночных принципах, собственность, будучи материальной основой и экономическим выражением свободы общества и личности, не только является необходимым условием свободного осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, но и гарантирует как реализацию иных прав и свобод человека и гражданина, так и исполнение обусловленных ею обязанностей, а право частной собственности как элемент конституционного статуса личности определяет, наряду с другими непосредственно действующими правами и свободами человека и гражданина, смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 года № 11-П и от 24 марта 2015 года № 5-П).

Конституционные гарантии охраны частной собственности законом и допустимости лишения имущества не иначе как по решению суда, выражающие принцип неприкосновенности собственности, а также конституци-

онные гарантии судебной защиты распространяются как на сферу гражданско-правовых отношений, так и на отношения государства и личности в публично-правовой сфере; при этом — исходя из фундаментальных принципов верховенства права и юридического равенства — вмешательство государства в отношении собственности, в том числе связанные с осуществлением не запрещенной законом экономической деятельности, не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению; во всяком случае правовое регулирование в этой сфере не должно посягать на само существо права или свободы и приводить к утрате их реального содержания (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 года № 1-П, от 25 апреля 2011 года № 6-П, от 10 декабря 2014 года № 31-П, от 22 декабря 2015 года № 34-П и др.).

Вместе с тем право на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и право частной собственности не являются абсолютными и в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации могут быть ограничены федеральным законом в целях защиты конституционно значимых ценностей при обязательном соблюдении требований необходимости, пропорциональности и соразмерности. Корреспондирующие приведенному конституционному предписанию положения содержатся в международно-правовых актах, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации, в том числе в пункте 2 статьи 29 Всеобщей декларации прав человека, пункте 3 статьи 12 Международного пакта о гражданских и политических правах, статье 4 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, а также статье 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, из которой следует, что каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности (и, соответственно, свободы пользования имуществом, в том числе для осуществления предпринимательской деятельности), а лишение имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права, недопустимо, что, однако, не умаляет право государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами.

Таким образом, федеральный законодатель, осуществляя в рамках предоставленных ему Конституцией Российской Федерации дискреционных полномочий регулирование права на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и права частной собственности (статья 71, пункты «в», «ж», «о»), обязан обеспечивать разумный баланс частных и публичных интересов в этой сфере и соблюдать вытекающее из ее статьи 55 (часть 3) требование о возможности ограничений прав и свобод человека и гражданина только соразмерно конституционно значимым целям. Кроме того, при выборе средств и способов правового воздействия на субъектов предпринимательской деятельности федеральный законодатель должен учитывать как сложившуюся в России отраслевую систему правового регулирования и общие принципы соответствующих отраслей права — публичного или частного, так и социальные, экономические и иные факторы, определяющие объективные пределы его конституционных полномочий (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2008 года № 10-П).

3. Исходя из того что государственное регулирование производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции осуществляется в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, экономических интересов Российской Федерации, обеспечения безопасности указанной продукции, нужд потребителей в ней, а также в целях контроля за соблюдением законодательства, норм и правил в регулируемой области, Федеральным законом «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» установлены правовые основы как производства этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции в целях их продажи и получения прибыли, а также для собственных нужд, так и оборота соответствующей продукции, а именно закупки (в том числе импорта), поставок (в том числе экспорта), хранения, перевозок и розничной продажи, на которые распространяется действие данного Федерального закона (пункт 1 статьи 1, подпункты 15 и 16 статьи 2).

Закрепляя в числе требований к производству и обороту этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции обязательность их лицензирования, названный Федеральный закон устанавливает порядок выдачи лицензий на осуществление соответствующих видов деятельности, приостановления, возобновления, прекращения их действия, аннулирования лицензий, а также порядок обжалования решений лицензирующего органа (статьи 18–20 и 22). Так, согласно его статье 20 действие лицензии на производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции прекращается по истечении срока действия такой лицензии и в случае ликвидации лицензиата или в случае принятия лицензирующим органом решения о досрочном прекращении действия такой лицензии на основании заявления лицензиата; лицензирующий орган в срок не более чем 14 дней со дня установления факта прекращения действия лицензии осуществляет снятие остатков готовой продукции, сырья и полуфабрикатов, используемых для ее производства, а также пломбирование оборудования и коммуникаций в целях недопущения производства и реализации этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (пункт 2); в течение двух месяцев с момента прекращения действия лицензии, за исключением лицензии на розничную продажу алкогольной продукции, лицензиат имеет право на хранение остатков этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, на возврат их поставщику, на поставку остатков алкогольной и спиртосодержащей продукции иной имеющей лицензию на закупку, хранение и поставки алкогольной и спиртосодержащей продукции организации, которые осуществляются под контролем лицензирующего органа (пункт 5).

3.1. В силу пункта 1 статьи 25 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция в целях пресечения их незаконных производства и (или) оборота подлежат изъятию из незаконного оборота на основании решений уполномоченных в соответствии с законодательством Российской Федерации органов и должностных лиц, в частности, в случае, если их производство и (или) оборот, включая хранение, осуществляются без соответствующей лицензии. Данное предписание – по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, – распространяется и на остатки произведенных этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, которые не

были реализованы лицензиатом по истечении двух месяцев с момента прекращения действия лицензии.

Изъятые этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, а также предметы, используемые для их незаконных производства и (или) оборота, в том числе сырье, полуфабрикаты, производственная, транспортная, потребительская тара (упаковка), в силу пункта 2 статьи 25 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» подлежат вывозу и хранению вне места изъятия в порядке, установленном Правительством Российской Федерации (абзац первый); порядок их уничтожения по решению суда также определяется Правительством Российской Федерации (абзац второй). Полномочие по определению порядка вывоза и хранения вне мест изъятия изъятых или конфискованных этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции возложено на Правительство Российской Федерации также частью 13 статьи 27.10 КоАП Российской Федерации. Во исполнение этих предписаний Правительством Российской Федерации издано постановление от 28 сентября 2015 года № 1027 «О реализации мер по пресечению незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции». Способы уничтожения изъятых или конфискованных по решению суда этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции утверждены приказом Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка от 14 декабря 2015 года № 424.

Изъятие остатков этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, производство и (или) оборот, включая хранение, которых осуществляются без соответствующей лицензии, производится, в частности, в рамках применения такой меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, как изъятие вещей (статья 27.1 КоАП Российской Федерации), в данном случае — по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 3 статьи 14.17 КоАП Российской Федерации (производство или оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии), совершение которого влечет административную ответственность в виде административного штрафа в размере от двухсот тысяч до трехсот тысяч рублей с конфискацией продукции, оборудования, сырья, полуфабрикатов, транспортных средств или иных предметов, использованных для производства и оборота соответствующей продукции, либо без таковой.

В силу части 3 статьи 29.10 КоАП Российской Федерации в постановлении по делу об административном правонарушении должны быть решены вопросы об изъятых вещах, если в отношении них не применено или не может быть применено административное наказание в виде конфискации. Поскольку при отказе в привлечении лица к административной ответственности, в частности по мотиву пропуска срока давности привлечения к административной ответственности, административное наказание в виде конфискации предмета административного правонарушения применено быть не может, суд, установив, что вещи, изъятые в рамках применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, изъятые из оборота или находились в незаконном обороте, в том числе этиловый спирт, алкогольная или спиртосодержащая продукция, в резолютивной части своего решения указывает, что такие вещи возврату не подлежат, и определяет дальнейшие действия с ними; например, в отношении этилового спирта, алкогольной или спиртосодержащей продукции — в соответствии с Федеральным законом «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей про-

дукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 года № 10).

В судебной практике данное Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации разъяснение, в соответствии с которым при вынесении постановления о прекращении дела об административном правонарушении суд решает вопрос о судьбе изъятых вещей, распространяется как на этиловый спирт, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, производство и оборот которых осуществлялись без соответствующей лицензии, так и на продукцию, произведенную (либо находящуюся в процессе производства) в период действия лицензии, но не реализованную в двухмесячный срок с момента истечения срока ее действия.

Таким образом, в системе действующего правового регулирования положение, содержащееся в пункте 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», означает, что по истечении двух месяцев с момента прекращения действия выданной юридическому лицу лицензии на осуществление деятельности по производству, хранению и поставке этилового спирта либо алкогольной и спиртосодержащей продукции остатки соответствующей продукции подлежат на основании решений уполномоченных органов и должностных лиц обязательному (при необходимости – принудительному) безвозмездному изъятию с последующим уничтожением по решению суда. Такой порядок, исключающий возмещение их стоимости бывшим собственникам, – при формальном соблюдении конституционного требования о прекращении права собственности только по судебному решению – влечет для юридического лица прекращение права собственности на принадлежащее ему имущество, которое в данном случае не является санкцией за совершение им административного правонарушения и по своему содержанию сопоставимо с гражданско-правовым институтом принудительного изъятия имущества, которое в силу закона не может принадлежать данному лицу.

3.2. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации принудительное изъятие у собственника имущества не допускается, кроме указанных в законе случаев, в том числе когда производится отчуждение имущества, которое в силу закона не может принадлежать данному лицу (подпункт 2 пункта 2 статьи 235); если по основаниям, допускаемым законом, в собственности лица оказалось имущество, которое в силу закона не может ему принадлежать, это имущество должно быть отчуждено собственником в течение года с момента возникновения права собственности на имущество, если законом не установлен иной срок (пункт 1 статьи 238); в случаях, когда имущество не отчуждено собственником в сроки, указанные в пункте 1 статьи 238 данного Кодекса, такое имущество, с учетом его характера и назначения, по решению суда, вынесенному по заявлению государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит принудительной продаже с передачей бывшему собственнику вырученной суммы либо передаче в государственную или муниципальную собственность с возмещением бывшему собственнику стоимости имущества, определенной судом; при этом вычитаются затраты на отчуждение имущества (пункт 2 статьи 238).

Из приведенных положений гражданского законодательства следует, что прекращение права собственности лица на имущество, которое в силу закона не может ему принадлежать, но оборот которого возможен, по общему правилу, должно быть возмездным. Пункт 5 статьи 20 Федерального зако-

на «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», рассматриваемый как основание для безвозмездного изъятия остатков этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции с последующим их уничтожением по решению суда, во всяком случае не вступает в коллизию с этими законоположениями применительно к остаткам соответствующей продукции, которая произведена (введена в оборот) юридическим лицом без соответствующей лицензии (при наличии лицензии, действие которой приостановлено в установленном порядке), т. е. которая, если из закона не вытекает иное, не обладает необходимыми признаками объекта права собственности (статьи 128, 129, 136 и 218 ГК Российской Федерации), что подлежит установлению в судебном порядке.

Что касается этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, произведенных юридическим лицом в соответствии с действующим законодательством и при наличии необходимой лицензии, срок действия которой истек позднее, отвечающих обязательным требованиям в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, то на эти специфические объекты гражданского оборота, в отношении которых установлено специальное правовое регулирование, обусловленное необходимостью защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, экономических интересов Российской Федерации, обеспечения безопасности указанной продукции, нужд потребителей в ней, также могут не в полной мере распространяться правила о возмездном изъятии у лица имущества, которое в силу закона не может ему принадлежать, предусмотренные подпунктом 2 пункта 2 статьи 235 и статьей 238 ГК Российской Федерации. Баланс интересов общества и государства в данном случае обеспечивается предоставлением юридическому лицу на основании специальных норм Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» двухмесячного (с момента прекращения действия лицензии) срока на реализацию остатков произведенной продукции, который — имея в виду его обязанность адекватно планировать свою хозяйственную деятельность в пределах действия ранее полученной лицензии и необходимость соблюдения лицензионных требований в целях получения новой, а также при должном соотношении цены и качества произведенной продукции — является разумным и достаточным для реализации остатков такой продукции, полный цикл производства которой не выходит за рамки этого срока.

Однако данный вывод не может быть автоматически распространен на продукцию, производство и оборот которой осуществляются в соответствии с Федеральным законом «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» и технологический процесс производства которой предполагает стадию выдержки, т. е., согласно подпункту 15¹ его статьи 2, хранение в специальной производственной таре до достижения свойств дистиллятов, определенных техническими документами организации. Реализация такого рода продукции до достижения готовности — притом что ее вкусовые качества, как правило, имеют выраженный индивидуальный характер, обусловленный первичными свойствами сырья, в том числе связанными с местом его происхождения, а также особенностями специальной производственной тары и иными нюансами, — крайне затруднительна, тем более что приобрести ее могут только лица, имеющие соответствующую лицензию.

Как показывает правоприменительная практика, изъятые в рамках применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 3 статьи 14.17 КоАП Российской Федерации, не реализованные в течение двух месяцев с момента прекращения действия лицензии остатки этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, произведенной лицензиатом в период действия лицензии на их производство, хранение и поставку, но не прошедшей полный цикл производства, передаются по решению суда (как это имело место в деле ООО «СГИВ») уполномоченным в соответствии с законодательством Российской Федерации органам для решения вопроса об их уничтожении в порядке, установленном для продукции, находящейся в незаконном обороте, хотя такой их режим из статьи 25 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» прямо не вытекает (они не были произведены без лицензии, проходят стадию выдержки, т. е. производственного хранения, в соответствии с государственными стандартами и техническими условиями и под контролем уполномоченного органа, а потому не находятся в незаконном обороте).

Следовательно, при отказе в предоставлении на новый срок лицензии на производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции производители продукции, полный цикл производства которой включает стадию выдержки, — тем более что согласно названному Федеральному закону этот срок может составлять более пяти лет (подпункт 10¹ статьи 2) и тем самым превышать максимальный (пятилетний) срок, на который выдается лицензия (абзац первый пункта 17 статьи 19), — фактически обрекаются на потерю принадлежащего им имущества. Вместе с тем производители такой продукции — учитывая их обязанность как субъектов предпринимательской деятельности действовать разумно и добросовестно и соблюдать лицензионные требования — сами в состоянии прогнозировать, возможно ли получение ими лицензии на новый срок. Поэтому, если, начиная новый цикл производства, лицензиат действовал неосмотрительно, именно он и должен нести риски наступления неблагоприятных последствий своего производственного решения, тем более что оно принимается в сфере, подлежащей специальному государственному регулированию. В случае же, когда лицензиат к моменту начала нового цикла производства продукции, включающего стадию выдержки, срок которой явно выходит за пределы действующей лицензии, не знал и не мог знать (в силу не зависящих от него обстоятельств, например изменения требований, предъявляемых к соискателю лицензии) о возможных проблемах с получением лицензии на производство данной продукции на новый срок, безвозмездное изъятие такой продукции — притом что ее производство осуществляется в соответствии с обязательными требованиями — и последующее ее уничтожение по решению суда не могут рассматриваться как имеющие разумное обоснование.

Таким образом, положение пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», будучи распространенным на винодельческую продукцию, выдержка которой на момент истечения двух месяцев, предусмотренных данным законоположением для реализации остатков этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, не достигает срока, необходимого для завершения полного цикла ее производства, притом что само производство было начато в период действия лицен-

зии, осуществлялось (с учетом стадии производственного процесса) в соответствии с действующим законодательством и с соблюдением обязательных требований, — по смыслу, придаваемому данному законоположению правоприменительной практикой при создающем неопределенность в действующем правовом регулировании этих отношений отсутствии специальных механизмов решения судом вопросов о правовой судьбе такой продукции по завершении двух месяцев с момента истечения срока действия лицензии на ее производство, хранение и поставку, — несоразмерно ограничивает гарантированные статьями 34 (часть 1) и 35 (части 1–3) Конституции Российской Федерации право на осуществление предпринимательской деятельности и право частной собственности тех производителей, которые действовали разумно и осмотрительно и, начиная ее производство, не могли предполагать, что лицензия на новый срок не будет ими получена.

Федеральному законодателю надлежит — исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом основанных на ее положениях правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации — внести в правовое регулирование производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции необходимые изменения, вытекающие из настоящего Постановления, касающиеся винодельческой продукции с длительными сроками выдержки.

Впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений для решения вопроса относительно правовой судьбы винодельческой продукции с длительными сроками выдержки должна применяться модель, предусмотренная статьей 238 ГК Российской Федерации применительно к прекращению права собственности лица на имущество, которое в силу закона не может ему принадлежать: остатки такой продукции, не реализованные производителем в течение двух месяцев с момента прекращения действия лицензии, подлежат изъятию и продаже с передачей бывшему собственнику вырученной суммы либо передаче в государственную или муниципальную собственность с возмещением бывшему собственнику их стоимости, определенной судом, за вычетом затрат на их хранение и реализацию; при этом сам производитель не лишается возможности подыскивать потенциального покупателя; как только затраты на хранение нереализованной продукции превысят ее стоимость, она может быть уничтожена в установленном порядке.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1) и 35 (части 1–3), в той мере, в какой содержащееся в нем положение в системе действующего правового регулирования допускает по истечении двух месяцев с момента прекращения действия выданной юридическому лицу лицензии на осуществление деятельности по производству, хранению и поставке этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции принудительное безвозмездное изъятие с целью уничтожения по решению суда остатков принадлежащей ему винодельческой продукции, выдержка которой на момент истечения двух месяцев, предусмотренных для ее реализации, не достигает необходи-

мого в соответствии с требованиями технологического процесса срока, при том что само производство было начато в период действия лицензии, осуществлялось (с учетом стадии производственного процесса) в соответствии с действующим законодательством и с соблюдением обязательных требований и что, начиная его, лицензиат не мог предполагать, что лицензия на новый срок не будет им получена.

2. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом основанных на ее положениях правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации – внести в правовое регулирование производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции необходимые изменения, вытекающие из настоящего Постановления, касающиеся винодельческой продукции с длительными сроками выдержки.

Впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений для решения вопроса относительно правовой судьбы винодельческой продукции с длительными сроками выдержки должна применяться модель, предусмотренная статьей 238 ГК Российской Федерации применительно к прекращению права собственности лица на имущество, которое в силу закона не может ему принадлежать: остатки такой продукции, не реализованные производителем в течение двух месяцев с момента прекращения действия лицензии, подлежат изъятию и продаже с передачей бывшему собственнику вырученной суммы либо передаче в государственную или муниципальную собственность с возмещением бывшему собственнику их стоимости, определенной судом, за вычетом затрат на их хранение и реализацию; при этом сам производитель не лишается возможности подыскивать потенциального покупателя; как только затраты на хранение нерезализованной продукции превысят ее стоимость, она может быть уничтожена в установленном порядке.

3. Правоприменительные решения по делу общества с ограниченной ответственностью «СГИВ», основанные на положении пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» в той мере, в какой оно признано настоящим Постановлением не соответствующим Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

12 апреля
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 10-П

по делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 169, частей 4 и 7 статьи 170 и части 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

с участием представителей групп депутатов Государственной Думы – депутатов Государственной Думы В. Г. Соловьева и Г. П. Хованской, адвокатов С. А. Попова и А. В. Сеницына, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Д. Ф. Вяткина, представителя Совета Федерации – кандидата юридических наук Ю. А. Шарандина, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. В. Кротова, руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 2) Конституции Российской Федерации, подпунктом «а» пункта 1 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 84, 85 и 86 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений части 1 статьи 169, частей 4 и 7 статьи 170 и части 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились запросы двух групп депутатов Государственной Думы. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые в запросах законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С. П. Маврина, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. Ю. Барщевского, а также представителей: от Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации – О. В. Сперанского, от Министерства юстиции Российской Федерации – М. А. Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т. А. Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Две группы депутатов Государственной Думы, обратившихся в Конституционный Суд Российской Федерации в порядке статьи 125 (пункт «а» части 2) Конституции Российской Федерации, оспаривают конституционность ряда положений Жилищного кодекса Российской Федерации, регулирующих отношения по организационному и финансовому обеспечению

проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах.

1.1. Предметом первого в порядке очередности запроса, подписанного 94 депутатами Государственной Думы (А. А. Агеев, А. Г. Аксаков, М. В. Брячак и др.), является часть 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации, согласно которой средства, полученные региональным оператором от собственников помещений в одних многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, могут быть использованы на возвратной основе для финансирования капитального ремонта общего имущества в других многоквартирных домах, собственники помещений в которых также формируют фонды капитального ремонта на счете, счетах того же регионального оператора; при этом законом субъекта Российской Федерации может быть установлено, что такое использование средств допускается только при условии, если указанные многоквартирные дома расположены на территории определенного муниципального образования или территориях нескольких муниципальных образований.

Заявители просят признать часть 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации не соответствующей статьям 19 (часть 1), 35 (части 1 и 2) и 40 (часть 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она позволяет использовать средства фонда капитального ремонта – при отсутствии волеизъявления формирующих этот фонд на счете регионального оператора собственников помещений в многоквартирных домах – для финансирования услуг и (или) работ по капитальному ремонту общего имущества в других многоквартирных домах, и приводят в обоснование своей позиции следующие доводы:

оспариваемые законоположения фактически возлагают на собственников помещений в многоквартирном доме, формирующих фонд капитального ремонта на счете регионального оператора, обязанность по содержанию не принадлежащего им имущества, в то время как в силу статей 210 и 249 ГК Российской Федерации и части 1 статьи 39 Жилищного кодекса Российской Федерации бремя содержания имущества (в том числе общего имущества в многоквартирном доме) несет собственник этого имущества (участник долевой собственности, собственник помещения в многоквартирном доме), что предполагает непосредственное исполнение данной обязанности самим собственником, а не переложение ее на третьих лиц, т. е. на собственника помещения в многоквартирном доме может быть возложена обязанность по оплате расходов на капитальный ремонт общего имущества именно в данном многоквартирном доме;

по смыслу части 1 статьи 174 и части 3 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации, региональный оператор сам не формирует фонд капитального ремонта и потому может использовать средства данного фонда для финансирования услуг и (или) работ по капитальному ремонту общего имущества только в конкретном многоквартирном доме; направляя же средства фонда капитального ремонта без согласия формирующих этот фонд собственников помещений в многоквартирном доме на капитальный ремонт общего имущества в другом многоквартирном доме, региональный оператор тем самым использует соответствующие средства не по целевому назначению; в результате собственники помещений в многоквартирных домах, формирующие фонд капитального ремонта на счете регионального оператора, оказываются в неравном положении с собственниками помещений в многоквартирных домах, формирующими фонд капитального ремонта на специальном счете, средства которого расходуются исключительно на ремонт принадлежащего им имущества.

1.2. Вторая группа депутатов Государственной Думы (А. Н. Абалаков, М. Ю. Авдеев, В. А. Агаев и др. — всего 90 человек) оспаривает конституционность следующих положений Жилищного кодекса Российской Федерации:

части 1 статьи 169, как возлагающей на собственников помещений в многоквартирном доме обязанность уплачивать ежемесячные взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 той же статьи и частью 8 статьи 170 данного Кодекса;

части 4 статьи 170, определяющей перечень вопросов, которые должны быть решены общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме, выбравшим в качестве способа формирования фонда капитального ремонта его формирование на специальном счете;

части 7 статьи 170, как наделяющей орган местного самоуправления полномочием принять решение о формировании фонда капитального ремонта на счете регионального оператора в отношении многоквартирного дома, собственники помещений в котором в установленный законом срок не выбрали или не реализовали определенный ими способ формирования фонда капитального ремонта.

По мнению заявителей, часть 1 статьи 169 Жилищного кодекса Российской Федерации, возлагая предусмотренную ею обязанность в том числе на лиц, которые приобрели право собственности на жилые помещения в многоквартирном доме в результате приватизации, фактически освобождает публично-правовые образования — бывших наймодателей от исполнения сохраненной за ними статьей 16 Закона Российской Федерации от 4 июля 1991 года № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» обязанности по осуществлению капитального ремонта домов и тем самым порождает правовую неопределенность, препятствующую созданию органами публичной власти необходимых условий для реализации права граждан на жилище, а следовательно, противоречит статьям 4 (часть 2), 15 (часть 1), 19 (часть 1) и 40 (часть 1) Конституции Российской Федерации; кроме того, обязательные взносы на капитальный ремонт, поступающие на счет регионального оператора, по существу, являются налогом (что косвенно подтверждается письмом Министерства финансов Российской Федерации от 18 июня 2015 года № 14-01-07/35436), в то время как в силу статьи 57 Конституции Российской Федерации граждане обязаны платить только законно установленные налоги, определенные в Налоговом кодексе Российской Федерации и принятых в соответствии с ним федеральных законах, к числу которых Жилищный кодекс Российской Федерации не относится.

Нарушение положениями частей 4 и 7 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации предписаний статьи 35 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации заявители усматривают в том, что ими допускается произвольное — вне зависимости от воли собственников помещений в многоквартирных домах, которые по объективным причинам не смогли выбрать способ формирования фонда капитального ремонта, — распоряжение органом местного самоуправления их ежемесячными взносами на капитальный ремонт, что противоречит также статье 209 ГК Российской Федерации.

Кроме того, заявители хотя прямо и не указывают часть 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации в числе оспариваемых ими законоположений, но, излагая свою позицию, приводят аргументы в обоснование ее несоответствия Конституции Российской Федерации, которые в целом совпадают с доводами авторов первого запроса.

Принимая во внимание, что положения Жилищного кодекса Российской Федерации, на проверке конституционности которых настаивают обе

группы депутатов Государственной Думы, хотя и различны по содержанию, но касаются одного и того же предмета, а именно регулируют отношения по организационному и финансовому обеспечению проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по их запросам в одном производстве.

1.3. Таким образом, с учетом предписаний Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в том числе его статей 3, 36, 74 и 85, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются следующие взаимосвязанные положения Жилищного кодекса Российской Федерации:

часть 1 статьи 169 – постольку, поскольку ею устанавливается в качестве общего правила обязанность собственников помещений в многоквартирном доме уплачивать ежемесячные взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме;

часть 4 статьи 170, определяющая перечень вопросов, решения по которым должны быть приняты общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме в связи с избранием ими в качестве способа формирования фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме аккумулирования соответствующих денежных средств на специальном счете;

часть 7 статьи 170 – постольку, поскольку ею предусматривается принятие органом местного самоуправления решения о формировании фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме на счете регионального оператора в случае, если собственники помещений в многоквартирном доме в установленный законом срок не выбрали способ формирования фонда капитального ремонта или если выбранный ими способ не был реализован;

часть 4 статьи 179, допускающая возможность использования средств, полученных региональным оператором от собственников помещений в одних многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, для финансирования капитального ремонта общего имущества в других многоквартирных домах, собственники помещений в которых также формируют фонды капитального ремонта на счете, счетах того же регионального оператора, и предоставляющая субъекту Российской Федерации право ограничить такую возможность условием расположения указанных многоквартирных домов на территории определенного муниципального образования или нескольких муниципальных образований.

2. Согласно Конституции Российской Федерации в России признаются и защищаются равным образом все формы собственности; право частной собственности относится к основным правам человека и подлежит защите со стороны государства наряду с другими правами и свободами человека и гражданина, которые обеспечиваются правосудием, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, а также местного самоуправления (статья 8, часть 2; статья 18). Исходя из этого статья 35 Конституции Российской Федерации предписывает, что право частной собственности охраняется законом (часть 1); каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (часть 2).

Приведенным положениям Конституции Российской Федерации, выражающим один из основополагающих аспектов верховенства права – обще-

признанный в демократических государствах принцип неприкосновенности собственности, выступающий гарантией права собственности во всех его составляющих, корреспондируют положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которым каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом; никто не может быть лишен своего имущества кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права; государство вправе обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами (статья 1 Протокола № 1).

При осуществлении на основании статьи 71 (пункты «в», «о») Конституции Российской Федерации правового регулирования права собственности и связанных с ним отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом федеральному законодателю надлежит руководствоваться фундаментальными принципами верховенства права и юридического равенства, в силу которых вмешательство государства в эти отношения не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2008 года № 9-П, от 31 января 2011 года № 1-П и др.).

Действуя в рамках предоставленных ему Конституцией Российской Федерации дискреционных полномочий, федеральный законодатель должен иметь в виду и вытекающее из взаимосвязанных положений статей 7 (часть 1), 8 (часть 2) и 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации требование о необходимости соотношения принадлежащего лицу права собственности с правами и свободами других лиц, в силу которого собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, если они не противоречат закону и иным правовым актам и не нарушают права и законные интересы третьих лиц. Тем самым, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, право собственности в пределах, определенных Конституцией Российской Федерации, предполагает не только возможность реализации собственником составляющих это право правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом в своих интересах, но и несение бремени содержания принадлежащего ему имущества, в том числе в целях предотвращения причинения вреда другим лицам; соответственно, регламентируя содержание права собственности и обеспечивая защиту прав и законных интересов других лиц, а также принадлежащих им благ посредством возложения на собственников дополнительных обязанностей и обременений, связанных с обладанием имуществом, федеральный законодатель должен учитывать особенности этого имущества (постановления от 31 мая 2005 года № 6-П и от 22 апреля 2011 года № 5-П; определения от 16 апреля 2009 года № 495-О-О, от 24 декабря 2012 года № 2353-О и др.).

Применительно к помещениям (в том числе жилым) в многоквартирном доме как объектам права собственности, обладающим значительной спецификой, следует принимать во внимание неразрывную физическую связь помещения как части объема здания, ограниченной строительными конструкциями, и конструктивных элементов здания как объемной строительной системы, включающей в себя помещения, сети инженерно-технического обеспечения и системы инженерно-технического обеспечения и

предназначенной, если речь идет о жилом здании, для проживания и (или) деятельности людей (пункты 6 и 14 части 2 статьи 2 Федерального закона от 30 декабря 2009 года № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений»). Этим во многом предопределяется их общая правовая судьба: поскольку сам факт существования и сохранность каждого из помещений в многоквартирном доме обусловлены существованием и состоянием самого дома (здания), наличие права собственности на помещения в многоквартирном доме обуславливает и наличие права общей долевой собственности собственников этих помещений на общее имущество в таком доме, в том числе на общие нежилые помещения, несущие конструкции дома, сети и системы инженерно-технического обеспечения (статья 290 ГК Российской Федерации и статья 36 Жилищного кодекса Российской Федерации).

Соответственно, исходя из того что участники общей долевой собственности обязаны соразмерно со своей долей участвовать в уплате налогов, сборов и иных платежей по общему имуществу, а также в издержках по его содержанию и сохранению (статья 249 ГК Российской Федерации), несение расходов по содержанию общего имущества в многоквартирном доме (фактически — здания и его конструктивных элементов), включая расходы на капитальный ремонт, для каждого из собственников помещений в этом доме — не просто неотъемлемая часть бремени содержания принадлежащего ему имущества (статья 210 ГК Российской Федерации), но и обязанность, которая вытекает из факта участия в праве собственности на общее имущество и которую участник общей долевой собственности несет, в частности, перед другими ее участниками, чем обеспечивается сохранность как каждого конкретного помещения в многоквартирном доме, так и самого дома в целом.

3. В соответствии с Конституцией Российской Федерации Россия как социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7, часть 1), призвана гарантировать реализацию права каждого на жилище (статья 40, часть 1), признаваемого международным сообществом в качестве элемента права на достойный жизненный уровень (статья 25 Всеобщей декларации прав человека и статья 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах). Исходя из этого Конституция Российской Федерации, провозглашая право каждого на жилище, закрепляет корреспондирующую ему обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления по созданию условий для осуществления данного права (статья 40, часть 2), которая одновременно выступает в качестве гарантии его реализации.

Приведенное конституционное предписание, составляющее основу правового регулирования жилищных отношений, означает обращенное к органам государственной власти и органам местного самоуправления требование об установлении таких правовых механизмов, которые позволяли бы обеспечивать сохранность жилищного фонда, представляющего собой совокупность всех жилых помещений, находящихся на территории Российской Федерации и являющихся объектами жилищных прав (часть 1 статьи 15 и часть 1 статьи 19 Жилищного кодекса Российской Федерации), и одновременно — материальный ресурс, необходимый для стабильного развития Российской Федерации как социального государства и реализации одной из базовых потребностей человека — потребности в жилище, что, в свою очередь, предполагает сохранение целевого назначения объектов жилищного фонда, а также создание безопасных и благоприятных условий для проживания в них граждан.

При осуществлении правового регулирования соответствующих отношений, в том числе связанных с обеспечением надлежащего содержания и эксплуатации объектов жилищного фонда и использования их по назначению, федеральный законодатель, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, должен учитывать публично-правовой характер этих отношений (постановления от 16 мая 2000 года № 8-П и от 15 июня 2006 года № 6-П). Аналогичной позиции придерживается Европейский Суд по правам человека, который полагает, что в современном обществе обеспечение населения жильем является важнейшей социальной потребностью и что решение жилищного вопроса отражает не только частный, но и публичный интерес, а потому не может быть целиком отдано на откуп рынку, неограниченное действие которого, особенно в ситуации трансформации экономики, способно породить нежелательные социальные последствия (постановление от 21 февраля 1986 года по делу «Джеймс (*James*) и другие против Соединенного Королевства»).

4. Многоквартирные дома, в которых расположена значительная часть составляющих жилищный фонд жилых помещений, подвержены естественному износу, а потому надлежащее содержание таких домов предполагает в числе прочего непрерывный мониторинг их технического состояния, а также своевременное проведение необходимых работ по устранению неисправностей их конструктивных элементов. В связи с этим Жилищный кодекс Российской Федерации в порядке конкретизации статьи 40 (часть 2) Конституции Российской Федерации возлагает на органы государственной власти и органы местного самоуправления обязанности по обеспечению контроля за использованием и сохранностью жилищного фонда, по организации своевременного проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах за счет взносов собственников помещений в таких домах, бюджетных средств и иных не запрещенных законом источников финансирования, а также по осуществлению государственного жилищного надзора и муниципального жилищного контроля (пункты 6, 6¹ и 8 статьи 2).

Исполнение названных обязанностей предполагает, в частности, правовое регулирование порядка организации проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, которое — исходя из того что Конституция Российской Федерации относит жилищное законодательство к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (статья 72, пункт «к» части 1), а также учитывая принцип самостоятельности бюджетов — осуществляется как на федеральном уровне — Жилищным кодексом Российской Федерации и принятыми в соответствии с ним иными федеральными законами и нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, так и на региональном уровне — законами субъектов Российской Федерации. В силу статей 12 и 130 (часть 1) Конституции Российской Федерации соответствующие нормативные правовые акты по вопросам, отнесенным к ведению органов местного самоуправления в данной сфере, могут приниматься и на муниципальном уровне.

4.1. Жилищный кодекс Российской Федерации в первоначальной редакции предусматривал участие собственников помещений в многоквартирных домах в расходах на содержание общего имущества в таких домах путем внесения платы за содержание и ремонт жилых помещений, которая включала в себя плату за услуги и работы по управлению многоквартирным домом, а также по содержанию, текущему и капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме (пункт 1 части 2 статьи 154 и часть 1 статьи 158).

До вступления в силу Федерального закона от 25 декабря 2012 года № 271-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» капитальный ремонт многоквартирных домов проводился, главным образом, на условиях долевого финансирования за счет средств государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства, направляемых в качестве финансовой поддержки на безвозвратной и безвозмездной основе субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2007 года № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства», а также средств бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации и (или) муниципального образования и средств товариществ собственников жилья, жилищных, жилищно-строительных кооперативов или иных специализированных потребительских кооперативов либо собственников помещений в многоквартирных домах.

Внося Федеральным законом от 25 декабря 2012 года № 271-ФЗ изменения в правовое регулирование отношений, связанных с организацией проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, федеральный законодатель, как следует из пояснительной записки к соответствующему законопроекту, преследовал цель сформировать необходимые правовые основы для создания в субъектах Российской Федерации эффективных и устойчивых механизмов финансирования капитального ремонта за счет организационного обеспечения процесса его планирования и проведения, а также вовлечения в его финансирование собственников помещений в многоквартирных домах.

В силу общего принципа гражданского законодательства о несении собственником бремени содержания принадлежащего ему имущества Жилищный кодекс Российской Федерации в ныне действующей редакции устанавливает для всех собственников помещений в многоквартирном доме обязанность с момента возникновения у них права собственности на соответствующие помещения не только нести расходы на их содержание, но и участвовать в расходах на содержание общего имущества в многоквартирном доме соразмерно своей доле в праве общей собственности на него путем внесения платы за содержание жилого помещения и взносов на капитальный ремонт (часть 3 статьи 30, части 1 и 3 статьи 158).

Имея в виду формирование региональных систем капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, федеральный законодатель определил основные требования к порядку их организации во введенном Федеральным законом от 25 декабря 2012 года № 271-ФЗ в Жилищный кодекс Российской Федерации разделе IX, наделил субъекты Российской Федерации полномочиями по самостоятельному решению вопросов, связанных с их созданием и функционированием, включая учреждение региональных операторов, определение минимального размера взноса на капитальный ремонт (в том числе его дифференциацию в зависимости от муниципального образования, в котором расположен многоквартирный дом, типа и этажности такого дома, иных факторов) и утверждение региональных программ капитального ремонта, а органы местного самоуправления – полномочиями по утверждению краткосрочных планов реализации региональной программы капитального ремонта, по организации выбора собственниками помещений в многоквартирном доме способа формирования фонда капитального ремонта, а также по обеспечению его формирования и проведения капитального ремонта в случаях, предусмотренных законом. Впо-

следствии в целях обеспечения функционирования региональных систем капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах были приняты правовые акты методического характера, в том числе Методические рекомендации по установлению субъектом Российской Федерации минимального размера взноса на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах (утверждены приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 7 февраля 2014 года № 41/пр) и Методические рекомендации по созданию специализированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность, направленную на обеспечение проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, и обеспечению их деятельности (утверждены приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 28 января 2016 года № 41/пр).

Формируя новые механизмы финансирования капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, федеральный законодатель исходил из того, что его проведение возможно лишь в случае своевременного и полного участия собственников всех помещений в таких домах в расходах на выполнение соответствующих ремонтных работ. Поскольку же в силу ряда объективных причин (многочисленность собственников помещений в многоквартирном доме, сложность и разнообразие объектов, относящихся к общему имуществу, и др.), а также вследствие высокой стоимости работ по капитальному ремонту и обусловленной этим затруднительности однократного и одномоментного сбора денежных средств на их проведение самостоятельное осуществление капитального ремонта исключительно силами самих собственников в большинстве случаев практически невозможно, исполнение ими обязанности по содержанию общего имущества в многоквартирных домах должно сводиться в первую очередь к финансированию ремонтных работ, проводимых третьими лицами, что предполагает введение правовых механизмов, обеспечивающих накопление и привлечение необходимых и достаточных для такого финансирования денежных средств.

4.2. Таким образом, действующее правовое регулирование отношений в области организации проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах имеет целью их поддержание в состоянии, соответствующем санитарным и техническим требованиям, и тем самым – предотвращение причинения вреда как жизни, здоровью и имуществу собственников помещений и других граждан, проживающих в этих домах, так и жизни, здоровью и имуществу иных лиц (вследствие возможного разрушения или повреждения многоквартирных домов, их отдельных конструктивных элементов либо наступления иных обстоятельств, препятствующих их безопасной эксплуатации), т. е. направлено на защиту конституционно значимых ценностей, что соответствует закрепленному в статье 7 (часть 1) Конституции Российской Федерации предназначению социального государства и согласуется с предписаниями ее статей 17 (часть 3) и 40 (часть 2). Не противоречит Конституции Российской Федерации и определение в качестве финансовой основы функционирования региональных систем капитального ремонта многоквартирных домов взносов на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах, подлежащих уплате собственниками расположенных в них помещений, поскольку этим не затрагивается само существо конституционных гарантий защиты собственности, вытекающих из ее статей 8 (часть 2) и 35 (части 1 и 2).

5. Вводя для собственников помещений в многоквартирном доме обязательный взнос на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме в качестве отдельной составляющей платы за помещение и ком-

мунальные услуги, федеральный законодатель исходил из того, что сам по себе такого рода взнос не может быть признан налогом или сбором, поскольку не обладает всеми характерными для данных видов платежей признаками.

Так, согласно статье 8 Налогового кодекса Российской Федерации под налогами понимаются обязательные, индивидуально безвозмездные платежи, взимаемые с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований (пункт 1), а сбор представляет собой обязательный взнос, взимаемый с организаций и физических лиц, уплата которого является одним из условий совершения в отношении плательщиков сборов государственными органами, органами местного самоуправления, иными уполномоченными органами и должностными лицами юридически значимых действий, включая предоставление определенных прав или выдачу разрешений (лицензий), либо уплата которого обусловлена осуществлением в пределах территории, на которой введен сбор, отдельных видов предпринимательской деятельности (пункт 2).

Как ранее указывал Конституционный Суд Российской Федерации, налог, будучи необходимым условием существования государства, является по своей правовой природе основанной на законе денежной формой отчуждения собственности в целях обеспечения расходов публичной власти, осуществляемого на началах обязательности, безвозвратности, индивидуальной безвозмездности, и, как правило, не имеет строго определенного целевого назначения; в свою очередь, сбор, являясь, так же как и налог, конституционно допустимым платежом публичного характера, уплачиваемым в бюджет в силу обязанности, установленной законом, по своей правовой природе представляет собой денежную форму отчуждения собственности, призванную обеспечить совершение органами публичной власти или иными уполномоченными органами либо должностными лицами юридически значимых действий в отношении его плательщиков. Раскрывая содержание понятия «законно установленные налоги и сборы», Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что установить налог или сбор можно только законом и только путем прямого перечисления в нем существенных элементов соответствующего обязательства; при этом такого рода платеж публичного характера может считаться законно установленным лишь при условии, что все существенные элементы данного обязательства, в том числе размер платы, определены именно федеральным законом (постановления от 4 апреля 1996 года № 9-П, от 17 декабря 1996 года № 20-П, от 11 ноября 1997 года № 16-П и от 28 февраля 2006 года № 2-П).

Что касается взносов на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, то они имеют иную правовую природу: будучи обязательной платой за организацию и проведение капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме, они не обладают характерным для платежей публичного характера признаком индивидуальной безвозмездности и предназначены для оплаты расходов на выполнение конкретных работ и оказание услуг по устранению неисправностей изношенных конструктивных элементов общего имущества (включая отдельные элементы строительных конструкций и инженерных систем многоквартирного дома), в том числе по их восстановлению или замене в целях улучшения их эксплуатационных характеристик, и тем самым — для поддержания многоквартирного дома в состоянии, соответствующем санитарным и техническим требованиям, что отвечает прежде всего интересам собственников помещений в таком доме.

Кроме того, взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, в отличие от налогов и сборов, не перечисляются в бюджет, а зачисляются — в зависимости от избранного собственниками помещений в многоквартирном доме способа формирования фонда капитального ремонта — либо на специальный счет в кредитной организации (банке), либо на счет регионального оператора (часть 3 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации), не могут использоваться в целях финансового обеспечения деятельности государства или муниципальных образований, а должны расходоваться исключительно на цели, связанные с организацией и проведением капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах.

В частности, средства фонда капитального ремонта (независимо от избранного собственниками помещений в многоквартирном доме способа его формирования), согласно части 1 статьи 174 Жилищного кодекса Российской Федерации, могут использоваться для оплаты услуг и (или) работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме, разработки проектной документации, оплаты услуг по строительному контролю, для погашения кредитов, займов, полученных и использованных в целях оплаты указанных услуг и (или) работ, а также для уплаты процентов за пользование такими кредитами, займами, оплаты расходов на получение гарантий и поручительств по таким кредитам, займам; при этом за счет средств фонда капитального ремонта в пределах суммы, сформированной исходя из минимального размера взноса на капитальный ремонт, установленного нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, может осуществляться финансирование только тех работ, которые предусмотрены частью 1 статьи 166 данного Кодекса (ремонт внутридомовых инженерных систем электро-, тепло-, газо-, водоснабжения, водоотведения; ремонт или замена лифтового оборудования, признанного непригодным для эксплуатации, ремонт лифтовых шахт; ремонт крыши, подвальных помещений, относящихся к общему имуществу в многоквартирном доме, его фасада и фундамента), и работ, которые предусмотрены законом субъекта Российской Федерации, а также погашение кредитов, займов, полученных и использованных в целях оплаты данных работ, и уплата процентов за пользование этими кредитами, займами.

Следовательно, в системе действующего правового регулирования взносов на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах представляют собой в формально юридическом смысле обязательные платежи собственников помещений в таких домах, предусмотренные — в силу публичной значимости соответствующих отношений — Жилищным кодексом Российской Федерации в целях финансового обеспечения организации и проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах для поддержания их в состоянии, соответствующем санитарным и техническим требованиям. Тем самым обеспечивается фактически индивидуально возмездный характер данных взносов, в связи с чем их установление Жилищным кодексом Российской Федерации само по себе не может рассматриваться как не согласующееся с предписанием статьи 57 Конституции Российской Федерации.

6. Обязанность уплачивать взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах возлагается частью 1 статьи 169 Жилищного кодекса Российской Федерации на всех собственников помещений в таких домах, за исключением случаев, предусмотренных другими положениями данного Кодекса, согласно которым от уплаты этих взносов освобождаются, в частности, собственники помещений в многоквартирном доме, который в установленном порядке признан аварийным и подлежащим сно-

су либо в отношении которого исполнительным органом государственной власти или органом местного самоуправления принято решение об изъятии для государственных или муниципальных нужд земельного участка, занимаемого данным домом, и об изъятии каждого жилого помещения в этом доме (часть 2 статьи 169); собственники помещений в многоквартирном доме, формирующие фонд капитального ремонта на специальном счете и установившие размер фонда капитального ремонта в отношении своего дома в размере большем, чем определенный для таких домов законом субъекта Российской Федерации минимальный размер фонда капитального ремонта, — в случае принятия ими решения о приостановлении обязанности по уплате взносов на капитальный ремонт в связи с достижением минимального размера фонда капитального ремонта (часть 8 статьи 170).

6.1. Вводя общую обязанность собственников помещений в многоквартирных домах уплачивать взносы на капитальный ремонт общего имущества в таких домах, федеральный законодатель не мог не учитывать положения Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации», определяющего основные принципы и порядок осуществления приватизации государственного и муниципального жилищного фонда социального использования на территории Российской Федерации, статьей 16 которого в отношении домов, требующих капитального ремонта, за бывшими наймодателями — исходя из принципов социального государства и поддержания доверия граждан к действиям публичной власти — была сохранена обязанность производить капитальный ремонт таких домов в соответствии с нормами содержания, эксплуатации и ремонта жилищного фонда.

Будучи дополнительной гарантией права на приватизацию для граждан, занимающих жилые помещения в домах, требующих капитального ремонта, данная статья, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, имеет обеспечительно-гарантийный характер и направлена на защиту имущественных и жилищных прав таких граждан, причем сфера ее действия распространяется на всех без исключения бывших наймодателей подлежащих приватизации жилых помещений, требующих капитального ремонта, безотносительно к тому, в чьей собственности — государственных или муниципальных образований — эти помещения находились прежде (определения от 19 октября 2010 года № 1334-О-О, от 14 июля 2011 года № 886-О-О и от 1 марта 2012 года № 389-О-О).

Изменения, внесенные в правовое регулирование отношений в области организации проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах Федеральным законом от 25 декабря 2012 года № 271-ФЗ, не затронули статью 16 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации», которая не утратила силу и продолжает действовать, т. е. обязывает прежних наймодателей жилых помещений (коиими, как правило, выступали публично-правовые образования) надлежащим образом исполнять вытекающую из данной статьи публичную по своей правовой природе обязанность по проведению капитального ремонта нуждающихся в нем многоквартирных домов. Обязанность же по производству последующих капитальных ремонтов ложится на собственников жилых помещений, в том числе на граждан, приватизировавших жилые помещения.

С учетом приведенной позиции, сформулированной Верховным Судом Российской Федерации на основе системного толкования статьи 16 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации», статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации и статьи 210 ГК Российской Федерации (Обзор законодательства и судебной прак-

тики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2007 года, утвержденный постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 1 августа 2007 года), развивается судебная практика рассмотрения соответствующих дел. В частности, при определении размера возмещения за жилое помещение, изымаемое у собственника в связи с изъятием для государственных или муниципальных нужд земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, суды исходят из того, что если на момент приватизации гражданином жилого помещения этот многоквартирный дом нуждался в капитальном ремонте, а обязанность по его проведению не была исполнена наймодателем, в результате чего произошло снижение уровня надежности здания, то сумма компенсации за непроведенный капитальный ремонт многоквартирного дома подлежит включению в выкупную цену жилого помещения (Обзор судебной практики по делам, связанным с обеспечением жилищных прав граждан в случае признания жилого дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, утвержденный постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2014 года).

6.2. Положение части 1 статьи 169 Жилищного кодекса Российской Федерации, не затрагивая порядок исполнения бывшим наймодателем обязанности по производству капитального ремонта многоквартирных домов, по своему буквальному смыслу, не освобождает собственников приватизированных жилых помещений в многоквартирных домах, в отношении которых у бывшего наймодателя сохраняется указанная обязанность, от уплаты взносов на капитальный ремонт общего имущества в таких домах в целях финансирования проведения последующих капитальных ремонтов.

Это означает, что сам по себе факт непроведения капитального ремонта многоквартирного дома бывшим наймодателем не может являться основанием для уклонения собственников расположенных в нем помещений от уплаты взносов на капитальный ремонт общего имущества в данном доме, что подтверждается и судебной практикой (определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 2014 года № 13-АПГ14-23 и др.). Не освобождает положение части 1 статьи 169 Жилищного кодекса Российской Федерации от уплаты указанных взносов и соответствующие публично-правовые образования, если в их собственности находятся одно или несколько помещений в многоквартирном доме, — они обязаны уплачивать эти взносы на равных основаниях с другими собственниками расположенных в нем помещений и вне зависимости от исполнения ими ранее своей обязанности как наймодателей по проведению капитального ремонта данного дома.

Такой подход согласуется с принципами социальной солидарности и равенства, которые применительно к отношениям, связанным с организацией и проведением капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, предполагают совместное и равное участие всех собственников помещений в этих домах в создании финансовой основы для обеспечения их поддержания в надлежащем санитарном и техническом состоянии и выступают тем самым в качестве необходимого условия устойчивого функционирования региональных систем капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах.

Следовательно, положение части 1 статьи 169 Жилищного кодекса Российской Федерации, устанавливающее в качестве общего правила обязанность собственников помещений в многоквартирных домах уплачивать ежемесячные взносы на капитальный ремонт общего имущества в этих домах (за исключением установленных законом случаев), по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагает совместное и равное участие всех собственников помещений

в таких домах — независимо от даты возникновения права собственности на конкретные помещения, основания его приобретения и формы собственности — в формировании фондов капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах и как таковое не противоречит Конституции Российской Федерации.

Исходя из того что статьей 16 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» за бывшим наймодателем сохранена обязанность по производству капитального ремонта нуждавшихся в нем домов (что само по себе не исключает уплату взносов на проведение дальнейших капитальных ремонтов всеми собственниками расположенных в них помещений), федеральному законодателю надлежит установить механизм исполнения данной обязанности, согласованный с предусмотренным Жилищным кодексом Российской Федерации порядком проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах.

Вместе с тем — имея в виду часть 3 статьи 168 Жилищного кодекса Российской Федерации, предусматривающую первоочередное включение в региональную программу капитального ремонта тех многоквартирных домов, в которых проведение капитального ремонта требовалось на дату приватизации первых жилых помещений в этих домах, при условии, что их капитальный ремонт не проведен на дату утверждения или актуализации соответствующей региональной программы, — предполагается необходимость оказания (по крайней мере, в первые годы реализации региональных программ капитального ремонта, т. е. в условиях первоначального накопления средств фондов капитального ремонта) дополнительной финансовой поддержки в проведении капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, причем независимо от избранного собственниками расположенных в них помещений способа формирования фонда капитального ремонта, во всяком случае при возникновении неотложной потребности в нем, на безвозвратной или возвратной основе за счет средств бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации и (или) муниципального образования, а также за счет межбюджетных трансфертов из федерального бюджета.

7. Согласно статье 170 Жилищного кодекса Российской Федерации уплаченные собственниками помещений в многоквартирном доме взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме наряду с пенями, уплаченными ими в связи с ненадлежащим исполнением обязанности по уплате взносов на капитальный ремонт, а также процентами, начисленными за пользование денежными средствами, находящимися на специальном счете, образуют фонд капитального ремонта (часть 1), который формируется одним из двух способов по выбору собственников помещений в многоквартирном доме — посредством перечисления взносов на капитальный ремонт на специальный счет в целях формирования фонда капитального ремонта в виде денежных средств, находящихся на специальном счете (пункт 1 части 3), либо посредством перечисления взносов на капитальный ремонт на счет регионального оператора в целях формирования фонда капитального ремонта в виде обязательственных прав собственников помещений в многоквартирном доме в отношении регионального оператора (пункт 2 части 3).

Предоставляя собственникам помещений в многоквартирном доме право выбора способа формирования фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме, федеральный законодатель исходил из того, что такой выбор является результатом свободного волеизъявления указанных лиц, которые в силу презумпции знания закона, будучи надлежащим образом информированными о правовых и экономических послед-

ствиях своих действий, самостоятельно принимают соответствующее решение на основе оценки известных им фактических обстоятельств (состояния общего имущества в многоквартирном доме, платежеспособности собственников помещений в этом доме, типа многоквартирного дома и года его постройки, информации о ранее проведенных ремонтных работах и т. п.).

7.1. Собственники помещений в многоквартирном доме, избравшие в качестве способа формирования фонда капитального ремонта аккумулирование соответствующих денежных средств на специальном счете, самостоятельно организуют проведение капитального ремонта общего имущества, принимая на себя все связанные с этим риски.

В таких случаях, как следует из Жилищного кодекса Российской Федерации, решением общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме должны быть определены размер ежемесячного взноса на капитальный ремонт (который не должен быть менее чем минимальный размер взноса на капитальный ремонт, установленный нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации), владелец специального счета (в качестве которого могут выступать осуществляющие управление соответствующим многоквартирным домом товарищество собственников жилья, жилищный кооператив или управляющая организация либо региональный оператор) и кредитная организация, в которой будет открыт специальный счет; если владельцем специального счета определен региональный оператор, выбранная собственниками помещений в многоквартирном доме кредитная организация должна осуществлять деятельность по открытию и ведению специальных счетов на территории соответствующего субъекта Российской Федерации; в случае если собственники помещений в многоквартирном доме не выбрали кредитную организацию, в которой будет открыт специальный счет, или эта кредитная организация не соответствует установленным требованиям, вопрос о выборе кредитной организации, в которой будет открыт специальный счет, считается переданным на усмотрение регионального оператора (часть 4 статьи 170, части 2 и 3 статьи 175).

Данный способ формирования фонда капитального ремонта предполагает передачу собственниками помещений в многоквартирном доме взносов на капитальный ремонт кредитной организации (банку) для зачисления на специальный счет, который предназначен для перечисления средств на проведение капитального ремонта и расходные операции по которому, согласно части 1 статьи 177 Жилищного кодекса Российской Федерации, могут совершаться лишь для оплаты перечисленных в части 1 его статьи 174 услуг и (или) работ, связанных с организацией и проведением капитального ремонта общего имущества в данном многоквартирном доме. При этом собственники помещений в многоквартирном доме вправе осуществлять формирование фонда капитального ремонта только на одном специальном счете, на котором, соответственно, могут аккумулироваться средства фонда капитального ремонта собственников помещений только в одном многоквартирном доме (часть 4 статьи 175 Жилищного кодекса Российской Федерации).

По своей природе находящиеся на специальном счете безналичные денежные средства, предназначенные для капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме, представляют собой обязательственное требование собственников помещений в этом доме к кредитной организации (банку), в которой открыт такой специальный счет (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2014 года № 31-П и др.). Поскольку право распоряжения этими денежными средствами принадлежит исключительно собственникам помещений в многоквартирном доме (часть 1 статьи 36¹ Жилищного кодекса Российской Федера-

ции), они вправе принять решение о проведении капитального ремонта общего имущества в своем многоквартирном доме и до наступления предельного срока его проведения, предусмотренного региональной программой капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, с оплатой соответствующих услуг и (или) работ из средств сформированного ими фонда капитального ремонта в пределах суммы денежных средств, зачисленных на специальный счет в кредитной организации (банке). При этом порядок решения вопросов, связанных с организацией проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме (включая поиск подрядчиков (исполнителей), подготовку технического задания на оказание необходимых услуг и (или) выполнение работ, осуществление контроля за ходом капитального ремонта), также определяется собственниками помещений в этом доме.

Таким образом, положение части 4 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации, определяющее перечень вопросов, решения по которым должны быть приняты общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме, избравших в качестве способа формирования фонда капитального ремонта общего имущества в этом доме аккумулирование соответствующих денежных средств на специальном счете, является элементом правового механизма, обеспечивающего реализацию избранного ими способа участия в финансировании расходов на капитальный ремонт, и, будучи направленным на обеспечение как свободы волеизъявления собственников помещений в многоквартирном доме при выборе способа формирования фонда капитального ремонта на специальном счете, так и достаточности и сохранности средств этого фонда, не может рассматриваться как противоречащее Конституции Российской Федерации.

7.2. Что касается собственников помещений в многоквартирном доме, избравших в качестве способа формирования фонда капитального ремонта аккумулирование соответствующих денежных средств на счете регионального оператора, то Жилищный кодекс Российской Федерации возлагает на них лишь обязанность по уплате взносов на капитальный ремонт на основании платежных документов, представленных региональным оператором, в сроки, установленные для внесения платы за помещение и коммунальные услуги, если иное не установлено законом субъекта Российской Федерации (часть 1 статьи 171), а все функции, связанные с распоряжением этими денежными средствами и обеспечением проведения капитального ремонта общего имущества в данном доме в объеме и в сроки, которые предусмотрены региональной программой капитального ремонта, передает региональному оператору – создаваемому субъектом Российской Федерации в организационно-правовой форме фонда юридическому лицу (части 1 и 2 статьи 178, части 1 и 2 статьи 182), которое, как унитарная некоммерческая организация, обладает специальной правоспособностью, в силу чего не вправе осуществлять деятельность, выходящую за ее пределы.

Как следует из части 1 статьи 180 Жилищного кодекса Российской Федерации, функциями регионального оператора являются аккумулирование взносов на капитальный ремонт, уплачиваемых собственниками помещений в многоквартирных домах, в отношении которых фонды капитального ремонта формируются на счете, счетах регионального оператора; осуществление функций технического заказчика работ по капитальному ремонту общего имущества в таких домах; финансирование расходов на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах, собственники помещений в которых формируют фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, в пределах средств этих фондов с привлечением при необходимости средств, полученных из иных источников, в

том числе из бюджета субъекта Российской Федерации и (или) местного бюджета; взаимодействие с органами государственной власти субъекта Российской Федерации и органами местного самоуправления в целях обеспечения своевременного проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, собственники помещений в которых формируют фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора; иные предусмотренные данным Кодексом, законом субъекта Российской Федерации и учредительными документами регионального оператора функции.

В целях обеспечения оказания услуг и (или) выполнения работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме региональный оператор обязан, в частности, привлечь для оказания услуг и (или) выполнения работ по капитальному ремонту подрядные организации и заключить с ними от своего имени соответствующие договоры; контролировать качество и сроки оказания услуг и (или) выполнения работ подрядными организациями и соответствие таких услуг и (или) работ требованиям проектной документации; осуществить приемку оказанных услуг и (или) выполненных работ; нести ответственность перед собственниками помещений в многоквартирном доме за качество оказанных услуг и (или) выполненных работ в течение не менее пяти лет с момента подписания акта приемки оказанных услуг и (или) выполненных работ, в том числе за несвоевременное и ненадлежащее устранение выявленных нарушений (пункты 3, 4, 5 и 11 части 2 статьи 182 Жилищного кодекса Российской Федерации).

Используемое для выполнения функций регионального оператора в порядке, установленном нормативными правовыми актами Российской Федерации и принимаемыми в соответствии с Жилищным кодексом Российской Федерации законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, имущество формируется, согласно части 1 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации, за счет взносов учредителя – субъекта Российской Федерации, платежей собственников помещений в многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, и других не запрещенных законом источников. Средства, полученные региональным оператором от собственников помещений в многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, должны использоваться, как это вытекает из части 3 той же статьи, только для финансирования расходов на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах, т. е. исключительно в целях, предусмотренных частью 1 статьи 174 данного Кодекса; их использование на иные цели, в том числе на оплату административно-хозяйственных расходов регионального оператора, не допускается; в то же время региональный оператор вправе размещать временно свободные средства фонда капитального ремонта, формируемого на счете регионального оператора, в российских кредитных организациях в порядке и на условиях, которые установлены Правительством Российской Федерации.

Таким образом, деятельность регионального оператора обусловлена возложенными на него публично значимыми функциями по реализации многостадийного процесса осуществления капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, находящихся на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, собственники помещений в которых избрали в качестве способа формирования фонда капитального ремонта перечисление взносов на капитальный ремонт на счет регионального оператора. Данный способ, по смыслу положений Жилищного кодекса Россий-

ской Федерации, в том числе пункта 4 части 1 его статьи 180 и части 1 статьи 182, предполагает наличие у собственников помещений в многоквартирных домах права требовать от регионального оператора проведения капитального ремонта общего имущества в этих домах в объеме и в сроки, предусмотренные региональной программой капитального ремонта, а также финансирования расходов на капитальный ремонт, причем возможность реализации указанного права не зависит от суммы денежных средств, перечисленных в фонд капитального ремонта собственниками помещений в конкретном многоквартирном доме, – в случае их недостаточности исполнение региональным оператором обязанности по финансированию соответствующих услуг и (или) работ осуществляется из средств, полученных за счет платежей собственников помещений в других многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете, счетах того же регионального оператора, с привлечением при необходимости средств, полученных из иных источников, в том числе из бюджета субъекта Российской Федерации и (или) местного бюджета.

7.3. Как следует из статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации, решение об определении способа формирования фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме должно быть принято и реализовано собственниками помещений в этом доме в течение срока, установленного органом государственной власти субъекта Российской Федерации, но не более чем в течение шести месяцев после официального опубликования региональной программы капитального ремонта, в которую включен данный многоквартирный дом (часть 5); в отношении многоквартирных домов, введенных в эксплуатацию после утверждения региональной программы капитального ремонта и включенных в региональную программу капитального ремонта при ее актуализации, решение об определении способа формирования фонда капитального ремонта должно быть принято и реализовано собственниками помещений в таких домах не позднее чем за три месяца до возникновения у них обязанности по уплате взносов на капитальный ремонт – притом что такая обязанность возникает по истечении срока, установленного органом государственной власти субъекта Российской Федерации, но не позднее чем в течение пяти лет с даты включения многоквартирного дома в региональную программу капитального ремонта (часть 5¹).

Тем самым выбор собственниками помещений в многоквартирном доме способа формирования фонда капитального ремонта может быть обусловлен в числе прочего и содержанием региональной программы капитального ремонта, в которую включен этот многоквартирный дом. При этом решение о формировании фонда капитального ремонта на специальном счете реализуется в следующем порядке: собственники помещений в многоквартирном доме должны уведомить потенциального владельца специального счета о принятом ими решении, открыть специальный счет в кредитной организации, а владелец специального счета – направить в орган государственного жилищного надзора уведомление об избранном собственниками способе формирования фонда капитального ремонта, документы, подтверждающие принятие соответствующего решения собственниками и открытие специального счета; если собственники помещений в многоквартирном доме принимают решение о формировании фонда капитального ремонта на специальном счете, открытом на имя регионального оператора, или на счете регионального оператора, то они направляют в адрес регионального оператора копии протокола общего собрания, которым оформлено это решение (часть 5 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации).

7.4. Согласно части 7 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации, в случае если собственники помещений в многоквартирном доме в установленный законом срок не выбрали или не реализовали определенный ими способ формирования фонда капитального ремонта либо в случае если капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, собственники помещений в котором формируют фонд капитального ремонта на специальном счете, не был проведен в срок, предусмотренный региональной программой капитального ремонта, орган местного самоуправления принимает решение о формировании фонда капитального ремонта в отношении данного дома на счете регионального оператора.

По смыслу приведенных законоположений, принятие органом местного самоуправления такого решения возможно лишь при условии, что собственники помещений в многоквартирном доме по тем или иным причинам — как зависящим, так и не зависящим от их воли — не совершают предписанных законом действий, направленных на исполнение возложенной на них обязанности по содержанию общего имущества в многоквартирном доме, а именно не формируют фонд капитального ремонта или, если ими принято решение о формировании фонда капитального ремонта на специальном счете, не обеспечивают оказание услуг и (или) выполнение работ в соответствии с региональной программой капитального ремонта, что со временем приводит к ухудшению состояния самого дома.

В частности, если в установленный законом срок и при наличии всех необходимых для совершения соответствующих действий условий ими не выбран или не реализован избранный способ формирования фонда капитального ремонта, а следовательно, не обеспечено аккумулирование денежных средств на специальном счете либо на счете регионального оператора, этот дом вследствие естественного износа отдельных элементов его строительных конструкций и инженерных систем — при невозможности собственников расположенных в нем помещений выделить средства на проведение работ по его капитальному ремонту — окажется со временем под угрозой повреждения или разрушения, в силу чего его дальнейшая безопасная эксплуатация станет невозможной. В свою очередь, это может повлечь дополнительные, незапланированные расходы бюджета соответствующего уровня на проведение необходимых ремонтно-восстановительных работ или на снос многоквартирного дома (в случае его аварийного состояния, не допускающего восстановления). Тем самым неисполнение собственниками помещений в многоквартирном доме обязанности по выбору и реализации способа формирования фонда капитального ремонта, а значит, и обязанности по содержанию общего имущества в этом доме приводило бы к тому, что негативные последствия такого бездействия в нарушение статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации затрагивали бы интересы других лиц.

Следовательно, принятие органом местного самоуправления решения о формировании фонда капитального ремонта на счете регионального оператора в отношении многоквартирного дома, собственники помещений в котором в установленный законом срок и при наличии всех требуемых для совершения соответствующих действий условий не выбрали или не реализовали определенный ими способ формирования фонда капитального ремонта, представляет собой необходимую меру, направленную на обеспечение сохранности этого дома и его безопасной эксплуатации, что согласуется с предписаниями как статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, так и ее статьи 40 (часть 2).

Вместе с тем в силу части 6 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации именно на орган местного самоуправления возлагается обязанность по своевременному созыву общего собрания собственников помеще-

ний в многоквартирном доме для решения вопроса об определении способа формирования фонда капитального ремонта — притом что оно должно быть проведено не позднее чем за месяц до окончания установленного частями 5 и 5¹ той же статьи срока принятия соответствующего решения. Данная обязанность — исходя из принципа поддержания доверия граждан к закону и с учетом социальной природы Российского государства, а также фактически сложившихся между ним и гражданами в течение десятилетий отношений в жилищной сфере — подразумевает и возложение на орган местного самоуправления обязанности по надлежащему информированию граждан о возможных способах формирования фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах и последствиях выбора одного из них, а также по оказанию помощи собственникам расположенных в них помещений (прежде всего — собственникам жилых помещений) в принятии того или иного решения в должной форме и по разъяснению порядка его реализации. Неисполнение органом местного самоуправления этой обязанности создавало бы препятствия для осуществления собственниками помещений в многоквартирном доме права на определение способа формирования фонда капитального ремонта и тем самым приводило бы к ограничению права собственности указанных лиц, как оно определено статьей 35 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации.

Соответственно, принятие органом местного самоуправления решения о формировании фонда капитального ремонта на счете регионального оператора в отношении многоквартирного дома, собственники помещений в котором в установленный законом срок не выбрали или не реализовали определенный ими способ формирования фонда капитального ремонта, допустимо лишь после того, как им были предприняты все необходимые меры, направленные на проведение общего собрания собственников помещений в данном доме, которое, однако, не было проведено либо в силу каких-либо причин на нем не было принято соответствующее решение, а также если принятое решение в установленный законом срок не было реализовано.

Таким образом, положение части 7 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации о принятии органом местного самоуправления решения о формировании фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме на счете регионального оператора, если собственники помещений в этом доме в установленный законом срок не выбрали или не реализовали определенный ими способ формирования фонда капитального ремонта, не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования оно предполагает принятие органом местного самоуправления такого решения при условии, что им предприняты необходимые меры, направленные на надлежащее информирование граждан о возможных способах формирования фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах и последствиях выбора одного из них, а также на оказание помощи собственникам расположенных в них помещений (прежде всего — собственникам жилых помещений) в принятии того или иного решения в должной форме и по разъяснению порядка его реализации.

8. Согласно статье 173 Жилищного кодекса Российской Федерации способ формирования фонда капитального ремонта может быть изменен в любое время на основании решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме (часть 1); в случае если на проведение капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме предоставлены и не возвращены кредит, заем или имеется подлежащая погашению за счет фонда капитального ремонта задолженность по оплате оказанных услуг и (или) выполненных работ по капитальному ремонту, принятие собствен-

никами помещений в многоквартирном доме решения об изменении способа формирования фонда капитального ремонта в отношении этого многоквартирного дома допускается лишь при условии полного погашения такой задолженности (часть 2); решение об изменении способа формирования фонда капитального ремонта в течение пяти рабочих дней после его принятия направляется владельцу специального счета, на который перечисляются взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, или региональному оператору, на счет которого перечисляются взносы (часть 4); решение о прекращении формирования фонда капитального ремонта на счете регионального оператора и о его формировании на специальном счете вступает в силу через два года после его направления региональному оператору, если меньший срок не установлен законом субъекта Российской Федерации, а перечисление средств фонда капитального ремонта на специальный счет осуществляется в течение пяти дней после вступления указанного решения в силу (часть 5); решение о прекращении формирования фонда капитального ремонта на специальном счете и о его формировании на счете регионального оператора вступает в силу через один месяц после его направления владельцу специального счета, а перечисление средств фонда капитального ремонта на счет регионального оператора осуществляется в течение пяти дней после вступления указанного решения в силу (часть 6).

По данным проведенного Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации мониторинга, предусмотренным частью 5 статьи 173 Жилищного кодекса Российской Федерации правом на установление меньшего, чем два года, срока вступления в силу решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме о прекращении формирования фонда капитального ремонта на счете регионального оператора и о его формировании на специальном счете воспользовались лишь 38 субъектов Российской Федерации (в ряде регионов такой срок составляет два либо шесть месяцев). Соответственно, в остальных субъектах Российской Федерации собственники помещений в многоквартирных домах, принявшие такого рода решение, в течение двух лет не могут воспользоваться перечисленными ими ранее на счет регионального оператора средствами фонда капитального ремонта для финансирования услуг и (или) работ по капитальному ремонту общего имущества в своем многоквартирном доме – притом что в течение этого срока региональный оператор вправе продолжать использовать соответствующие средства для финансирования услуг и (или) работ по капитальному ремонту общего имущества в других многоквартирных домах, собственники помещений в которых формируют фонд капитального ремонта на счете, счетах того же регионального оператора.

Приведенное правовое регулирование учитывает экономические принципы, лежащие в основе централизованной системы аккумулирования накоплений на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах и управления этими накоплениями и обуславливающие постоянную обращаемость денежных средств, находящихся на счете регионального оператора, а также отсутствие в его распоряжении зарезервированных денежных средств. Кроме того, устанавливая правило о сроке вступления в силу решения о прекращении формирования фонда капитального ремонта на счете регионального оператора и о его формировании на специальном счете, федеральный законодатель исходил, в частности, из необходимости соблюдения статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, с тем чтобы собственники помещений в многоквартирном доме, принявшие такое решение после того, как в этом доме уже был проведен капитальный ремонт, т. е. реализовавшие свой собственный интерес в том числе за счет средств, перечисленных собственниками помещений в других многоквар-

тирных домах, формирующими фонд капитального ремонта на счете того же регионального оператора, продолжили в течение установленного срока перечислять взносы на капитальный ремонт на счет регионального оператора, реализуя принцип социальной солидарности, предполагающий поддержание стабильности и предсказуемости функционирования централизованной системы аккумулирования накоплений на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах и управления этими накоплениями.

Вместе с тем предписание части 5 статьи 173 Жилищного кодекса Российской Федерации относительно двухлетнего срока (если меньший срок не установлен законом субъекта Российской Федерации) вступления в силу решения о прекращении формирования фонда капитального ремонта на счете регионального оператора и о его формировании на специальном счете во всяком случае не должно применяться, если изначально решение о формировании фонда капитального ремонта на счете регионального оператора было принято не собственниками помещений в многоквартирном доме, а органом местного самоуправления в порядке, предусмотренном положением части 7 статьи 170 данного Кодекса, без учета конституционно-правового смысла этого положения, выявленного Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, притом что соответствующий факт установлен решением суда и что капитальный ремонт общего имущества в этом доме проведен не был.

9. Жилищный кодекс Российской Федерации не содержит положений, предусматривающих специальные меры, гарантирующие безусловный возврат региональным оператором денежных средств, перечисленных собственниками помещений в многоквартирном доме в качестве взносов на капитальный ремонт, по истечении установленного законом срока вступления в силу решения общего собрания собственников помещений о формировании фонда капитального ремонта на специальном счете. В то же время данным Кодексом определяются общие меры, призванные обеспечивать устойчивость централизованной системы аккумулирования накоплений на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах и управления этими накоплениями, включая сохранность денежных средств, перечисляемых собственниками помещений в таких домах на счета региональных операторов, и предусмотрена возможность установления соответствующих мер нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

В частности, Жилищным кодексом Российской Федерации закрепляются основные требования к обеспечению финансовой устойчивости деятельности региональных операторов (статья 185), определяется порядок осуществления контроля за нею (статья 186) и проведения обязательного аудита региональных операторов (статья 187), а также предусматривается ряд мер, направленных на обеспечение субъектами Российской Федерации деятельности региональных операторов, в том числе посредством формирования имущественной базы регионального оператора при его учреждении в виде взносов учредителя (пункт 1 части 1 статьи 179) и предоставления региональному оператору мер государственной поддержки в виде субсидий на осуществление капитального ремонта (пункт 4 части 1 статьи 180 и часть 1 статьи 182). Как следует из части 3 статьи 179 данного Кодекса во взаимосвязи с пунктом 4.3 Методических рекомендаций, утвержденных приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 28 января 2016 года № 41/пр, субъекты Российской Федерации также возмещают текущие административно-хозяйственные расходы регионального оператора.

Кроме того, Жилищный кодекс Российской Федерации обязывает регионального оператора возместить убытки, причиненные собственникам по-

мещений в многоквартирных домах в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения им своих обязательств (часть 5 статьи 178 и часть 1 статьи 188), возлагает на регионального оператора ответственность за последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по проведению капитального ремонта привлеченными им подрядными организациями (часть 6 статьи 182), предусматривает субсидиарную ответственность субъекта Российской Федерации за неисполнение или ненадлежащее исполнение региональным оператором обязательств перед собственниками помещений в многоквартирных домах (часть 6 статьи 178 и часть 2 статьи 188), а в случае признания регионального оператора банкротом устанавливает запрет на включение денежных средств, полученных им от собственников помещений в многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, в конкурсную массу (часть 6 статьи 179).

Таким образом, приведенные нормативные положения, направленные на обеспечение сохранности денежных средств, перечисленных собственниками помещений в многоквартирном доме на счет регионального оператора в качестве взносов на капитальный ремонт, в случае принятия ими решения о формировании фонда капитального ремонта на специальном счете, призваны гарантировать возврат региональным оператором денежных средств, не использованных им для оплаты оказанных услуг и (или) выполненных работ по капитальному ремонту общего имущества в данном доме, что не исключает — с учетом особого правового статуса регионального оператора и с целью поддержания доверия граждан к закону — совершенствования действующего правового регулирования в этой части, в том числе путем установления в законе механизма компенсации собственникам помещений в многоквартирном доме накопленных ими на счете регионального оператора средств в случае их утраты, а также возврата указанных средств при прекращении деятельности регионального оператора.

10. В основе двух предусмотренных Жилищным кодексом Российской Федерации способов формирования фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах лежат разные экономические принципы, что обуславливает и различный порядок расходования составляющих эти фонды денежных средств.

Так, при перечислении собственниками помещений в многоквартирном доме взносов на капитальный ремонт на специальный счет реализуется принцип самостоятельного накопления и резервирования соответствующих денежных средств на одном счете в кредитной организации (банке) с целью последующего их направления на финансирование работ по капитальному ремонту исключительно данного дома.

При перечислении взносов на капитальный ремонт на счет регионального оператора действует основанная на принципе социальной солидарности централизованная система аккумулирования денежных средств и управления ими в пределах территории субъекта Российской Федерации, призванная обеспечить проведение капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах в соответствии с утвержденной данным субъектом Российской Федерации региональной программой, устанавливающей очередность проведения капитального ремонта исходя из критериев, которые предусмотрены законом субъекта Российской Федерации и могут быть дифференцированы по муниципальным образованиям (часть 3 статьи 168 Жилищного кодекса Российской Федерации).

10.1. Аккумулирование накоплений на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах, собственники помещений в которых формируют фонд капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, и централизованное управление этими накоплениями — учитывая,

что собрать в короткий срок достаточные для проведения капитального ремонта суммы исключительно или преимущественно за счет взносов собственников помещений в таких домах, как правило, не представляется возможным, — позволяют обеспечить необходимое финансирование услуг и (или) работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирных домах в порядке очередности, предусмотренной соответствующей региональной программой.

Исходя из этого часть 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации предусматривает, что денежные средства, полученные от собственников помещений в одних многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, могут быть использованы на возвратной основе для финансирования капитального ремонта общего имущества в других многоквартирных домах, собственники помещений в которых также формируют фонды капитального ремонта на счете, счетах того же регионального оператора; при этом законом субъекта Российской Федерации может быть установлено, что такое использование средств допускается только при условии, если указанные многоквартирные дома расположены на территории определенного муниципального образования или территориях нескольких муниципальных образований.

Тем самым обеспечивается обращаемость средств фонда капитального ремонта, которая носит постоянный характер и составляет экономическую основу централизованной системы аккумулирования накоплений на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах и управления этими накоплениями, что позволяет не только оптимальным образом использовать средства фондов капитального ремонта, формируемых собственниками помещений в многоквартирных домах на счете, счетах регионального оператора, и защитить их от обесценивания вследствие инфляционных процессов, но и, в конечном счете, достичь правомерной цели, вытекающей из конституционного принципа социального государства, — эффективного управления общественными ресурсами в жилищной сфере.

10.2. Часть 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации, по своему буквальному смыслу, не обязывает регионального оператора получать согласие на распоряжение средствами фонда капитального ремонта у собственников помещений в многоквартирных домах, формирующих его на счете, счетах этого регионального оператора, — иное не соответствовало бы экономическим принципам, лежащим в основе функционирования централизованной системы аккумулирования накоплений на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах и управления этими накоплениями. Вместе в том, как следует из ее положений, региональный оператор распоряжается соответствующими средствами на основе принципа возвратности, предполагающего, что собственники помещений в многоквартирном доме, где был проведен капитальный ремонт за счет средств, аккумулированных на счете регионального оператора, не освобождаются от закрепленной частью 1 статьи 169 Жилищного кодекса Российской Федерации обязанности перечислять взносы на капитальный ремонт на счет регионального оператора и после проведения в их доме капитального ремонта и что возмещение региональному оператору средств, израсходованных на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, в сумме, превышающей размер фонда капитального ремонта, осуществляется, согласно части 7 статьи 182 данного Кодекса, за счет последующих взносов на капитальный ремонт, подлежащих уплате собственниками помещений в этом многоквартирном доме.

Подобное правовое регулирование не означает перераспределение между собственниками помещений в разных многоквартирных домах, которые перечисляют взносы на капитальный ремонт на счет, счета одного и того

же регионального оператора, бремени содержания принадлежащего им имущества и не порождает несовместимых с конституционным принципом равенства существенных различий в правовом положении собственников помещений в многоквартирных домах в зависимости от избранного ими способа формирования фонда капитального ремонта.

10.3. Таким образом, часть 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку ее положения, допуская на основе принципа социальной солидарности возможность использования средств, полученных региональным оператором от собственников помещений в одних многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора, без их согласия на возвратной основе для финансирования капитального ремонта общего имущества в других многоквартирных домах, собственники помещений в которых также формируют фонды капитального ремонта на счете, счетах того же регионального оператора, — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — предполагают, что очередность капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах определяется на основе объективных критериев, обеспечивающих первоочередное проведение соответствующих работ в тех многоквартирных домах, проживание в которых в силу износа их конструктивных элементов представляет опасность для жизни или здоровья граждан, а также в иных случаях возникновения неотложной потребности в капитальном ремонте, и может быть оспорена в судебном порядке, равно как может быть обжаловано и неисполнение региональной программы капитального ремонта, установившей эту очередность. Такая возможность вытекает из предписаний статьи 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации и является гарантией соблюдения прав собственников помещений в многоквартирном доме, избравших в качестве способа формирования фонда капитального ремонта аккумуляцию денежных средств на счете, счетах регионального оператора.

Вместе с тем федеральному законодателю надлежит установить правовой механизм функционирования региональных операторов, позволяющий обеспечивать в случае прекращения деятельности конкретного регионального оператора непрерывность исполнения обязательств по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирных домах перед собственниками помещений в этих домах, а также — в целях дальнейшего повышения открытости, прозрачности и эффективности расходования средств фондов капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, формируемых на счетах региональных операторов, — предусмотреть дополнительные меры, направленные на обеспечение информирования собственников помещений в таких домах и организаций, осуществляющих управление ими, о содержании региональной программы капитального ремонта и критериях оценки состояния многоквартирных домов, на основании которых определяется очередность проведения капитального ремонта.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 86 и 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положение части 1 статьи 169 Жилищного кодекса Российской Федерации, закрепляющее общую обязанность собственников помещений в многоквартирных домах уплачивать ежемесячные взносы на капитальный ремонт общего имущества в этих домах (за исключением установленных законом случаев), не противоречащим Конституции Российской Феде-

рации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования оно предполагает совместное и равное участие всех собственников помещений в многоквартирных домах — независимо от даты возникновения права собственности на конкретные помещения, основания его приобретения и формы собственности — в формировании фондов капитального ремонта общего имущества в таких домах, что не исключает необходимость оказания (по крайней мере, в первые годы реализации региональных программ капитального ремонта, т. е. в условиях первоначального накопления средств фондов капитального ремонта) дополнительной финансовой поддержки проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, причем независимо от избранного собственниками расположенных в них помещений способа формирования фонда капитального ремонта, во всяком случае — при возникновении неотложной потребности в нем, на безвозвратной или возвратной основе за счет средств бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации и (или) муниципального образования, а также за счет межбюджетных трансфертов из федерального бюджета.

Исходя из того что статьей 16 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» за бывшим наймодателем сохранена обязанность по производству капитального ремонта нуждавшихся в нем домов (что само по себе не исключает уплаты взносов на капитальный ремонт всеми собственниками расположенных в них помещений), федеральному законодателю надлежит установить механизм исполнения данной обязанности, согласованный с закрепленным в Жилищном кодексе Российской Федерации порядком проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах.

2. Признать положение части 4 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации, определяющее перечень вопросов, решения по которым должны быть приняты общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме, избравших в качестве способа формирования фонда капитального ремонта общего имущества в этом доме аккумуляцию соответствующих денежных средств на специальном счете, не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно является элементом единого правового механизма, обеспечивающего реализацию избранного указанными лицами способа участия в финансировании расходов на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, где расположены принадлежащие им помещения, и одновременно направлено на обеспечение как свободы волеизъявления собственников помещений в многоквартирном доме при выборе способа формирования фонда капитального ремонта на специальном счете, так и достаточности и сохранности средств этого фонда.

3. Признать положение части 7 статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации о принятии органом местного самоуправления решения о формировании фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме на счете регионального оператора, если собственники помещений в этом доме в установленный законом срок не выбрали или не реализовали определенный ими способ формирования фонда капитального ремонта, не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования оно предполагает принятие органом местного самоуправления такого решения при условии, что им предприняты необходимые меры, направленные на надлежащее информирование граждан о возможных способах формирования фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах и последствиях выбора одного из них, а также на оказание помощи собственникам расположенных в них помещений

(прежде всего — собственникам жилых помещений) в принятии того или иного решения в должной форме и по разъяснению порядка его реализации.

В случае принятия собственниками помещений в многоквартирном доме на основании части 1 статьи 173 Жилищного кодекса Российской Федерации решения о прекращении формирования фонда капитального ремонта на счете регионального оператора и о его формировании на специальном счете предписание части 5 той же статьи относительно двухлетнего срока (если меньший срок не установлен законом субъекта Российской Федерации) вступления такого решения в силу не должно применяться, если изначально решение о формировании фонда капитального ремонта на счете регионального оператора было принято не собственниками помещений в многоквартирном доме, а органом местного самоуправления в порядке, предусмотренном положением части 7 статьи 170 данного Кодекса, без учета конституционно-правового смысла этого положения, выявленного Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, притом что соответствующий факт установлен решением суда и что капитальный ремонт общего имущества в этом доме проведен не был.

4. Признать часть 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащиеся в ней положения предполагают, что очередность капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах определяется на основе объективных критериев, обеспечивающих первоочередное проведение соответствующих работ в тех многоквартирных домах, проживание в которых в силу износа их конструктивных элементов представляет опасность для жизни или здоровья граждан, а также в иных случаях возникновения неотложной потребности в капитальном ремонте, и может быть оспорена в судебном порядке, равно как может быть обжалована и неисполнение региональной программы капитального ремонта, установившей такую очередность.

Федеральному законодателю надлежит предусмотреть правовой механизм функционирования региональных операторов, обеспечивающий в случае прекращения деятельности конкретного регионального оператора непрерывность исполнения обязательств по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирных домах перед собственниками помещений в этих домах, а также — в целях дальнейшего повышения открытости, прозрачности и эффективности расходования средств формируемых на счетах региональных операторов фондов капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах — дополнительные меры, направленные на обеспечение информирования собственников помещений в таких домах и организаций, осуществляющих управление ими, о содержании региональной программы капитального ремонта и критериях оценки состояния многоквартирных домов, на основании которых определяется очередность проведения капитального ремонта.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**13 апреля
2016 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 11-П

по делу о проверке конституционности статей 32, 34² и 217 Налогового кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 3 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации (России) и подпункта 5.1.1 Положения о Федеральной налоговой службе в связи с запросом Ленинградского окружного военного суда

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3¹ части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 101, 102 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статей 32, 34² и 217 Налогового кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 3 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации (России) и подпункта 5.1.1 Положения о Федеральной налоговой службе.

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Ленинградского окружного военного суда. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем нормативные положения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика М. И. Клеандрова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно статье 217 Налогового кодекса Российской Федерации от обложения налогом на доходы физических лиц освобождаются государственные пособия, иные выплаты и компенсации, выплачиваемые в соответствии с действующим законодательством, а также все виды установленных действующим законодательством Российской Федерации, законодательными актами субъектов Российской Федерации, решениями представительных органов местного самоуправления компенсационных выплат, связанных с возмещением вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья; бесплатным предоставлением жилых помещений и коммунальных услуг, топлива или соответствующего денежного возмещения; оплатой стоимости и (или) выдачей полагающегося натурального довольствия, а также с выплатой денежных средств взамен этого довольствия; оплатой стоимости

питания, спортивного снаряжения, оборудования, спортивной и парадной формы, получаемых спортсменами и работниками физкультурно-спортивных организаций для тренировочного процесса и участия в спортивных соревнованиях, а также спортивными судьями для участия в спортивных соревнованиях; увольнением работников, с учетом предусмотренных законом исключений (пункты 1 и 3).

В соответствии со статьями 32, 34² Налогового кодекса Российской Федерации, устанавливающими обязанности налоговых органов и полномочия финансовых органов, и подпунктом 5.1.1 Положения о Федеральной налоговой службе (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2004 года № 506) налоговые и финансовые органы, в частности, осуществляют контроль и надзор за соблюдением законодательства о налогах и сборах, а также принятых в соответствии с ним нормативных правовых актов, правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения налогов и сборов (в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, — за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет иных обязательных платежей), дают письменные разъяснения налогоплательщикам, плательщикам сборов и налоговым агентам по вопросам применения законодательства о налогах и сборах; Пенсионный фонд Российской Федерации в силу пунктов 1 и 3 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации (России) (утверждено постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2122-1) осуществляет, помимо прочего, контроль с участием налоговых органов за поступлением и расходованием средств Пенсионного фонда Российской Федерации и ведет разъяснительную работу по вопросам пенсионного обеспечения.

1.1. В производстве Ленинградского окружного военного суда находится дело по заявлению гражданина А. — старшего прапорщика Федеральной службы охраны Российской Федерации об оспаривании действий начальника Центра специальной связи и информации Федеральной службы охраны Российской Федерации в Новгородской области, связанных с удержанием налога на доходы физических лиц с ежемесячной денежной выплаты, производимой А. как ветерану боевых действий.

Решением Великоновгородского гарнизонного военного суда от 9 июля 2015 года требования А. были удовлетворены в полном объеме: действия по удержанию налога на доходы физических лиц с ежемесячной денежной выплаты признаны противоречащими статье 217 Налогового кодекса Российской Федерации, как предполагающей освобождение таких выплат ветеранам боевых действий от обложения налогом на доходы физических лиц. При этом суд, руководствуясь статьей 23¹ Федерального закона от 12 января 1995 года № 5-ФЗ «О ветеранах», статьей 6⁵ Федерального закона от 17 июля 1999 года № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» и полученными им разъяснениями отделения Пенсионного фонда Российской Федерации по Новгородской области, пришел к выводу о компенсационном характере и социальной направленности указанной денежной выплаты.

Должностное лицо Центра специальной связи и информации Федеральной службы охраны Российской Федерации в Новгородской области обжаловало решение суда первой инстанции в апелляционном порядке в Ленинградский окружной военный суд. При подготовке дела к судебному разбирательству председательствующий судья направил запросы, касающиеся обложения ежемесячной денежной выплаты, установленной для ветеранов боевых действий, налогом на доходы физических лиц, в Федеральную налоговую службу и Пенсионный фонд Российской Федерации, чьи ответы

свидетельствовали о том, что данные государственные органы придерживаются противоположных точек зрения.

Придя к выводу о том, что имеется неопределенность в вопросе о соответствии статьям 7, 19 и 55 Конституции Российской Федерации статей 32, 34² и 217 Налогового кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 3 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации (России) и подпункта 5.1.1 Положения о Федеральной налоговой службе, Ленинградский окружной военный суд определением от 15 октября 2015 года приостановил производство по делу и обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с соответствующим запросом в порядке статьи 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации.

1.2. Как следует из статей 74, 101 и 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации по запросам судов проверяет конституционность оспариваемых нормативных положений в порядке конкретного нормоконтроля в той части, в какой они подлежат применению в находящемся в производстве суда деле, и принимает постановление только по предмету, указанному в запросе, оценивая как буквальный смысл проверяемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм; при принятии решения Конституционный Суд Российской Федерации не связан основаниями и доводами, изложенными в запросе.

По мнению Ленинградского окружного военного суда, статья 217 Налогового кодекса Российской Федерации не позволяет однозначно ответить на вопрос о том, подлежит ли освобождению от налогообложения ежемесячная денежная выплата ветеранам боевых действий, что приводит к нарушению равенства граждан и умалению их права на получение носящей компенсаторный характер выплаты в том размере, который определен для них законом, а статьи 32 и 34² данного Кодекса, пункты 1 и 3 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации (России) и подпункт 5.1.1 Положения о Федеральной налоговой службе допускают издание Федеральной налоговой службой и Пенсионным фондом Российской Федерации противоречивых разъяснений по указанному вопросу.

Между тем само по себе наличие противоречий в позициях Федеральной налоговой службы и Пенсионного фонда Российской Федерации по вопросам обложения налогом на доходы физических лиц тех или иных выплат не может рассматриваться как свидетельство неконституционности статей 32 и 34² Налогового кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 3 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации (России) и подпункта 5.1.1 Положения о Федеральной налоговой службе, определяющих их полномочия. Проверка же законности принимаемых ими актов относится к компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов и не входит в полномочия Конституционного Суда Российской Федерации, как они определены статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Следовательно, производство по настоящему делу в указанной части в силу части второй статьи 36, пункта 2 статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» подлежит прекращению.

Соответственно, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является статья 217 Налогового кодекса Российской Федерации в той мере, в какой на ее основании в сис-

теме действующего правового регулирования решается вопрос об освобождении от обложения налогом на доходы физических лиц ежемесячной денежной выплаты, установленной законом для ветеранов боевых действий.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, и закрепляет, что в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (статья 7), каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (статья 39, часть 1).

Реализация целей социальной политики Российской Федерации, как они определены Конституцией Российской Федерации, является одной из основных конституционных обязанностей государства, а потому, осуществляя присущие современному государству функции, в том числе фискальные, оно должно учитывать необходимость достижения указанных целей. В частности, при определении порядка и условий налогообложения доходов населения следует принимать во внимание действующие в Российской Федерации гарантии социальной защиты, включающей, наряду с пенсиями и пособиями, меры социальной поддержки отдельных категорий граждан, нуждающихся в силу состояния здоровья, возраста, особого статуса и других обстоятельств в повышенной социальной защите.

Конституция Российской Федерации не указывает на конкретные способы и объем социальной защиты, предоставляемой тем или иным категориям граждан, — разрешение этих вопросов является прерогативой законодателя, который, реализуя при осуществлении правового регулирования конституционные гарантии в социальной сфере, располагает достаточно широкой свободой усмотрения при определении таких категорий, мер социальной защиты, выборе критериев их дифференциации и регламентации условий предоставления. Однако, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, предусматривая данные меры и определяя их содержание, законодатель должен исходить из недопустимости издания в Российской Федерации законов, отменяющих или умаляющих права граждан (статья 55, часть 2, Конституции Российской Федерации), и основывать свои решения на конституционных принципах равенства и справедливости, из которых вытекает необходимость равного обращения с лицами, находящимися в равных условиях, и соблюдение которых означает, помимо прочего, запрет вводить не имеющие объективного и разумного оправдания различия в правах лиц, находящихся в одинаковых или сходных обстоятельствах (постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 3 июня 2004 года № 11-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 10 ноября 2009 года № 17-П, от 24 октября 2012 года № 23-П и др.).

2.1. В силу предписаний статей 2, 7, 15 (части 1 и 2), 18, 21 (часть 1), 39 (часть 1), 59 (часть 1), 71 (пункты «в», «м») и 72 (пункты «б», «ж» части 1) Конституции Российской Федерации, действуя в рамках предоставленных ему полномочий, законодатель в Федеральном законе «О ветеранах», устанавливающим правовые гарантии социальной защиты ветеранов в Российской Федерации в целях создания условий, обеспечивающих им достойную жизнь, активную деятельность, почет и уважение в обществе (преамбула), с учетом заслуг по защите Отечества, безупречной военной службы, иной государственной службы и продолжительного добросовестного труда выде-

лил категории ветеранов, в частности ветеранов боевых действий (статья 1), а также определил круг лиц, относящихся к данной категории, и предусмотрел для них меры социальной поддержки (статьи 3, 16 и 23¹).

Так, для ветеранов боевых действий – лиц, указанных в подпунктах 1–4 пункта 1 статьи 3, принимавших участие в боевых действиях, статья 16 названного Федерального закона предусматривает предоставление льгот по пенсионному обеспечению в соответствии с законодательством, компенсации расходов на оплату жилых помещений в размере 50 процентов, взноса на капитальный ремонт, а также другие меры социальной поддержки, предоставляемые в натуральной форме.

Кроме того, в связи с реформированием системы социальной защиты, осуществленным в соответствии с Федеральным законом от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”», часть предоставлявшихся ветеранам боевых действий до 1 января 2005 года в натуральной форме льгот была заменена ежемесячной денежной выплатой (подпункт 2 пункта 1 статьи 13 и статья 23¹ Федерального закона «О ветеранах»).

Ежемесячная денежная выплата, согласно статье 23¹ Федерального закона «О ветеранах», устанавливается и выплачивается территориальным органом Пенсионного фонда Российской Федерации в фиксированном размере (подпункт 3 пункта 4, пункт 6) и подлежит индексации в порядке, предусмотренном законодательством (пункт 5); при этом часть суммы ежемесячной денежной выплаты по волеизъявлению получателя может направляться на финансирование предоставления ему социальных услуг в соответствии с Федеральным законом «О государственной социальной помощи», к числу которых отнесены: обеспечение в соответствии со стандартами медицинской помощи необходимыми лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам на лекарственные препараты, медицинскими изделиями по рецептам на медицинские изделия; предоставление при наличии медицинских показаний путевки на санаторно-курортное лечение; бесплатный проезд на пригородном железнодорожном транспорте, а также на междугородном транспорте к месту лечения и обратно (статья 6²).

Ежемесячные денежные выплаты ветеранам, в том числе ветеранам боевых действий, как это следует из федеральных законов о бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации на соответствующий год, осуществляются за счет бюджетных ассигнований, получаемых в форме межбюджетных трансфертов из федерального бюджета.

2.2. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, ежемесячная денежная выплата представляет собой неотъемлемую составляющую социальной поддержки ветеранов и членов их семей; по своей правовой природе она направлена на восполнение потерь для граждан, ранее являвшихся получателями натуральных льгот и гарантий, и, таким образом, на обеспечение гарантирования стабильности их юридического статуса (определения от 27 декабря 2005 года № 502-О и от 13 октября 2009 года № 1125-О-О).

Следовательно, правовое регулирование, определяющее размеры и условия предоставления ветеранам боевых действий ежемесячной денежной выплаты, обеспечивает сохранение для них достигнутого уровня социальной

защиты с учетом их особого статуса и заслуг перед обществом и государством, гарантируя в то же время возможность выбора предоставления социальных услуг в наиболее приемлемой для получателя форме – денежной или натуральной.

По способу финансирования и своему предназначению в системе социальной защиты данная выплата не может рассматриваться как принципиально отличающаяся от иных мер социальной поддержки, предоставляемых ветеранам боевых действий.

3. Согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации законы о налогах, принимаемые в целях обеспечения реализации конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы (статья 57 Конституции Российской Федерации), должны быть конкретными и понятными, неопределенность же норм налогового законодательства может привести к не согласующемуся с принципом правового государства (статья 1, часть 1, Конституции Российской Федерации) произволу государственных органов и должностных лиц в их отношениях с налогоплательщиками и к нарушению равенства граждан перед законом (статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации); акты законодательства о налогах и сборах должны быть сформулированы таким образом, чтобы каждый точно знал, какие налоги и сборы, когда и в каком порядке он должен платить, причем все неустранимые сомнения, противоречия и неясности таких актов толкуются в пользу плательщика налога или сбора (пункты 6 и 7 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации); неопределенность налоговых норм может приводить как к нарушению прав налогоплательщиков, так и к уклонению от исполнения конституционной обязанности по уплате налога (постановления от 8 октября 1997 года № 13-П, от 28 марта 2000 года № 5-П, от 30 января 2001 года № 2-П; определения от 12 июля 2006 года № 266-О, от 2 ноября 2006 года № 444-О, от 15 января 2008 года № 294-О-П и др.).

Названные конституционные критерии правомерного регулирования налогообложения в полной мере распространяются на все структурные элементы налогового обязательства и предполагают определение ясного, понятного, непротиворечивого порядка уплаты налога (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2009 года № 10-П).

3.1. При установлении налога на доходы физических лиц (глава 23 Налогового кодекса Российской Федерации) федеральный законодатель, в том числе с учетом целей социальной политики в Российской Федерации, определил в статье 217 Налогового кодекса Российской Федерации доходы, не подлежащие налогообложению: пункт 1 данной статьи к таким доходам относит государственные пособия (кроме пособия по временной нетрудоспособности, в том числе по уходу за больным ребенком), включая пособия по безработице, беременности и родам, а также иные выплаты и компенсации, выплачиваемые в соответствии с действующим законодательством, а пункт 3 той же статьи отдельно выделяет круг компенсационных выплат, связанных с осуществлением трудовой или служебной деятельности, а также возмещением вреда, причиненного жизни или здоровью работника (государственного служащего).

При определении видов доходов, подлежащих освобождению от обложения налогом на доходы физических лиц, законодатель использовал такие понятия, как «государственные пособия», «выплаты», «компенсации», «компенсационные выплаты», не уточняя, однако, их содержание и отраслевую принадлежность и не учитывая то обстоятельство, что действующее законодательство наряду с термином «государственные пособия» применяет термин «пособия», а термины «выплаты», «компенсации», «компенсационные

выплаты» встречаются в правовых нормах различной отраслевой принадлежности в разном значении.

Кроме того, действующее законодательство не содержит системной классификации выплат и компенсаций, назначаемых лицам, признаваемым государством нуждающимися в силу состояния здоровья, возраста, особого статуса и других обстоятельств в повышенной социальной защите: они могут иметь различное наименование в зависимости от основания назначения – ежемесячная денежная компенсация в возмещение вреда, причиненного здоровью в связи с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы либо с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС; компенсация расходов на оплату жилых помещений и социальных услуг; ежемесячная денежная выплата, которая устанавливается для разных категорий граждан, и др. При этом большинство подобных выплат и компенсаций по своему характеру относятся к мерам социальной поддержки.

Это приводит к неопределенности правового регулирования и неоднозначному пониманию положений статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации при решении вопроса о налогообложении выплат, предоставляемых гражданам за счет бюджетных ассигнований в качестве меры социальной поддержки, к числу которых относится назначаемая ветеранам боевых действий ежемесячная денежная выплата.

3.2. Неопределенность сложившегося правового регулирования подтверждается и практикой правоприменения. Так, материалы дела, находящегося в производстве Ленинградского окружного военного суда, свидетельствуют о том, что Федеральная налоговая служба, ссылаясь на отсутствие в пункте 3 статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации упоминания о данной выплате, в своей правоприменительной практике исходит из необходимости буквального понимания данного законоположения, что влечет необходимость включения данной выплаты в налогооблагаемую базу. Пенсионный фонд Российской Федерации, осуществляющий выплату соответствующих денежных средств как напрямую ветеранам боевых действий (лицам, вышедшим на пенсию), так и через различные организации (например, в случае продолжения ветераном боевых действий военной службы), напротив, возражает против удержания с нее налога на доходы физических лиц, основываясь на правовой природе ежемесячной денежной выплаты.

Кроме того, по сообщению Пенсионного фонда Российской Федерации, налог на доходы физических лиц не удерживается с ежемесячной денежной выплаты, получаемой ветеранами боевых действий в отделениях Пенсионного фонда Российской Федерации по месту их жительства, т. е. в том случае, когда они оставили службу и перешли на пенсию.

Неопределенность в вопросе об отнесении к выплатам, освобождаемым от обложения налогом на доходы физических лиц, ежемесячной денежной выплаты, установленной для ветеранов боевых действий, приводит к тому, что ветераны боевых действий, получающие ежемесячную денежную выплату, ставятся в различное положение в зависимости от того, получают они назначенную выплату в полном объеме в денежной форме или направляют часть ее суммы на финансирование предоставления социальных услуг в соответствии с Федеральным законом «О государственной социальной помощи», а также в зависимости от того, продолжают они военную или государственную службу иного вида или переходят на пенсию. Тем самым устанавливается различный правовой режим налогообложения для одной и той же выплаты в зависимости от формальных, не связанных с ее правовой природой критериев и нарушается принцип равенства лиц, относящихся к одной категории.

4. Таким образом, положения статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2) и 57, в той мере, в какой в силу своей неопределенности они допускают обложение налогом на доходы физических лиц ежемесячной денежной выплаты, установленной для ветеранов боевых действий.

Федеральному законодателю надлежит, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, прежде всего вытекающими из нее требованиями правовой определенности, полноты и эффективности судебной защиты прав человека и основных свобод, а также правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, внести в статью 217 Налогового кодекса Российской Федерации необходимые изменения в соответствии с настоящим Постановлением.

Впредь до внесения соответствующих изменений положения статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации не могут служить основанием для обложения налогом на доходы физических лиц ежемесячной денежной выплаты, установленной для ветеранов боевых действий.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 100 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2) и 57, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они в силу своей неопределенности допускают обложение налогом на доходы физических лиц ежемесячной денежной выплаты, установленной для ветеранов боевых действий.

2. Прекратить производство по делу в части, касающейся проверки конституционности статей 32 и 34² Налогового кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 3 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации (России) и подпункта 5.1.1 Положения о Федеральной налоговой службе.

3. Федеральному законодателю надлежит, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, а также правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, внести в статью 217 Налогового кодекса Российской Федерации необходимые изменения в соответствии с настоящим Постановлением.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

9 февраля
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 214-О

по жалобе гражданина Давыдова
Александра Александровича
на нарушение его конституционных прав
частью 4 статьи 29.6 Кодекса
Российской Федерации об
административных правонарушениях

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи С. Д. Князева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина А. А. Давыдова,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин А. А. Давыдов оспаривает конституционность части 4 статьи 29.6 КоАП Российской Федерации, согласно которой дело об административном правонарушении, совершение которого влечет административный арест либо административное выдворение, рассматривается в день получения протокола об административном правонарушении и других материалов дела, а в отношении лица, подвергнутого административному задержанию, — не позднее 48 часов с момента его задержания.

Как следует из представленных материалов, 19 апреля 2015 года за невыполнение законного требования сотрудника полиции в отношении А. А. Давыдова было применено административное задержание и составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 19.3 КоАП Российской Федерации; 20 апреля 2015 года постановлением судьи Комсомольского районного суда города Тольятти Самарской области ему было назначено наказание в виде административного ареста на срок трое суток. При этом судья отказал А. А. Давыдову в удовлетворении заявленных на стадии рассмотрения дела ходатайств об отложении судебного заседания для заключения соглашения с защитником и вызова в суд свидетелей, указанных в протоколе об административном правонарушении.

Определение судьи об отказе в удовлетворении ходатайств было мотивировано тем, что в соответствии с частью 4 статьи 29.6 КоАП Российской Федерации рассмотрение дела должно быть завершено не позднее 48 часов с момента административного задержания А. А. Давыдова; после составления протокола об административном правонарушении он, имея при себе сотовый телефон, не был лишен возможности своевременно привлечь к участию в деле защитника; приложенных к протоколу об административном правонарушении материалов достаточно для рассмотрения дела без допроса свидетелей в судебном заседании. Впоследствии с этим согласились и вы-

шестоящие судебные инстанции (решение Самарского областного суда от 27 апреля 2015 года и постановление заместителя председателя Самарского областного суда от 7 августа 2015 года).

По мнению заявителя, оспариваемое законоположение по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, не соответствует статьям 17 (часть 1) и 48 Конституции Российской Федерации, поскольку позволяет отказать лицу, привлекаемому к административной ответственности, в получении квалифицированной юридической помощи адвоката (защитника), а также препятствует вызову в суд свидетелей, которые могли бы подтвердить его невиновность в совершении административного правонарушения.

2. Конституция Российской Федерации, возлагая на государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина и гарантируя государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина (статья 2; статья 45, часть 1; статья 46, часть 1), закрепляет право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, оказываемой бесплатно в случаях, предусмотренных законом (статья 48, часть 1), и одновременно устанавливает, что каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (статья 48, часть 2). Данные права являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, признаются и гарантируются в Российской Федерации как правовом государстве согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (статья 1, часть 1; статья 17, часть 1; статья 18 Конституции Российской Федерации). Во взаимосвязи с иными правами и свободами человека и гражданина, в частности теми, что сопряжены с защитой каждым своих прав и свобод всеми не запрещенными законом способами (статья 45, часть 2, Конституции Российской Федерации) и разбирательством дела судом на основе состязательности и равноправия (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации), они выступают в качестве одного из необходимых условий справедливого правосудия (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 14-П).

Конституционное содержание права на защиту от уголовного преследования согласуется с являющимися в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой системы Международным пактом о гражданских и политических (пункт 3 статьи 14) и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (пункт 3 статьи 6), которые исходят из того, что справедливое судебное разбирательство с обязательностью предполагает наличие у каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления права быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения; иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты; защищать себя лично или через посредство избранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия; допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь возможность того, чтобы эти свидетели были допрошены; иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него.

Несмотря на то, что Конституция Российской Федерации и корреспондирующие ей международные договоры Российской Федерации текстуаль-

но связывают защиту от предъявленного обвинения, включая право на пользование юридической помощью адвоката (защитника), с уголовным преследованием, Конституционный Суд Российской Федерации уже не раз отмечал, что значение конституционного права на квалифицированную юридическую помощь не может игнорироваться и при производстве по делам об административных правонарушениях, тем более в случаях, когда привлечение лица к административной ответственности сопряжено с такой степенью реального вторжения в права и свободы человека и гражданина, которая по своему характеру и последствиям сопоставима с мерами уголовно-правового воздействия; это обязывает федерального законодателя, реализуя свои нормотворческие полномочия, заботиться о том, чтобы уровень обеспечения права на получение помощи защитника (адвоката) по делам об административных правонарушениях соответствовал требованиям справедливого судебного разбирательства (определения от 24 декабря 2012 года № 2392-О, от 16 июля 2013 года № 1180-О, от 5 февраля 2015 года № 236-О, от 2 июля 2015 года № 1536-О и др.).

Аналогичных взглядов относительно сферы действия гарантированного статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод права на защиту от предъявленного обвинения в совершении уголовного преступления, в том числе с помощью выбранного самим обвиняемым защитника, придерживается и Европейский Суд по правам человека, последовательно воспроизводящий в своей прецедентной практике подходы, согласно которым квалификация в российском законодательстве того или иного деяния в качестве административного правонарушения вовсе не означает, что при привлечении к ответственности за него неприменимы положения статьи 6 Конвенции; об уголовной природе правонарушений могут свидетельствовать суть противоправных действий (бездействия), степень суровости предусмотренного за их совершение наказания, отнесение рассмотрения дела об административном правонарушении к компетенции судьи, административное задержание (лишение свободы) привлекаемого к ответственности лица (постановления от 9 марта 2006 года по делу «Менешева против Российской Федерации», от 10 февраля 2009 года по делу «Сергей Золотухин против Российской Федерации», от 3 октября 2013 года по делу «Каспаров и другие против Российской Федерации», от 19 ноября 2015 года по делу «Михайлова против России» и др.).

Из упомянутых конституционных и международно-правовых норм в совокупности с интерпретирующими их решениями Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека следует, что законодательное регулирование производства по делам об административных правонарушениях, в особенности отнесенным к подведомственности судей (судов), должно отвечать требованиям справедливого судебного (юрисдикционного) разбирательства, гарантировать каждому привлекаемому к административной ответственности лицу право на защиту и получение квалифицированной юридической помощи на условиях и в порядке, исключающих искажение их существа и предназначения, и избегать установления таких процедурных правил, которые были бы несовместимы с конституционно допустимыми целями и пределами ограничения прав и свобод человека и гражданина.

3. В соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, вправе знакомиться со всеми материалами дела, давать объяснения, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, пользоваться юридической помощью защитника, а также иными процессуальными правами, предусмотренными дан-

ным Кодексом (часть 1 статьи 25.1); для оказания юридической помощи лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в таком производстве может участвовать защитник (часть 1 статьи 25.5); в качестве защитника к участию в производстве по делу об административном правонарушении допускается адвокат или иное лицо (часть 2 статьи 25.5); защитник допускается к участию в производстве по делу об административном правонарушении с момента возбуждения дела об административном правонарушении (часть 4 статьи 25.5); защитник, допущенный к участию в производстве по делу об административном правонарушении, вправе знакомиться со всеми материалами дела, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, участвовать в рассмотрении дела, обжаловать применение мер обеспечения производства по делу, постановление по делу, пользоваться иными процессуальными правами в соответствии с данным Кодексом (часть 5 статьи 25.5).

Закрепляя процессуальные права лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях наряду с этим возлагает на органы и должностные лица, осуществляющие административно-деликтное производство, обязанности по их разъяснению привлекаемому к административной ответственности лицу при применении к нему административного задержания (часть 5 статьи 27.3), составлении протокола осмотра места совершения административного правонарушения (часть 7 статьи 28.1¹), вынесении определения о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования (часть 3 статьи 28.7), составлении протокола об административном правонарушении (часть 3 статьи 28.2), рассмотрении дела об административном правонарушении (пункт 5 части 1 статьи 29.7), а также обжаловании постановления по делу об административном правонарушении (пункт 5 части 2 статьи 30.6).

Принимая во внимание положения части 1 статьи 1.6 КоАП Российской Федерации, согласно которой лицо, привлекаемое к административной ответственности, не может быть подвергнуто административному наказанию и мерам обеспечения производства по делу об административном правонарушении иначе как на основаниях и в порядке, установленном законом, приведенное правовое регулирование означает, что любому лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, должны быть – независимо от совершенного административного правонарушения и предусмотренного за него административного наказания – разъяснены процессуальные права, предоставленные ему как участнику производства по делу об административном правонарушении, и без каких-либо необоснованных ограничений обеспечена действительная возможность пользоваться ими, в том числе прибегая к юридической помощи защитника (адвоката) с момента возбуждения дела об административном правонарушении (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2012 года № 2392-О, от 16 июля 2013 года 1180-О и др.).

3.1. Оспариваемое в жалобе А. А. Давыдова положение части 4 статьи 29.6 КоАП Российской Федерации устанавливает – в целях ускорения производства и обеспечения оперативности судебной защиты прав и свобод соответствующей категории физических лиц – специальные (укороченные) сроки рассмотрения дел об административных правонарушениях, совершение которых влечет административный арест либо административное выдворение, и направлено на достижение процессуальной экономии и согласованности временных границ судебного разбирательства дел об административных правонарушениях, связанных с возможностью применения к привлекаемому

мым к административной ответственности лицам административного ареста, со сроками административного задержания за такие административные правонарушения (часть 3 статьи 27.5) и необходимостью обязательного присутствия указанных лиц при рассмотрении дела (часть 3 статьи 25.1). Как следствие, не затрагивая вопросов, непосредственно касающихся правового статуса лица, привлекаемого к административной ответственности, такое правовое регулирование — в случае возникновения в правоприменительной деятельности коллизий, вызванных рассогласованием закрепленных в нем правил с гарантиями процессуальных прав такого лица, предусмотренными иными статьями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, — не может служить единственной причиной отказа в предоставлении ему доступа к юридической помощи защитника (адвоката), поскольку, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, цели одной лишь рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения конституционных прав и свобод (постановления от 20 декабря 1995 года № 17-П, от 18 февраля 2000 года № 3-П, от 26 декабря 2005 года № 14-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 20 июля 2012 года № 20-П, от 16 апреля 2015 года № 8-П и др.).

В силу этого при оценке оспариваемого законоположения нельзя не учитывать, что разумное, не приводящее к дисбалансу частных и публичных интересов отступление от предусмотренных им сроков, если оно продиктовано необходимостью обеспечения доступа лица, привлекаемого к административной ответственности, к помощи защитника (адвоката), согласуется с объявленными в статье 24.1 КоАП Российской Федерации задачами производства по делам об административных правонарушениях и не расходится с конституционным принципом неотвратимости ответственности, так как в силу части 1 статьи 4.5 данного Кодекса не исключает возможности разрешения вопроса об административном наказании нарушителя до истечения установленных сроков давности привлечения к административной ответственности.

Соответственно, соблюдение установленных частью 4 статьи 29.6 КоАП Российской Федерации сроков рассмотрения дел об административных правонарушениях, за совершение которых предусмотрено применение административного ареста или административного выдворения, не должно приводить к ограничению права лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, пользоваться помощью защитника (адвоката), а потому судья (орган, должностное лицо), рассматривающие дело об административном правонарушении, не вправе ссылаться на них как на безусловное обстоятельство, препятствующее реализации этого права.

Иное не только лишало бы правового значения законодательное наделение лица, в отношении которого осуществляется производство по делу об административном правонарушении, правом на доступ к помощи защитника (адвоката) на любой стадии административно-деликтного производства с момента возбуждения дела об административном правонарушении, но и вступало бы в противоречие с конституционными требованиями обоснованности, соразмерности и справедливости ограничений прав и свобод человека и гражданина, которые, по смыслу правовой позиции, высказанной Конституционным Судом Российской Федерации в ряде решений, сохраняющих свою силу, обращены, как это вытекает из статей 18, 19 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, ко всем государственным органам — законодательным, исполнительным и судебным (Постановление от 14 февраля 2013 года № 4-П; определения от 2 апреля 2009 года

№ 484-О-П, от 5 марта 2013 года № 323-О, от 2 июля 2013 года № 1053-О и др.).

3.2. Что касается права лица, привлекаемого к административной ответственности, на вызов в судебное заседание свидетелей, способных подтвердить его невиновность в совершении административного правонарушения, то из системного анализа положений статьи 24.4, части 1 статьи 25.1, частей 1 и 2 статьи 25.6 и части 1 статьи 29.7 КоАП Российской Федерации следует, что оно может быть реализовано путем заявления соответствующего ходатайства, которое подлежит незамедлительному рассмотрению судьей, органом, должностным лицом, в чьем производстве находится дело об административном правонарушении, что, однако, не предполагает обязательного удовлетворения каждого заявленного ходатайства (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 16 февраля 2012 года № 271-О, от 23 апреля 2013 года № 577-О, от 2 июля 2015 года № 1536-О и др.).

Вместе с тем решение судьи (органа, должностного лица) об отказе в удовлетворении ходатайства о вызове свидетелей не может иметь сугубо формального обоснования; такой отказ должен быть мотивированным и оформленным в виде отдельного определения, правомерность которого в случае обжалования постановления по делу об административном правонарушении подлежит проверке вышестоящими судебными инстанциями в установленном Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях порядке (часть 3 статьи 30.6 и часть 2 статьи 30.16).

4. Таким образом, в системе действующего правового регулирования положение части 4 статьи 29.6 КоАП Российской Федерации, в соответствии с которым дело об административном правонарушении, влекущем возможность применения административного ареста либо административного выдворения, рассматривается в отношении лица, подвергнутого административному задержанию, в течение 48 часов с момента его задержания, не препятствует лицу, привлекаемому к административной ответственности, пользоваться помощью защитника (адвоката) и ходатайствовать о вызове в судебное заседание свидетелей, способных подтвердить его невиновность в совершении административного правонарушения, и тем самым, вопреки содержащемуся в жалобе заявителя утверждению, само по себе не нарушает гарантированные статьями 17 (часть 1) и 48 Конституции Российской Федерации права и свободы в обозначенном им аспекте.

Проверка же законности и обоснованности состоявшихся по делу А. А. Давыдова судебных решений, в том числе в части правильности выбора подлежащих применению норм, равно как и восстановление нарушенных прав заявителя к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации, как они определены статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относятся и должны осуществляться судами общей юрисдикции в установленном законом порядке.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

определил:

1. Признать жалобу гражданина Давыдова Александра Александровича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного им вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Феде-

рации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

10 февраля
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 215-О

по запросу Московского областного суда о проверке конституционности пункта 2 части третьей статьи 30 и статьи 389²⁰ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Н. В. Мельникова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса Московского областного суда,

у с т а н о в и л :

1. Пункт 2 части третьей статьи 30 УПК Российской Федерации предусматривает, что рассмотрение уголовного дела в апелляционном порядке в суде, вышестоящем по отношению к районному суду, осуществляется судом в составе трех судей, за исключением уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести, а также уголовных дел с апелляционными жалобой, представлением на промежуточные решения районного суда, гарнизонного военного суда, которые рассматриваются судьей верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда единолично. Согласно статье 389²⁰ данного Кодекса в результате рассмотрения уголовного дела в апелляционном порядке суд принимает одно из следующих решений: об оставлении приговора, определения, постановления без изменения, а жалобы или представления без удовлетворения;

об отмене обвинительного приговора и о вынесении оправдательного приговора; об отмене обвинительного приговора и о вынесении обвинительного приговора; об отмене приговора, определения, постановления суда первой инстанции и о передаче уголовного дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции со стадии подготовки к судебному заседанию или судебного разбирательства; об отмене оправдательного приговора и о вынесении оправдательного приговора; об отмене определения или постановления и о вынесении оправдательного приговора либо иного судебного решения; об отмене приговора, определения, постановления и о возвращении дела прокурору; об отмене приговора, определения, постановления и о прекращении уголовного дела; об изменении приговора или иного обжалуемого судебного решения; о прекращении апелляционного производства (часть первая); в случаях, предусмотренных пунктами 1, 4 и 7–10 части первой этой статьи, суд апелляционной инстанции выносит апелляционные определение или постановление, в случаях, предусмотренных ее пунктами 2, 3 и 5, — постановляет приговор, а в случаях, предусмотренных ее пунктом 6, — постановляет приговор либо выносит апелляционные определение или постановление (часть вторая); при выявлении обстоятельств, указанных в части первой и пункте 1 части первой² статьи 237 данного Кодекса, суд апелляционной инстанции выносит апелляционные определение или постановление в соответствии с пунктом 7 части первой его статьи 389²⁰ (часть третья).

Вопрос о конституционности приведенных законоположений поставлен в запросе Московского областного суда, в производстве которого находится уголовное дело по апелляционной жалобе представителя потерпевших на приговор Талдомского районного суда Московской области от 2 сентября 2015 года, которым гражданин Д. осужден за совершение преступления, предусмотренного частью первой статьи 109 УК Российской Федерации (причинение смерти по неосторожности).

Как следует из приговора, Д. обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных пунктом «е» части второй статьи 105 (убийство, совершенное общеопасным способом), частью третьей статьи 30 и пунктами «а», «е» части второй статьи 105 (покушение на убийство двух лиц, совершенное общеопасным способом) УК Российской Федерации. В ходе судебных прений государственный обвинитель просил квалифицировать действия подсудимого по части первой статьи 105 (убийство без отягчающих обстоятельств), части третьей статьи 30 и части второй статьи 105 УК Российской Федерации. Суд первой инстанции, оценив исследованные доказательства, квалифицировал действия виновного как причинение смерти по неосторожности и оправдал его в совершении покушения на убийство двух лиц общеопасным способом в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

Московский областной суд, рассматривая уголовное дело в апелляционном порядке, пришел к выводу о невозможности вынесения итогового решения, поскольку полагает, что оспариваемыми нормами уголовно-процессуального законодательства в нарушение требований статей 46 (часть 1) и 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации не урегулирован вопрос о составе суда апелляционной инстанции для случаев, когда судом первой инстанции содеянное подсудимым оценено как менее тяжкое преступление по сравнению с ранее предъявленным ему обвинением в совершении особо тяжкого преступления. 12 ноября 2015 года производств по уголовному делу было приостановлено в связи с обращением в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности пункта 2 части третьей статьи 30 и статьи 389²⁰ УПК Российской Федерации.

2. Конституция Российской Федерации, закрепляя право каждого на судебную защиту его прав и свобод (статья 46, часть 1), исходит из того, что

судебная защита является важнейшим институтом гарантирования прав, свобод и законных интересов личности и одновременно содержательной характеристикой конституционного правопорядка, основанного на верховенстве права. В соответствии с этим развивающие и детализирующие общий принцип универсальной судебной защиты конституционные требования, определяющие взаимоотношения личности и государства в судебно-юрисдикционных процедурах, приобретают самостоятельное значение как условия реальности и эффективности судебных гарантий, обеспечиваемых на началах равенства и справедливости, что относится и к содержащемуся в статье 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации предписанию, в силу которого никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 ноября 2015 года № 2664-О). Положение статьи 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации воспроизведено в части третьей статьи 8 УПК Российской Федерации с уточнением, что применительно к уголовным делам такое право предоставляется подсудимому.

Необходимость обеспечения каждому права на рассмотрение его дела законно установленным, а не произвольно выбранным судом вытекает также из статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, устанавливающих, что каждый при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, имеет право на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, право на судебную защиту предполагает, что рассмотрение дела должно осуществляться судом, чья компетенция по рассмотрению данного дела определяется исходя из закрепленных в законе критериев, которые в нормативной форме (в виде общего правила) заранее, т. е. до возникновения правового конфликта, предопределяют, в каком суде будет рассмотрено то или иное дело, что позволяет суду, сторонам и другим участникам процесса избежать правовой неопределенности в этом вопросе, которую в противном случае приходилось бы устранять посредством решения, основанного на дискреции правоприменительного органа или должностного лица (постановления от 16 марта 1998 года № 9-П, от 2 февраля 1999 года № 3-П, от 25 февраля 2004 года № 4-П, от 6 апреля 2006 года № 3-П, от 21 января 2010 года № 1-П, от 21 апреля 2010 года № 10-П, от 9 июня 2011 года № 12-П, от 20 июля 2012 года № 20-П и др.).

3. Согласно части первой статьи 389¹³ УПК Российской Федерации производство по уголовному делу в суде апелляционной инстанции осуществляется в порядке, установленном главами 35–39 данного Кодекса, с некоторыми изъятиями, предусмотренными его главой 45¹, которые не исключают исследования доказательств, в том числе новых, а также вынесения судом второй инстанции нового итогового решения – приговора (как обвинительного, так и оправдательного), определения или постановления о прекращении уголовного дела.

Суд второй инстанции, как и суд первой инстанции, наделен правом завершить разбирательство уголовного дела, приняв окончательное решение по основному предмету спора сторон – о доказанности события преступления и виновности лица в его совершении. Обоснованность оспоренного сторонами вывода суда первой инстанции о правильности или неправильности установления фактических обстоятельств и их квалификации в

соответствии с уголовным законом может быть проверена в суде апелляционной инстанции лишь в результате исследования доказательств как путем проверки уже исследованных судом первой инстанции, так и посредством оценки новых доказательств, в результате чего суд апелляционной инстанции принимает одно из решений, предусмотренных частью первой статьи 389²⁰ УПК Российской Федерации.

Пункт 2 части третьей статьи 30 УПК Российской Федерации, в отличие от ранее действовавшего (до вступления в силу Федерального закона от 23 июля 2013 года № 217-ФЗ) правового регулирования, предполагавшего только коллегиальное апелляционное рассмотрение уголовных дел вышестоящим по отношению к районному судом, в настоящее время допускает единоличное рассмотрение таким судом в апелляционном порядке уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести. Данная норма не связывает вопрос о составе суда ни с видом приговора (который может быть как обвинительным, так и оправдательным, т. е. вообще исключающим оценку деяния как преступления безотносительно к его тяжести), ни с квалификацией в приговоре содеянного как преступления той или иной тяжести. Критерием для определения состава суда служит квалификация, которая была дана органом предварительного расследования при направлении уголовного дела в суд, поскольку апелляционному рассмотрению подлежит уголовное дело в целом, а не только окончательное решение суда первой инстанции.

Кроме того, в случае полного или частичного оправдания лица суд указывает, в совершении какого именно преступления оно признано невиновным. В частности, при оправдании подсудимого по обвинению в особо тяжком преступлении поступившее в вышестоящий суд дело остается делом об особо тяжком преступлении. Иное означало бы неравноценность обвинительных и оправдательных приговоров, что противоречит назначению уголовного судопроизводства, которому в равной мере отвечают уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания, с одной стороны, и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, – с другой (часть вторая статьи 6 УПК Российской Федерации).

Соответственно, состав суда апелляционной инстанции – коллегия из трех судей или судья единолично – предопределяется тяжестью преступления, обвинение в котором было предъявлено лицу органом предварительного расследования.

Аналогичной позиции придерживается и Верховный Суд Российской Федерации, разъяснивший судам, что с учетом положений пункта 2 части третьей статьи 30 УПК Российской Федерации состав суда апелляционной инстанции определяется исходя из той категории преступления, по обвинению лица в котором уголовное дело поступило в суд первой инстанции, в том числе когда судом первой инстанции действия лица были переквалифицированы с особо тяжкого или тяжкого преступления на преступление небольшой или средней тяжести либо на основании части шестой статьи 15 УК Российской Федерации изменена категория преступления (пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 года № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» в редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2015 года № 54).

Таким образом, исходя из действующего уголовно-процессуального регулирования предполагается коллегиальное рассмотрение судом апелляционной инстанции жалобы на приговор районного суда в отношении лица,

которому органом предварительного расследования инкриминировалось совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а значит, пункт 2 части третьей статьи 30 и статья 389²⁰ УПК Российской Федерации не содержат неопределенности в вопросе о составе суда апелляционной инстанции, в который поступила жалоба о проверке законности и обоснованности изменения судом первой инстанции оценки действий подсудимого и их квалификации как менее тяжкого преступления по сравнению с ранее предъявленным обвинением. Следовательно, отсутствуют основания полагать, что данные нормы не соответствуют статьям 46 (часть 1) и 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации, а запрос Московского областного суда, как не отвечающий критерию допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, не может быть принят Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать запрос Московского областного суда не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

10 февраля
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 216-О

по жалобе регионального отделения политической партии «Республиканская партия России – Партия народной свободы» в Новосибирской области на нарушение конституционных прав и свобод подпунктом «в» пункта 6⁴ статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю. Д. Рудкина, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы регионального отделения политической партии «Республиканская партия России – Партия народной свободы» в Новосибирской области,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации региональное отделение политической партии «Республиканская партия России – Партия народной свободы» в Новосибирской области оспаривает конституционность подпункта «в» пункта 6⁴ статьи 38 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», согласно которому недействительными признаются подписи избирателей, участников референдума, указавших в подписном листе сведения, не соответствующие действительности; в этом случае подпись признается недействительной только при наличии официальной справки органа, осуществляющего регистрацию граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, либо на основании заключения эксперта, привлеченного к проверке в соответствии с пунктом 3 данной статьи.

Как следует из представленных материалов, постановлением избирательной комиссии Новосибирской области от 27 июля 2015 года региональному отделению политической партии «Республиканская партия России – Партия народной свободы» в Новосибирской области было отказано в регистрации его областного списка кандидатов в депутаты на выборах в Законодательное Собрание Новосибирской области ввиду признания недостоверными (недействительными) 1342 из 11682 представленных им подписей избирателей.

Решением Новосибирского областного суда от 24 августа 2015 года, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления регионального отделения политической партии «Республиканская партия России – Партия народной свободы» в Новосибирской области о признании решения указанного избирательного органа незаконным также было отказано. Суд установил, что недостоверность (недействительность) проверяемых подписей избирательным органом определялась по различным основаниям, предусмотренным положениями статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», в том числе исходя из того, что сведения в подписном листе расходятся со сведениями, представленными в официальной справке уполномоченного государственного органа. При этом суд указал, что наличие технических ошибок не влечет за собой вывод о недостоверности сведений, содержащихся в данных справках.

По мнению заявителя, оспариваемые законоположения не позволяют избирательному объединению оспаривать достоверность сведений, содержащихся в официальной справке уполномоченного государственного органа, представлять доступные ему доказательства в подтверждение своих доводов и устанавливает тем самым для избирательного объединения ограничения на выдвижение списка кандидатов в депутаты, что противоречит статьям 19 (часть 2), 32 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

2. Согласно статье 32 (часть 2) Конституции Российской Федерации граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, по смыслу статей 17 (часть 1), 32 (части 1 и 2), 45 и 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации и корреспондирующих им положений Всеобщей декларации прав человека (статья 8), Международного пакта о гражданских и политических правах (пункт 2 и подпункт «а» пункта 3 статьи 2) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 1 статьи 6), государство обязано обеспечить в отношении избирательных прав граждан осуществление права на судебную защиту, которая должна быть справедливой, компетентной и эффективной; из этого исходит и Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств, согласно которой в случае нарушения провозглашенных в данной Конвенции стандартов демократических выборов, избирательных прав и свобод граждан, а также законов о выборах лица или лица, чьи права были нарушены, должны иметь право и возможность обжалования и восстановления нарушенных прав в судах, а в случаях и порядке, установленных законами, – также в избирательных органах (пункт 1 статьи 16) (Постановление от 22 апреля 2013 года № 8-П).

2.1. В силу подпункта «в» пункта 6⁴ статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» проверке подлежат указываемые избирателями в подписных листах сведения, к которым, согласно пункту 11 его статьи 37, относятся фамилия, имя, отчество, год рождения (в возрасте 18 лет на день голосования – дополнительно число и месяц рождения), адрес места жительства, серия, номер паспорта или документа, заменяющего паспорт гражданина. Данные сведения образуют предмет проверки подписей избирателей по основанию, предусмотренному оспариваемым законоположением. Согласно пункту 6¹ статьи 38 по результатам проверки подписей избирателей и соответствующих им сведений об избирателях, содержащихся в

подписных листах, подпись избирателя может быть признана достоверной либо недостоверной (недействительной).

Для установления достоверности содержащихся в подписных листах сведений об избирателях на выборах в федеральный орган государственной власти, орган государственной власти субъекта Российской Федерации, главы и депутатов представительного органа городского округа, не имеющего территориального деления, муниципального района, внутригородской территории города федерального значения используется ГАС «Выборы», включая регистр избирателей; для установления достоверности содержащихся в подписных листах сведений об избирателях на иных выборах по решению избирательной комиссии субъекта Российской Федерации ГАС «Выборы», включая регистр избирателей, также может быть использована (пункт 3¹ статьи 38 данного Федерального закона). Кроме того, согласно подпункту «в» пункта 6⁴ статьи 38 названного Федерального закона недействительность содержащихся в подписных листах сведений об избирателях (а значит, и недействительность подписей избирателей) устанавливается при наличии официальной справки государственного органа.

Таким образом, правовое регулирование, предусматривающее, что признание подписи избирателя недействительной возможно при наличии официальной справки уполномоченного государственного органа и что при проверке подписей избирателей для установления достоверности содержащихся в подписных листах сведений об избирателях используется ГАС «Выборы», включая регистр избирателей, устанавливает дополнительные гарантии защиты избирательных прав от произвольных решений по вопросу о действительности (недействительности) сведений об избирателях.

Вместе с тем положенная в основу данного правового регулирования проверки подписных листов презумпция достоверности сведений, содержащихся в официальных справках компетентных государственных органов, не означает, что такие сведения во всех случаях соответствуют действительности, а потому не исключает возможности их оспаривания.

2.2. Положениями пункта 7 статьи 38 и пункта 6 статьи 76 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» предусматривается, что повторная проверка подписных листов может быть осуществлена только судом или вышестоящей избирательной комиссией в случае обжалования решения избирательной комиссии о регистрации кандидата (списка кандидатов) или об отказе в регистрации кандидата (списка кандидатов).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, закон, определяя способы и формы судебной защиты нарушенных избирательных прав, должен гарантировать охрану как активного, так и пассивного избирательного права, а также ответственность избирательных комиссий за неправомерные действия и решения, препятствующие надлежащему осуществлению избирательных прав; конституционные требования об обеспечении правосудием прав и свобод человека и гражданина предопределяют необходимость применения судами адекватных форм и способов защиты нарушенных избирательных прав, недопустимость одной только констатации нарушений, отказа от применения компенсаторных механизмов для устранения последствий обнаруженных нарушений, исключения ответственности допустивших эти нарушения субъектов избирательного процесса (постановления от 26 декабря 2005 года № 14-П и от 22 апреля 2013 года № 8-П). Соответственно, положения избирательного законодательства не могут рассматриваться как препятствующие вызову в суд свидетелей, их допросу, совершению иных процессуальных действий по доказыванию или оценке и проверке доказательств, включая заявление ходата-

тайств и назначение судебных экспертиз, с целью оспаривания решения избирательных комиссий об отказе в регистрации кандидата, в том числе в части признания подписей, собранных в поддержку выдвижения кандидата, недействительными и (или) недостоверными (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2011 года № 1629-О-О и от 17 февраля 2015 года № 335-О).

Следовательно, суд, осуществляющий повторную проверку сведений, содержащихся в подписных листах, в целях проверки законности и обоснованности решения избирательной комиссии, не может быть связан исключительно данными официальной справки уполномоченного государственного органа, использованной избирательной комиссией, — он вправе запросить у уполномоченного органа информацию, необходимую для проверки достоверности сведений, содержащихся в подписных листах, при наличии достаточных сомнений в обоснованности выводов избирательной комиссии об их несоответствии действительности и должен выносить свое решение на основе оценки всей совокупности доказательств, отвечающих требованиям допустимости, относимости и достоверности.

Кроме того, согласно части 3 статьи 62 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации суд при рассмотрении дел по жалобам на нарушение избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации не связан основаниями и доводами заявленных требований и вправе в соответствии с нормами материального права, подлежащими применению к спорным правоотношениям, определять обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дел.

3. Таким образом, оспариваемое законоположение, действующее в системе норм избирательного законодательства, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации предусматривает гарантии обеспечения избирательных прав граждан, кандидатов и избирательных объединений и само по себе конституционные права заявителя не нарушает.

Проверка же законности и обоснованности правоприменительных решений по делу заявителя, в том числе на предмет правильности оценки доказательств, не относится к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации, как они определены в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы регионального отделения политической партии «Республиканская партия России — Партия народной свободы» в Новосибирской области, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

10 февраля
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 217-О

по запросу Ленинск-Кузнецкого
городского суда Кемеровской области
о проверке конституционности частей 3
и 4 статьи 36 Федерального закона
«О страховых пенсиях»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю. Д. Рудкина, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса Ленинск-Кузнецкого городского суда Кемеровской области,

у с т а н о в и л :

1. В запросе Ленинск-Кузнецкого городского суда Кемеровской области, в производстве которого находится гражданское дело по иску гражданки О. А. Поповой к государственному учреждению – Управлению Пенсионного фонда Российской Федерации в городе Ленинск-Кузнецком и Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области о перерасчете размера получаемой ею страховой пенсии по старости, оспаривается конституционность положений статьи 36 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», согласно которым со дня вступления в силу данного Федерального закона Федеральный закон от 17 декабря 2001 года № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» не применяется, за исключением норм, регулирующих исчисление размера трудовых пенсий и подлежащих применению в целях определения размеров страховых пенсий в соответствии с данным Федеральным законом в части, не противоречащей данному Федеральному закону (часть 3); федеральные законы, принятые до дня вступления в силу данного Федерального закона и предусматривающие условия и нормы пенсионного обеспечения, применяются в части, не противоречащей данному Федеральному закону (часть 4).

Как следует из представленных в Конституционный Суд Российской Федерации материалов, О. А. Попова является получателем пенсии по старости, назначенной ей с 27 марта 2013 года (момента достижения возраста 55 лет). С 1 января 2015 года, т. е. со дня вступления в силу Федерального закона «О страховых пенсиях», по документам выплатного дела был произведен перерасчет размера страховой пенсии О. А. Поповой исходя из установленной ей на 31 декабря 2014 года трудовой пенсии по старости (без учета фиксированного базового размера страховой части трудовой пенсии по старости), а также назначена фиксированная выплата к страховой пенсии по старости.

В запросе указывается, что, по мнению истицы, размер получаемой пенсии исчислен неверно, поскольку при перерасчете ее страховой пенсии не

было учтено предусмотренное пунктом 17 статьи 14 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 24 июля 2009 года № 213-ФЗ) с 1 января 2015 года увеличение на 30 процентов фиксированного базового размера страховой части ее трудовой пенсии по старости исходя из имеющегося у нее на день назначения трудовой пенсии по старости страхового стажа свыше 25 лет.

Придя к выводу о том, что оспариваемые законоположения противоречат статьям 1 (часть 1), 2, 18, 39 (часть 1), 54 (часть 1), 55 (часть 2) и 57 Конституции Российской Федерации, поскольку они, не допуская возможность применения пункта 17 статьи 14 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» при перерасчете страховых пенсий лицам, которым по состоянию на 31 декабря 2014 года установлена трудовая пенсия по старости, приводят к тому, что их законные ожидания, связанные с повышением размеров трудовых пенсий по старости в зависимости от продолжительности стажа, не реализуются в связи с вступлением в силу Федерального закона «О страховых пенсиях», судья Ленинск-Кузнецкого городского суда Кемеровской области приостановил производство по делу и направил в Конституционный Суд Российской Федерации запрос о проверке их конституционности.

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (статья 39, часть 1), относит определение механизма реализации данного конституционного права к компетенции законодателя (статья 39, часть 2). Конституционное право на социальное обеспечение включает и право на получение пенсий в установленных законом случаях и размерах, реализация которого обеспечивается в Российской Федерации путем создания систем обязательного и добровольного пенсионного страхования, а также государственного пенсионного обеспечения.

Федеральный законодатель обладает достаточно широкой дискрецией в указанной сфере и вправе закрепить в законе правовые основания назначения пенсий, размеры пенсий, порядок их исчисления и выплаты, а также, как неоднократно отмечалось в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, вправе изменять установленное им в данной сфере регулирование, учитывая финансово-экономические возможности государства на соответствующем этапе его развития и соблюдая при этом конституционные принципы справедливости, равенства, соразмерности и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, которые предполагают сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также предоставление гражданам в случае необходимости возможности, в частности посредством установления временного регулирования, в течение некоторого переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям (постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 26 декабря 2002 года № 17-П, от 29 января 2004 года № 2-П и др.).

2.1. До 1 января 2015 года одним из видов обязательного страхового обеспечения по обязательному пенсионному страхованию являлась трудовая пенсия по старости, установление и выплата которой осуществлялись в порядке и на условиях, предусмотренных Федеральным законом «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (статья 9 Федерального закона от 15 декабря 2001 года № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» в редакции Федерального закона от 24 июля 2009 года № 213-ФЗ).

Закрепляя механизм исчисления трудовой пенсии по старости, Федеральный закон «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 24 июля 2009 года № 213-ФЗ) предусматривал в пунктах 1–22 статьи 14 определение размера ее страховой части исходя из устанавливаемого в твердых суммах фиксированного базового размера страховой части трудовой пенсии по старости и сумм расчетного пенсионного капитала застрахованного лица, сформированного в том числе за счет страховых взносов за данное лицо начиная с 2002 года.

При этом согласно положениям пунктов 17 и 18 статьи 14 данного Федерального закона устанавливаемый гражданам фиксированный базовый размер страховой части трудовой пенсии по старости (пункт 2 указанной статьи) за каждый полный год страхового стажа, превышающего 30 лет для мужчин и 25 лет для женщин, на день назначения страховой части трудовой пенсии по старости впервые, а для граждан, имеющих право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости, – на день достижения общеустановленного пенсионного возраста подлежал увеличению на 6 процентов; а при наличии страхового стажа, не достигающего 30 лет для мужчин и 25 лет для женщин (за исключением граждан, имеющих право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости), – уменьшению на 3 процента за каждый полный недостающий год (абзацы сорок пятый и сорок шестой пункта 10 статьи 28 Федерального закона от 24 июля 2009 года № 213-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования”»).

Однако данные законоположения в соответствии с частью 5 статьи 41 Федерального закона от 24 июля 2009 года № 213-ФЗ вступали в силу с 1 января 2015 года, и поэтому при назначении и определении размера трудовых пенсий до указанной даты фиксированный базовый размер страховой части трудовой пенсии по старости устанавливался без учета продолжительности страхового стажа, имеющегося у гражданина на момент назначения пенсии (день достижения общеустановленного пенсионного возраста).

Таким образом, положения пунктов 17 и 18 статьи 14 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» устанавливали порядок исчисления только одной из составляющих трудовой пенсии по старости – фиксированного базового размера страховой части и подлежали применению с 1 января 2015 года.

2.2. В рамках реформирования системы обязательного пенсионного страхования законодателем в качестве обязательного страхового обеспечения вместо трудовой пенсии по старости с 1 января 2015 года были введены: страховая пенсия по старости, фиксированная выплата к страховой пенсии и накопительная пенсия (пункт 1 статьи 9 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» в редакции Федерального закона от 21 июля 2014 года № 216-ФЗ), а также установлено новое правовое регулирование, закрепляющее условия и порядок их назначения и выплаты (Федеральный закон «О страховых пенсиях» и Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 424-ФЗ «О накопительной пенсии»).

В Федеральном законе «О страховых пенсиях» страховая пенсия и фиксированная выплата к ней также выделены в качестве самостоятельных видов обязательного страхового обеспечения застрахованных лиц (пункты 1 и 6 статьи 3) и определение их размеров осуществляется по различным прави-

лам (статьи 15–18). Так, с 1 января 2015 года (момента вступления в силу указанного Федерального закона) размер страховой пенсии по старости стал определяться исходя из стоимости одного пенсионного коэффициента и индивидуального пенсионного коэффициента по состоянию на день, с которого назначается страховая пенсия по старости, рассчитываемого с учетом сумм страховых взносов, начисленных и уплаченных за застрахованное лицо, а размер фиксированной выплаты к ней – в твердых суммах, не зависящих от продолжительности страхового стажа застрахованного лица (статьи 15–17 Федерального закона «О страховых пенсиях»). При этом фиксированная выплата к страховой пенсии устанавливается одновременно с назначением страховой пенсии.

Сам по себе переход к новому правовому регулированию в области пенсионного обеспечения граждан в рамках системы обязательного пенсионного страхования осуществлен законодателем в пределах дискреционных полномочий, с соблюдением требования о предоставлении гражданам возможности в течение некоего разумного переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям, направлен на реализацию конституционных предписаний и не должен приводить к снижению уровня пенсионного обеспечения граждан.

3. Закрепляя новый порядок исчисления обязательного страхового обеспечения, в целях сохранения ранее приобретенных пенсионных прав застрахованных лиц законодатель при определении размера страховой пенсии по старости предусмотрел возможность учета периодов работы и (или) иной деятельности, имевших место до 1 января 2015 года, исходя из исчисленного по нормам Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» размера страховой части трудовой пенсии по старости (без ее фиксированного базового размера страховой части и накопительной части) и коэффициентов, предусмотренных для иных периодов, засчитываемых в страховой стаж, а также увеличил размер фиксированной выплаты к страховой пенсии по сравнению с фиксированным базовым размером страховой части трудовой пенсии, закреплявшимся в пункте 2 статьи 14 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (части 10 и 12 статьи 15 и статья 16 Федерального закона «О страховых пенсиях»).

Для пенсионеров, получавших на 31 декабря 2014 года трудовые пенсии по старости, в статье 34 Федерального закона «О страховых пенсиях» установлен особый порядок перерасчета их пенсий, который позволяет определять величину их индивидуального пенсионного коэффициента, необходимого для исчисления им страховой пенсии, исходя из размера установленной им ранее пенсии по старости (без учета фиксированного базового размера страховой части трудовой пенсии по старости и накопительной части трудовой пенсии); а если при перерасчете размеров трудовой пенсии размер страховой пенсии (без учета фиксированной выплаты к страховой пенсии) не достигает получаемого пенсионером на день вступления в силу Федерального закона «О страховых пенсиях» (1 января 2015 года) размера страховой пенсии трудовой части пенсии (без учета фиксированного базового размера страховой части трудовой пенсии по старости и накопительной части трудовой пенсии), пенсионеру выплачивается страховая пенсия в прежнем, более высоком размере.

Следовательно, лицам, получавшим трудовую пенсию по старости, с 1 января 2015 года в результате перерасчета устанавливались страховая пенсия и в размерах, предусмотренных статьями 16–17 Федерального закона «О страховых пенсиях», фиксированная выплата к ней.

Именно в связи с закреплением такого механизма сохранения ранее приобретенных застрахованными лицами пенсионных прав законодатель в

статье 36 Федерального закона «О страховых пенсиях» предусмотрел правило о том, что со дня вступления в силу данного Федерального закона ранее принятые федеральные законы, предусматривающие условия и нормы пенсионного обеспечения, применяются в части, не противоречащей ему, а Федеральный закон «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» не применяется, за исключением норм, регулирующих исчисление размера трудовых пенсий и подлежащих применению в целях определения размеров страховых пенсий.

Таким образом, оспариваемые нормы в системе действующего законодательства являются элементами механизма, который при изменении условий и порядка пенсионного обеспечения в системе обязательного пенсионного страхования гарантирует разумную стабильность правового регулирования и реализацию пенсионных прав застрахованных лиц, а потому не могут расцениваться как противоречащие конституционным предписаниям.

Кроме того, как следует из представленных материалов, при перерасчете пенсии О. А. Поповой фиксированная выплата к страховой пенсии была установлена в новом – более высоком – размере, а страховая пенсия по старости – исчислена с учетом величины индивидуального пенсионного коэффициента, определенной из размера страховой части трудовой пенсии, без учета фиксированного базового размера страховой части трудовой пенсии по старости, что, согласно сведениям, полученным из государственного учреждения – Управления Пенсионного фонда Российской Федерации в городе Ленинск-Кузнецком и Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области, привело к увеличению размера ее пенсионного обеспечения.

4. В соответствии с частью второй статьи 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» основанием для рассмотрения дела Конституционным Судом Российской Федерации является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о конституционности оспариваемой нормы.

Поскольку неопределенность в вопросе о конституционности частей 3 и 4 статьи 36 Федерального закона «О страховых пенсиях» отсутствует, запрос Ленинск-Кузнецкого городского суда Кемеровской области не может быть принят Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать запрос Ленинск-Кузнецкого городского суда Кемеровской области не подлежащим дальнейшему рассмотрению, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

9 февраля
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 220-О

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Матросовой Татьяны Акимовны и Рассказовой Людмилы Анатольевны на нарушение их конституционных прав положением пункта 6 статьи 181⁴ Гражданского кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Г. А. Жилина, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы граждан Т. А. Матросовой и Л. А. Рассказовой,

у с т а н о в и л :

1. Согласно пункту 6 статьи 181⁴ ГК Российской Федерации лицо, оспаривающее решение собрания, должно уведомить в письменной форме заблаговременно участников соответствующего гражданско-правового сообщества о намерении обратиться с таким иском в суд и предоставить иную информацию, имеющую отношение к делу; участники соответствующего гражданско-правового сообщества, не присоединившиеся в порядке, установленном процессуальным законодательством, к такому иску, в том числе имеющие иные основания для оспаривания данного решения, в последующем не вправе обращаться в суд с требованиями об оспаривании данного решения, если только суд не признает причины этого обращения уважительными.

Как следует из представленных в Конституционный Суд Российской Федерации материалов, Т. А. Матросова и Л. А. Рассказова – члены садоводческого некоммерческого товарищества «Восход» обратились в Кировский городской суд Ленинградской области с иском о признании недействительными принятыми 14 июня 2014 года решений общего собрания членов товарищества. Определением судьи данного суда от 29 сентября 2014 года исковое заявление было оставлено без движения на основании статьи 136 ГПК Российской Федерации, а истцам предоставлен срок для устранения недостатков, при этом, в частности, им была разъяснена необходимость выполнения требования пункта 6 статьи 181⁴ ГК Российской Федерации об уведомлении других членов садоводческого некоммерческого товарищества о намерении обратиться в суд с таким иском и предоставлении иной информации, имеющей отношение к делу.

Определением судьи Кировского городского суда Ленинградской области от 6 ноября 2014 года, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Ленинградского областного суда от

25 декабря 2014 года, исковое заявление Т. А. Матросовой и Л. А. Рассказовой на основании статей 135 и 136 ГПК Российской Федерации было возвращено в связи с невыполнением требований, содержащихся в определении судьи об оставлении искового заявления без движения.

Определением судьи Ленинградского областного суда от 18 мая 2015 года и определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2015 года в передаче кассационных жалоб на определение о возвращении искового заявления и определение апелляционной инстанции для рассмотрения в судебном заседании судов кассационной инстанции заявителем было отказано.

По мнению заявителяниц, требование пункта 6 статьи 181⁴ ГК Российской Федерации об обязательном заблаговременном письменном уведомлении других членов гражданско-правового сообщества о намерении обратиться в суд с иском о признании решения собрания недействительным и предоставлении иной информации, имеющей отношение к делу, создает непреодолимое препятствие для доступа к правосудию, нарушает их право на судебную защиту и тем самым противоречит статьям 46 и 47 Конституции Российской Федерации.

2. Согласно Конституции Российской Федерации каждому гарантируется государственная, в том числе судебная, защита его прав и свобод (статья 45, часть 1; статья 46, часть 1); право на судебную защиту является непосредственно действующим, оно признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (статья 17, часть 1; статья 18).

Принцип беспрепятственного доступа к правосудию признан международным сообществом в качестве фундаментального. Согласно Всеобщей декларации прав человека (статьи 7, 8 и 10), Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 1 статьи 6) и Международному пакту о гражданских и политических правах (пункт 1 статьи 14) каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым, беспристрастным и компетентным судом, созданным на основании закона.

Раскрывая содержание конституционного права на судебную защиту, Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях, в том числе в постановлениях от 16 марта 1998 года № 9-П, от 20 февраля 2006 года № 1-П, от 17 января 2008 года № 1-П, от 25 июня 2013 года № 14-П, от 18 ноября 2014 года № 30-П, выразил следующие правовые позиции.

Право на судебную защиту предполагает конкретные гарантии эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости. Из статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 19 (часть 1), 47 (часть 1) и 123 (часть 3), закрепляющими равенство всех перед законом и судом, право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, и принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, следует, что конституционное право на судебную защиту — это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты в форме восстановления нарушенных прав и свобод в соответствии с законодательно закрепленными критериями, которые в нормативной форме (в виде общих правил) определяют, в каком суде и в какой процедуре подлежит рассмотрению конкретное дело, позволяя суду (судье), сторонам, другим участникам процесса, а также иным заинтересованным лицам избежать правовой неопределенности в данном вопросе.

Право на доступ к правосудию, закрепленный Конституцией Российской Федерации и международно-правовыми актами, являющимися в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации, по самой своей природе требует законодательного регулирования, при осуществлении которого федеральный законодатель располагает определенной свободой усмотрения, что, однако, не освобождает его от обязанности соблюдать вытекающее из Конституции Российской Федерации требование разумности между используемыми средствами и поставленной целью.

3. Исходя из предписаний статей 45 (часть 2) и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации заинтересованное лицо по своему усмотрению выбирает формы и способы защиты своих прав, не запрещенные законом, в том числе посредством обращения за судебной защитой, будучи связанным, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях, лишь установленным федеральным законом порядком судопроизводства (Постановление от 22 апреля 2013 года № 8-П, определения от 17 ноября 2009 года № 1427-О-О, от 23 марта 2010 года № 388-О-О, от 25 сентября 2014 года № 2134-О и др.).

В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации одним из способов защиты гражданских прав является признание недействительным решения собрания (абзац пятый статьи 12). При этом общий порядок оспаривания решения собрания, установленный главой 9¹ «Решения собраний» данного Кодекса, предусматривает, в частности, обязанность лица, оспаривающего решение собрания, уведомить в письменной форме заблаговременно участников соответствующего гражданско-правового сообщества о намерении обратиться с таким иском в суд и предоставить иную информацию, имеющую отношение к делу.

Как следует из содержания пункта 6 статьи 181⁴ ГК Российской Федерации, такое правовое регулирование установлено федеральным законодателем в целях оспаривания в едином процессе решения собрания и направлено на недопущение вынесения противоречивых судебных решений по данному вопросу, сведение к минимуму состояния неопределенности, в котором находится оспариваемое решение, а также на предоставление лицу, управомоченному на его оспаривание, возможности присоединиться к иску и представить собственные аргументы. В силу этого само по себе такое правовое регулирование не может рассматриваться как не отвечающее требованиям разумности и сбалансированности используемых средств и поставленной цели.

Согласно пункту 115 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» отсутствие доказательств об уведомлении лицом, оспаривающим решение собрания, других участников гражданско-правового сообщества является в силу части первой статьи 136 ГПК Российской Федерации основанием для оставления искового заявления без движения. При этом Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает, что судья предоставляет заявителю разумный срок для исправления недостатков; в случае невыполнения указаний судьи заявление считается неподанным и возвращается заявителю вместе с приложенными документами, что не препятствует его повторному обращению в суд с иском к тому же ответчику, о том же предмете и по тем же основаниям после устранения допущенного нарушения (части 2 и 3 статьи 135, части 1 и 2 статьи 136 ГПК Российской Федерации).

По смыслу пункта 6 статьи 181⁴ ГК Российской Федерации, управомоченное на оспаривание решения собрания лицо должно предпринять все

меры, необходимые для уведомления о своем намерении других участников гражданско-правового сообщества и предоставления им иной имеющей отношение к делу информации, до обращения в суд с соответствующим иском. К уведомлениям, которые направляются на основании данной нормы, в том числе во исполнение определения суда об оставлении искового заявления без движения, применяются правила статьи 165¹ ГК Российской Федерации, по смыслу пункта 1 которой юридически значимое сообщение, адресованное гражданину, должно быть направлено по адресу его регистрации по месту жительства или пребывания либо по адресу, который гражданин указал сам, либо его представителю (пункты 63 и 116 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Однако при всей добросовестности лица, оспаривающего решение собрания, персональное уведомление каждого участника соответствующего гражданско-правового сообщества может оказаться невозможным, в том числе в силу предписаний статей 3 и 7 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных», запрещающих раскрывать третьим лицам персональные данные без согласия субъекта персональных данных. Учитывая вероятные затруднения, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 65 названного постановления разъяснил, что юридически значимое сообщение (уведомление) может осуществляться в иной форме, соответствующей характеру сообщения и отношений, информация о которых содержится в таком сообщении, когда можно достоверно установить, от кого исходило сообщение и кому оно адресовано (например, в форме размещения на сайте хозяйственного общества в сети «Интернет» информации для участников этого общества, в форме размещения на специальном стенде информации об общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме и т. п.).

При этом Пленум Верховного Суда Российской Федерации не исключил возможность рассмотрения судом иска об оспаривании решения собрания, когда другие участники гражданско-правового сообщества окажутся не уведомленными лицами, оспаривающими решение собрания. Как указано в его постановлении «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», при обращении неприсоединившегося к иску об оспаривании решения собрания участника гражданско-правового сообщества с самостоятельным иском суд устанавливает причины неприсоединения, к числу уважительных причин им может быть отнесено неуведомление такого участника о первоначальном иске в порядке, установленном пунктом 6 статьи 181⁴ ГК Российской Федерации (пункт 117).

Соответственно, само по себе непредоставление требуемой информации — в случае, когда лицо, оспаривающее решение собрания, заблаговременно использовало все доступные ему формы уведомления других участников гражданско-правового сообщества о намерении обратиться в суд с таким иском, но по не зависящим от него причинам не предоставило соответствующую информацию каждому участнику гражданско-правового сообщества персонально, — не может служить препятствием для принятия судом искового заявления к своему производству. Иное означало бы создание несоизмеримых ограничений в реализации права на судебную защиту, непреодолимых препятствий для доступа к правосудию и вступало бы в противоречие с неоднократно выраженной в решениях Конституционного Суда Российской Федерации правовой позицией о необходимости обеспечения заинтересованным лицам реальной судебной защиты.

Как следует из вынесенных по делу Т. А. Матросовой и Л. А. Рассказовой судебных постановлений, до обращения в суд с иском об оспаривании решений собраний членов садоводческого некоммерческого товарищества они не предпринимали каких-либо мер по исполнению требований оспариваемого ими законоположения, что наряду с другими недостатками искового заявления послужило основанием для оставления его без движения.

Таким образом, с учетом указанных обстоятельств оспариваемое положение пункта 6 статьи 181⁴ ГК Российской Федерации, примененное в их конкретном деле, не может рассматриваться как нарушающее их конституционные права, а потому данная жалоба, не отвечающая, по смыслу статей 96 и 98 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», критериям допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, не может быть принята им к рассмотрению.

Установление же того, имелась ли у заявительниц реальная возможность, используя все доступные им формы уведомления, сообщить о своем намерении обратиться в суд с таким иском другим членам садоводческого некоммерческого товарищества и предоставить им иную имеющую отношение к делу информацию, связано с исследованием и оценкой фактических обстоятельств, что не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы граждан Матросовой Татьяны Акимовны и Рассказовой Людмилы Анатольевны, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

9 февраля
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 222-О

об отказе в принятии к рассмотрению
жалобы гражданки Аксентьевой
Светланы Аркадьевны на нарушение ее
конституционных прав статьями 42, 131
и 132 Уголовно-процессуального
кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи А. И. Бойцова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданки С. А. Аксентьевой,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданка С. А. Аксентьева оспаривает конституционность статьи 42 УПК Российской Федерации, закрепляющей процессуальный статус потерпевшего в уголовном судопроизводстве, его права и обязанности, статей 131 и 132 данного Кодекса, определяющих понятие процессуальных издержек и их перечень, а также регламентирующих порядок их взыскания или возмещения.

Как следует из представленных материалов, 28 июня 2012 года С. А. Аксентьева обратилась к мировому судье судебного участка № 7 города Северодвинска Архангельской области с заявлением о возбуждении уголовного дела частного обвинения в связи с совершением в отношении нее преступления, предусмотренного частью первой статьи 116 «Побои» УК Российской Федерации, воспользовавшись при подаче заявления и в процессе разбирательства дела в данном суде услугами адвоката К., выступившего, таким образом, в качестве ее представителя.

За время судебного разбирательства в мировом суде судебного участка № 7, начиная с 11 июля 2012 года, был проведен ряд судебных заседаний, но 20 марта 2013 года мировым судьей был заявлен самоотвод, вследствие чего определением председателя Северодвинского городского суда от 2 апреля 2013 года материалы уголовного дела были направлены мировому судье судебного участка № 6 города Северодвинска Архангельской области для рассмотрения по существу, с началом которого, а именно с 22 апреля 2013 года, к участию в деле в качестве представителя С. А. Аксентьевой вместо адвоката К. был допущен по ее ходатайству адвокат Н., представлявший ее интересы и в суде апелляционной инстанции.

Приговором от 29 мая 2013 года, вступившим в законную силу 9 июля 2013 года по результатам его проверки судом апелляционной инстанции, лица, вопрос об осуждении которых ставила заявительница, признаны ви-

новными, и 17 октября 2013 года С. А. Аксентьева обратилась к мировому судье судебного участка № 6, постановившему приговор, с заявлением о взыскании с осужденных процессуальных издержек, выразившихся в оплате ею в связи с проведением судебного разбирательства в судах первой и второй инстанций услуг представителей – адвокатов К. (на сумму 45 000 рублей) и Н. (на сумму 67 000 рублей), которое 22 ноября 2013 года удовлетворено в полном объеме. Постановлением Северодвинского городского суда от 13 ноября 2014 года, удовлетворившего апелляционные жалобы осужденных, полагававших, что они вынуждены дважды оплачивать судебные издержки по одному делу, это решение изменено: взыскание с осужденных 40 000 рублей, выплаченных С. А. Аксентьевой адвокату К. за представление ее интересов в судебных заседаниях у мирового судьи судебного участка № 7 (за исключением 5000 рублей за предварительное консультирование, изучение документов и составление заявления о возбуждении уголовного дела), признано противоречащим уголовно-процессуальному закону, поскольку до передачи дела для рассмотрения по существу мировому судье судебного участка № 6 лица, в отношении которых было возбуждено уголовное дело частного обвинения, осужденными не являлись, требование о возмещении представительских расходов С. А. Аксентьева не предъявляла, выплаты процессуальных издержек за счет федерального бюджета не производились, а рассмотрение дела мировым судьей судебного участка № 6 осуществлялось с самого начала. Что же касается денежных средств за оказание представительских услуг адвокатом Н., то их сумма, как чрезмерная, снижена с 67 000 рублей до 24 000 рублей.

Не согласившись с апелляционным постановлением, С. А. Аксентьева оспорила его в кассационном порядке, однако, с ее слов, постановлением судьи Архангельского областного суда от 19 января 2015 года в передаче ее жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции было отказано. Оставлена без удовлетворения и кассационная жалоба, направленная ею в адрес Верховного Суда Российской Федерации, постановлением судьи этого суда от 19 февраля 2015 года.

В удовлетворении заявления С. А. Аксентьевой о возмещении ей расходов на оплату представительских услуг адвоката К. за счет средств федерального бюджета также отказано исполняющим обязанности мирового судьи судебного участка № 6 (постановление от 24 марта 2015 года, вступившее в законную силу 4 апреля 2015 года), который аргументировал свое решение тем, что освобождение осужденных от уплаты процессуальных издержек в размере 40 000 рублей не свидетельствует о необходимости их возмещения за счет средств федерального бюджета, поскольку государство не осуществляло уголовное преследование по делу, которое было возбуждено и принято к производству по заявлению частного обвинителя С. А. Аксентьевой, вследствие чего возложение на государство подобной обязанности противоречит статьям 131 и 132 УПК Российской Федерации. Производство же по исковым требованиям заявительницы о взыскании с осужденных указанной суммы в порядке гражданского судопроизводства прекращено определением мирового судьи судебного участка № 3 Северодвинского судебного района Архангельской области от 29 июля 2015 года, вступившим в законную силу 14 августа 2015 года, со ссылкой на то, что эти требования подлежат разрешению в установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации порядке.

По утверждению С. А. Аксентьевой, статьи 42, 131 и 132 УПК Российской Федерации не соответствуют статьям 45, 46 и 52 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, в случае направления уголовного дела частно-

го обвинения на новое судебное рассмотрение другому мировому судье препятствуют взысканию с лиц, признанных в итоге виновными в совершении преступления, либо же возмещению за счет средств федерального бюджета процессуальных издержек в виде понесенных потерпевшим, являющимся одновременно частным обвинителем, расходов на выплату вознаграждения представителю за участие в судебном разбирательстве, проводившемся до направления дела на новое рассмотрение.

2. Согласно Конституции Российской Федерации достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления; в Российской Федерации гарантируется государственная, в том числе судебная, защита прав и свобод человека и гражданина; каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом; каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи; права потерпевших от преступлений охраняются государством, которое обеспечивает им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба; судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон (статьи 21, 45, 46, 48, 52 и 123). Потерпевшему, имеющему в уголовном судопроизводстве свои собственные интересы, которые не могут быть сведены исключительно к возмещению причиненного ему вреда и в значительной степени связаны также с разрешением вопросов о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания, от чего во многих случаях зависят реальность и конкретные размеры возмещения вреда, должно обеспечиваться участие во всех стадиях уголовного судопроизводства, а также возможность довести до сведения суда свою позицию по существу дела и отстаивать свои права и законные интересы всеми не запрещенными законом способами, включая не ограниченное никакими условиями право иметь избранного им самим представителя, — иное означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1999 года № 1-П, от 14 февраля 2000 года № 2-П, от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 8 декабря 2003 года № 18-П и от 11 мая 2005 года № 5-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2003 года № 446-О, от 24 ноября 2005 года № 431-О, от 17 ноября 2011 года № 1555-О-О и от 20 февраля 2014 года № 298-О).

Во исполнение конституционного требования о защите прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, федеральный законодатель, регламентируя порядок уголовного судопроизводства, определил в статье 20 УПК Российской Федерации виды уголовного преследования, которое в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления осуществляется в публичном, частно-публичном и частном порядке (часть первая). Так, к уголовным делам частного обвинения отнесены дела о преступлениях, предусмотренных частью первой статьи 115, частью первой статьи 116 и частью первой статьи 128¹ УК Российской Федерации, которые возбуждаются в отношении конкретного лица (лиц) не иначе как путем подачи потерпевшим, его законным представителем заявления в суд, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 части первой и частью четвертой статьи 147 УПК Российской Федерации (часть вторая статьи 20 и часть первая статьи 318 УПК Российской Федерации).

При этом Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, закрепляя право потерпевшего по делам частного обвинения непосредственно заявлять о совершенном в отношении него преступлении в суд (часть первая статьи 318) и предоставляя ему с момента принятия судом такого заявления к своему производству статус частного обвинителя (часть седь-

мая статьи 318), наделяет его для защиты своих интересов в судебном разбирательстве рядом процессуальных прав, равных правам государственного обвинителя (часть вторая статьи 43), в том числе правом выдвигать и поддерживать обвинение в суде (статья 22), представлять доказательства и участвовать в их исследовании, излагать суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства (часть пятая статьи 321), заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения суда, включая постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, обжаловать приговор, пользоваться помощью представителя, а также осуществлять иные полномочия, предусмотренные данным Кодексом (статья 42) (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 сентября 2013 года № 1336-О и от 20 февраля 2014 года № 382-О).

Вместе с тем в уголовном судопроизводстве статус потерпевшего, приобретаемый лицом в силу самого факта причинения ему преступлением физического, имущественного, морального вреда, а не вследствие вынесения дознания, следователем или судом решения о признании его таковым (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П, от 14 июля 2011 года № 16-П, от 25 июня 2013 года № 14-П, от 6 ноября 2014 года № 27-П и от 11 ноября 2014 года № 28-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2004 года № 119-О, от 18 января 2005 года № 131-О, от 17 ноября 2011 года № 1555-О-О, от 28 июня 2012 года № 1258-О и др.), является единым независимо от вида уголовного преследования – публичного, частно-публичного или же частного.

В последнем случае наличие у потерпевшего также статуса частного обвинителя не может отрицательно сказываться на объеме его прав как лица, пострадавшего от преступления, поскольку, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 27 июня 2005 года № 7-П, применительно к делам частного обвинения диспозитивность в уголовном судопроизводстве, предполагающая учет волеизъявления лица, пострадавшего от преступления, вплоть до придания ему определяющего значения при принятии ряда ключевых процессуальных решений, выступает в качестве дополнительной гарантии прав и законных интересов потерпевшего и не может приводить к их ограничению; ее использование в законодательном регулировании производства по делам этой категории не отменяет обязанность государства защищать от преступных посягательств права и свободы человека и гражданина как высшую ценность и обеспечивать установление такого правопорядка, который бы гарантировал каждому государственную, в том числе судебную, защиту его прав и свобод, а каждому потерпевшему от преступления – доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Кроме того, включение элементов диспозитивности в уголовное судопроизводство не меняет ни характера публично-правовых отношений, порождаемых фактом совершения преступления, ни природы принимаемых в связи с этим судебных решений как государственных правовых актов, выносимых именем Российской Федерации и имеющих общеобязательный характер, ни существа применяемых на основании этих решений мер государственного принуждения (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2011 года № 22-П).

Тем самым из указанных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации следует, что конституционные требования о государственной защите прав потерпевшего, обеспечении его права на доступ к правосудию и на возмещение причиненного ему ущерба, включая связанные с производством по уголовному делу расходы, реализуются

вне зависимости от того, какой порядок уголовного преследования установлен законодателем и наделен ли потерпевший дополнительными правами частного обвинителя.

3. В силу статьи 42 УПК Российской Федерации потерпевший вправе иметь представителя (пункт 8 части второй), участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций (пункт 14 части второй), ему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, в том числе расходов на представителя, согласно требованиям статьи 131 данного Кодекса (часть третья).

По смыслу статьи 131 УПК Российской Федерации, процессуальные издержки представляют собой денежные суммы в возмещение необходимых и оправданных расходов, неполученных доходов, а также вознаграждение и выплаты, которые причитаются к уплате физическим и юридическим лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство в качестве участников или иным образом привлекаемым к решению стоящих перед ним задач (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 года № 367-О, от 16 декабря 2008 года № 1036-О-П, от 5 марта 2013 года № 297-О и от 20 февраля 2014 года № 298-О). Аналогичное положение воспроизведено и в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам».

Такие расходы потерпевшего на участие представителя, подтвержденные соответствующими документами, в период рассмотрения дела С. А. Аксентьевой в судах первой и апелляционной инстанций расценивались в качестве предусмотренных пунктом 9 части второй статьи 131 УПК Российской Федерации иных расходов, понесенных в ходе производства по уголовному делу, которые взыскиваются с осужденных или возмещаются за счет средств федерального бюджета как процессуальные издержки в соответствии с частью первой статьи 132 данного Кодекса (пункт 34 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»). Федеральным законом от 28 декабря 2013 года № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой им вознаграждения своему представителю, выделены в самостоятельный вид процессуальных издержек (пункт 1¹ части второй статьи 131 УПК Российской Федерации). При этом альтернатива, предполагающая их возмещение за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства, сохраняется.

Таким образом, взаимосвязанные положения статей 42, 131 и 132 УПК Российской Федерации ни в редакции, действовавшей в период рассмотрения дела заявительницы в судах первой и апелляционной инстанций, ни в системе действующего регулирования не препятствуют отнесению к числу процессуальных издержек подтвержденных соответствующими документами расходов, понесенных потерпевшим на оплату услуг представителя на любой стадии уголовного судопроизводства, при условии их необходимости и оправданности.

4. По смыслу статей 47 (часть 1), 118 (часть 1) и 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации, а также корреспондирующих им предписаний международно-правовых актов (пункт 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и пункт 1 статьи 6 Конвенции о защи-

те прав человека и основных свобод), важнейшим элементом конституционного права на судебную защиту является право каждого на рассмотрение его дела независимым и беспристрастным судом.

В целях обеспечения объективности и беспристрастности лиц, рассматривающих уголовные дела, и исходя из публичного характера такого рода деятельности федеральный законодатель установил в статьях 61 и 63 УПК Российской Федерации перечень исключаящих возможность рассмотрения дела судьей обстоятельств, наличие которых предполагает, согласно части первой статьи 62 данного Кодекса, обязанность судьи уклониться от участия в производстве по уголовному делу.

Принимая во внимание конституционно значимые цели, которые преследуются установлением института самоотвода судьи в связи обстоятельствами, исключающими его участие в производстве по уголовному делу, а также учитывая, что такое производство с момента его возбуждения и до вступления в силу итогового судебного решения представляет собой единый процесс, расходы потерпевшего, понесенные на участие его представителя в судебном разбирательстве уголовного дела, в том числе в период до самоотвода первоначально рассматривавшего данное дело судьи, образуют неразрывный массив и подлежат компенсации в установленном порядке.

В соответствии же с разъяснением, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 42, решение суда о возмещении процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета или о взыскании их с осужденного должно быть мотивированным; при этом, по смыслу части первой статьи 131, частей первой, второй, четвертой и шестой статьи 132 УПК Российской Федерации в их взаимосвязи, суду следует принимать решение о возмещении процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета, если в судебном заседании будут установлены имущественная несостоятельность лица, с которого они должны быть взысканы, либо основания для освобождения осужденного от их уплаты (пункт 5).

5. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что конституционное судопроизводство как способ защиты нарушенных прав и свобод граждан допускается, если без проверки конституционности оспариваемого закона эти права и свободы не могут быть восстановлены, и что возбуждение производства о проверке конституционности закона возможно тогда, когда права заявителя нарушаются самой нормой закона и заложенный в ней смысл не допускает такого ее истолкования и применения судами общей юрисдикции и арбитражными судами, при котором права и законные интересы гражданина или организации могут быть защищены и восстановлены в обычном порядке (определения от 22 апреля 2004 года № 112-О, от 17 июля 2007 года № 544-О-О, от 22 марта 2012 года № 447-О-О и др.).

Ставя под сомнение конституционность оспариваемых законоположений, С. А. Аксентьева, по существу, выражает несогласие с вынесенными по ее делу судебными решениями. Между тем, как следует из поступившего в Конституционный Суд Российской Федерации официального ответа Верховного Суда Российской Федерации, возможности защиты ее прав посредством обжалования постановленных в отношении нее судебных решений не исчерпаны. В такой ситуации конституционное судопроизводство было бы преждевременным и, по сути, использовалось бы как средство судебной защиты, подменяющее судопроизводство по уголовным делам, что недопустимо в силу статей 118, 125 и 126 Конституции Российской Федерации, которая, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, не допускает подмену судопроизводства по гражданским, административным или уголовным делам конституционным судопроизвод-

ством (в том числе при решении вопроса о том, каким образом закон должен быть применен в конкретном деле), выступающим в качестве резервного и исключительного способа защиты конституционных прав граждан в тех случаях, когда у заявителя исчерпаны все другие возможности судебной защиты (постановления от 7 ноября 2012 года № 24-П и от 18 сентября 2014 года № 23-П; определения от 27 декабря 2005 года № 522-О, от 21 июня 2011 года № 844-О-О, от 16 июля 2015 года № 1621-О и др.).

Следовательно, данная жалоба, как не отвечающая критерию допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, не может быть принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

определил:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Аксентьевой Светланы Аркадьевны, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

10 февраля
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 226-О

по запросу Курганского областного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Н. В. Мельникова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса Курганского областного суда,

у с т а н о в и л :

1. В своем запросе в Конституционный Суд Российской Федерации Курганский областной суд оспаривает конституционность части восьмой статьи 246 УПК Российской Федерации, регламентирующей участие обвинителя в судебном разбирательстве и устанавливающей, что государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора может изменить обвинение в сторону смягчения путем исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание, путем исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму Уголовного кодекса Российской Федерации, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой этого Кодекса, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте, либо путем перекалфикации деяния в соответствии с нормой этого Кодекса, предусматривающей более мягкое наказание.

Как следует из запроса и приложенных к нему материалов, в производстве Курганского областного суда находится уголовное дело по апелляционному представлению прокурора на приговор Лебяжьевского районного суда Курганской области от 28 августа 2015 года, которым гражданин С. осужден за совершение преступления, предусмотренного пунктом «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации (кража, совершенная с незаконным проникновением в помещение). Общий ущерб, причиненный содеянным, составил 1724 рубля.

Суд первой инстанции, постановляя приговор, не согласился с заявленной в ходе судебного заседания позицией государственного обвинителя, который полагал необходимым изменить квалификацию совершенного подсудимым преступления на более мягкую и признать его виновным по части первой статьи 158 УК Российской Федерации (кража без отягчающих обстоятельств). Обосновывая свою позицию, государственный обвинитель указал, что отсутствует признак незаконного проникновения в помещение, поскольку дом, где совершено хищение, был непригоден для проживания, без освещения и части остекления. Суд же основывался на факте нахождения там имущества, представлявшего ценность для потерпевшего, и на том, что данное строение отвечало признакам помещения применительно к пункту «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации.

Приговор был обжалован прокурором в апелляционном порядке в связи с тем, что суд первой инстанции вышел за пределы обвинения, измененного государственным обвинителем во время судебного разбирательства (часть восьмая статьи 246 и статья 252 УПК Российской Федерации). Суд апелляционной инстанции постановлением от 15 октября 2015 года приостановил производство по уголовному делу и обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с соответствующим запросом.

По мнению заявителя, часть восьмая статьи 246 УПК Российской Федерации противоречит статьям 10 и 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой содержащиеся в ней положения по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, наделяют изменение государственным обвинителем обвинения свойством обязательности для судов первой и апелляционной инстанций, предопределяя безусловное принятие ими решения о квалификации инкриминируемого подсудимому преступления в пределах измененного обвинения и исключая его

квалификацию — в целях правильного применения уголовного закона — вопреки позиции государственного обвинителя в рамках ранее предъявленного, а не измененного обвинения.

2. Согласно Конституции Российской Федерации в Российской Федерации как правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанностью государства; права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, они определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием (статья 1, часть 1; статья 2; статья 17, часть 1; статьи 18 и 118); в Российской Федерации гарантируется государственная, в том числе судебная, защита прав и свобод человека и гражданина, каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, а решения и действия (или бездействие) органов государственной власти и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (статья 45; статья 46, части 1 и 2).

В силу статей 46–52, 118 (части 1 и 2), 123 (часть 3) и 126 Конституции Российской Федерации судебная функция разрешения уголовного дела и функция обвинения должны быть строго разграничены, каждая из них возлагается на соответствующие субъекты. Возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в законе органами и должностными лицами, а в предусмотренных законом случаях — также потерпевшими. Суд же, осуществляющий судебную власть посредством уголовного судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, в ходе производства по делу не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные полномочия, а должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 года № 18-П).

3. Обвинение представляет собой утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством порядке (пункт 22 статьи 5 УПК Российской Федерации), оно должно быть закреплено в процессуальном документе и подтверждено доказательствами. Совокупность установленных по уголовному делу фактов, которые свидетельствуют о совершении обвиняемым общественно опасного и противоправного деяния как основании его уголовной ответственности, составляет объем обвинения. Обвинение отражает фактические обстоятельства преступного деяния и указывает на конкретные признаки состава преступления в том виде, в каком они установлены органами предварительного расследования и сформулированы в специальном процессуальном документе (постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении).

Исходя из части второй статьи 252 УПК Российской Федерации изменение обвинения в судебном разбирательстве, в том числе государственным обвинителем, допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту. Нормы уголовно-процессуального законодательства, которые регулируют порядок и правовые последствия изменения государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения, неоднократно были предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

Так, в Постановлении от 20 апреля 1999 года № 7-П Конституционный Суд Российской Федерации указал следующее. Конституция Российской

Федерации в статье 49 провозглашает принцип презумпции невиновности, в силу которого каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (часть 1). Данное конституционное требование в совокупности с принципом состязательности сторон судопроизводства, закрепленным статьей 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, предполагает, что суд вправе устанавливать виновность лица лишь при условии, если доказывают ее органы и лица, осуществляющие уголовное преследование. Поскольку, по смыслу статей 118 и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, суд, рассматривая уголовные дела, осуществляет исключительно функцию отправления правосудия и не должен подменять органы и лиц, формирующих и обосновывающих обвинение, то не устраненные ими сомнения в виновности обвиняемого, согласно статье 49 (часть 3) Конституции Российской Федерации, толкуются в пользу последнего. Таким образом, если органы уголовного преследования не смогли доказать виновность обвиняемого в полном объеме и тем более если прокурор и потерпевший отказались от поддержания обвинения в суде (полностью или частично), то это должно приводить — в системе действующих уголовно-процессуальных норм при их конституционном истолковании — к постановлению в отношении обвиняемого оправдательного приговора или обвинительного приговора, констатирующего виновность обвиняемого в менее тяжком преступном деянии.

В дальнейшем Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел ходатайство Генерального прокурора Российской Федерации, в котором в рамках разъяснения названного Постановления прямо ставились вопросы: возможно ли рассматривать обвинительное заключение как процессуальный документ, не имеющий никакого правового значения для суда, в случае отказа прокурора от обвинения и вправе ли суд в случае доказанности представителем государственного обвинения виновности подсудимого в совершении преступления дать иную, отличную от предложенной стороной обвинения, юридическую оценку деяниям подсудимого, если это связано с необходимостью применить более строгий закон, чем предложил государственный обвинитель? Отвечая на эти вопросы, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 5 июля 2000 года № 150-О подчеркнул: отказ прокурора и потерпевшего от поддержания обвинения в суде означает, что обвинительное заключение в целом или в соответствующей его части не может более определять основу и пределы судебного рассмотрения уголовного дела; при изменении государственным обвинителем квалификации деяния суд в соответствии с позицией государственного обвинителя постановляет обвинительный приговор, констатирующий виновность в менее тяжком преступлении.

Данная правовая позиция получила свое развитие в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 года № 18-П по делу о проверке конституционности — в связи с запросами судов общей юрисдикции, в том числе Курганского областного суда, и жалобами граждан — положений уголовно-процессуального законодательства, которыми, в частности, определяются последствия отказа государственного обвинителя от обвинения или его изменения в сторону смягчения при рассмотрении уголовного дела в суде. Конституционный Суд Российской Федерации указал, что правовые позиции, ранее высказанные им применительно к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР, восприняты законодателем и закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, введенном в действие в 2002 году: по смыслу его статьи 246, полный или

частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства либо изменение им обвинения в сторону смягчения определяют принятие судом соответствующего решения. Конституционный Суд Российской Федерации пришел также к выводу, что отказ от обвинения и его изменение в сторону смягчения требуют мотивированного обоснования, поскольку мотивированность решения предполагает возможность его последующей проверки, и что вынесение судом решения, обусловленного такой позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты, законность же, обоснованность и справедливость данного решения возможно проверить в вышестоящем суде.

Аналогичный подход был применен и в отношении запроса Курганского областного суда, в котором ставился вопрос о неконституционности части седьмой статьи 246 и пункта 2 статьи 254 УПК Российской Федерации в той мере, в какой они обязывают суд, основываясь на позиции по делу государственного обвинителя, признать подсудимого виновным в пределах измененного обвинителем обвинения. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, отказывая в принятии запроса к рассмотрению Определением от 14 декабря 2004 года № 393-О, непредоставление суду полномочий, выходящих за рамки осуществляемой им функции правосудия, в том числе полномочия принимать решение в пределах сформулированного в обвинительном заключении или обвинительном акте обвинения, если обвинитель полностью или частично отказался от него либо внес в него изменения, и, соответственно, возложение на суд обязанности прекратить уголовное дело (уголовное преследование) при полном или частичном отказе обвинителя от обвинения не могут расцениваться как ограничение самостоятельности и независимости суда, гарантируемых Конституцией Российской Федерации.

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации нашли отражение и в судебной практике. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил судам, что в соответствии с частями седьмой и восьмой статьи 246 УПК Российской Федерации полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение им обвинения в сторону смягчения определяют принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя, поскольку уголовно-процессуальное законодательство исходит из того, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, а формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются обвинителем (пункт 29 постановления от 5 марта 2004 года № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»); в случаях изменения государственным обвинителем в ходе судебного заседания обвинения в сторону смягчения либо при частичном отказе от обвинения председательствующий судья должен вынести постановление о продолжении разбирательства дела в объеме обвинения, поддерживаемого государственным обвинителем (пункт 9 постановления от 22 ноября 2005 года № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей»).

4. В Постановлении от 2 июля 2013 года № 16-П Конституционный Суд Российской Федерации признал положения части первой статьи 237 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации применительно к случаям, когда фактические обстоятельства,

изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления, — поскольку действующее правовое регулирование препятствовало при таких условиях возвращению уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом.

Как указано в названном Постановлении, разрешая уголовное дело, суд на основе исследованных в судебном заседании доказательств формулирует выводы об установленных фактах, о подлежащих применению в деле нормах права и, соответственно, об осуждении или оправдании лиц, в отношении которых велось уголовное преследование; при этом состязательность в уголовном судопроизводстве предполагает, что возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в законе органами и лицами, возложение же на суд обязанности в той или иной форме подменять их деятельность по осуществлению функции обвинения не согласуется с предписаниями статьи 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации и препятствует независимому и беспристрастному осуществлению правосудия, как того требуют ее статья 120 (часть 1), а также статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что, поскольку в силу статей 49 (часть 1), 118 и 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации и конкретизирующих их положения статей 1, 5, 15 и 16 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» признание лица виновным в совершении преступления составляет исключительную компетенцию судебной власти, а судьи как ее представители при осуществлении правосудия подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, постольку рассмотрение судом находящихся в его производстве дел предполагает наличие у него возможности самостоятельного, независимо от чьей бы то ни было воли, по своему внутреннему убеждению оценить обстоятельства конкретного дела, не вторгаясь в функцию обвинения, и выбрать подлежащую применению норму права, равно как и обязанности вынести на этой основе правосудное решение по делу при соблюдении процедуры, гарантирующей реализацию процессуальных прав участников судопроизводства.

Однако выводы, сделанные Конституционным Судом Российской Федерации применительно к праву суда на возвращение уголовного дела прокурору по собственной инициативе для устранения препятствий к его рассмотрению, не могут быть распространены на случаи изменения обвинения в суде государственным обвинителем в сторону смягчения.

Согласно части третьей статьи 15 УПК Российской Федерации суд не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Прокурор же в судебном разбирательстве, будучи единственной процессуальной фигурой, выполняющей функцию уголовного преследования со стороны государства, обладает процессуальным статусом государственного обвинителя, и если он отказывается от обвинения или изменяет обвинение на менее тяжкое, то фактически состязательность процесса в соответствующей части прекращается. Кроме того, в рамках состязательного процесса и подсудимый, и его защитник выстраивают свою позицию, сообразуясь с объемом того обвинения, которое поддержано государственным обвинителем в судебном заседании. При этом

отказ государственного обвинителя от обвинения или изменение обвинения в сторону смягчения должно быть мотивированным и обоснованным ссылкой на предусмотренные законом основания. В свою очередь, суд, принимая решение, обусловленное позицией государственного обвинителя, обязан не просто рассмотреть мотивы его действий, но и в процедуре, отвечающей требованиям состязательности, установить обоснованность таких отказа или изменения, для чего необходимо исследовать обстоятельства дела, проверить и оценить собранные и представленные суду доказательства. Лишь по результатам этой процедуры может быть принято соответствующее судебное решение, законность, обоснованность и справедливость которого возможно проверить в вышестоящем суде (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2004 года № 393-О, от 16 декабря 2010 года № 1711-О-О, от 29 сентября 2011 года № 1219-О-О, от 25 января 2012 года № 105-О-О и от 25 сентября 2014 года № 1904-О).

Таким образом, по смыслу части восьмой статьи 246 УПК Российской Федерации, применяемой с учетом правовых позиций, выраженных в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 года № 7-П, от 8 декабря 2003 года 18-П и от 2 июля 2013 года № 16-П, а также в его определениях от 5 июля 2000 года № 150-О, от 14 декабря 2004 года № 393-О и др., решение суда по вопросу об объеме обвинения при его изменении государственным обвинителем в судебном заседании в сторону смягчения предопределено позицией государственного обвинителя при условии ее мотивированности и обоснованности ссылкой на предусмотренные законом основания.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать запрос Курганского областного суда не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».